

ЮНОСТЬ

12+

Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходит с июня 1955 г.

№5 (748) 2018

9 770132 203600

Поэты России

Пойдем кататься на кораблике
На зависть разношерстной публике.
Потом повесим фотки в паблике:
Вот мы на палубе, вот в кубрике...

Тая ЛАРИНА
Читайте на стр. 4

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№5 (748) 2018

«ЮНОСТЬ» © С. Красаускас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: **unost-contact@mail.ru**

Наш сайт: **<http://unost.org>**

Страница на «Фейсбуке»:

<https://www.facebook.com/unost>

На первой странице обложки иллюстрация Марины МЕДВЕДЕВОЙ с использованием работы Стасиса КРАСАУСКАСА

Главный редактор
Валерий ДУДАРЕВ

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ

Лев АННИНСКИЙ

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

Анна ГЕДЫМИН

Сергей ГЛОВЮК

Борис ЕВСЕЕВ

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Елена ИСАЕВА

Валерий КОЗЛОВ

Владимир КОСТРОВ

Нина КРАСНОВА

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Евгений ЛЕСИН

Георгий ПРЯХИН

Владимир РАДЧЕНКО

Ольга РЫЧКОВА

Елена САЗАНОВИЧ

Александр СОКОЛОВ

Борис ТАРАСОВ

Елена ТАХО-ГОДИ

Олег ТОЛКАЧЕВ

Игорь ШАЙТАНОВ

Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

заведующая отделом литератур народов России и СНГ

Марианна ДУДАРЕВА

заведующая отделом критики

Елена МАКСИМОВА

главный художник

Ольга МАЛЬЦЕВА

заведующая отделом культуры

Татьяна МАХОВА

заместитель главного редактора,

заведующий отделами

прозы и поэзии

Игорь МИХАЙЛОВ

заведующий отделом

зарубежной литературы

Евгений НИКИТИН

заведующая отделом молодежи

Анастасия ПОПОВА

заместитель главного редактора,

заведующий отделом публицистики

Евгений САФРОНОВ

заместитель главного редактора,

ответственный секретарь

Светлана ШИПИЦИНА

В НОМЕРЕ:

Поэзия

Тая ЛАРИНА 4

Проза

Макс СЫСОЕВ

РЕЗЕРВНАЯ КОПИЯ ВОСПОМИНАНИЙ

Повесть. Продолжение 50

Владимир КРУПИН

РАССКАЗЫ Продолжение 27

Альберт ЛИХАНОВ

ОГЛЯНИСЬ НА ПОВОРОТЕ, ИЛИ ХРОНИКА ЗАБЫТОГО

ВРЕМЕНИ Роман в повестях. Продолжение 39

Георгий КУЛИШКИН

РАССКАЗЫ 61

Страницы Льва Аннинского

ЗАМЕТКИ НЕВОСПИТАТЕЛЯ

ЗУЛЬФИЯСНОСТЬ 20

Что возмутило вас?

Олег ФЕДОТОВ

УЧЕНОГО УЧИТЬ — ТОЛЬКО ПОРТИТЬ! 15

Лицом к лицу

МАКСИМ СКОРОХОВ: «В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ

Я ЯВЛЯЮСЬ ПРОДУКТОМ СОЦИАЛЬНОГО

ЭКСПЕРИМЕНТА» Беседу вела Марианна Дударева 22

Национальные образы мира

ЧЕКАН ДУШИ

Эльчин ЭФЕНДИЕВ

ГОЛОВА Роман. Окончание 82

Заведующий редакцией

Игорь РУТКОВСКИЙ

Отдел юмора

Генрих ПАЛОЯН

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Ольга МАЛЬЦЕВА

Фотокорреспондент

Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Борис ДАНИЛОВ

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Уноземный сюжет

РУБРИКУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НИКИТИН

Мик Стернер СЕНТ-ПОЛ

УЖАС МОРЕЙ Продолжение **70**

НЕИЗВЕСТНЫЙ КОНАН ДОЙЛ

Артур КОНАН ДОЙЛ

ДВА РАССКАЗА О КАПИТАНЕ ШАРКЕ

Составитель и переводчик текста с английского Юрий Сенчуков **72**

Кулинария

РУБРИКУ ВЕДЕТ НАТАЛЬЯ ЯКУШИНА

Павел ПЕТРУЛЕВИЧ

СКАЗКА ПРО СЫР **91**

Одним словом

Татьяна МЕДИЕВСКАЯ

ЦИРКОВАЯ ЛОШАДЬ **93**

Творческий конкурс

Ратмир ЛУТФУЛЛИН г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ **95**

София АГАЧЕР США **104**

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Владимир КЛЮЧНИКОВ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ С ТОГО СВЕТА Повесть. Продолжение **110**

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Александр МИХАЙЛОВ

ИНОСТРАННЫЙ АКТЕР **123**

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА

РУПОР ЕЛЕНА ВАЕНГИ **126**

ОКОЛОЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Проказник ГЕО

ЧУЖИЕ ЗДЕСЬ НЕ ХОДЯТ **127**

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8.

Для почтовых отправок:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность представленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ООО «Типография
«Миттель пресс»

Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

Тел./факс: +7(495) 619-08-30,

+7(495) 647-01-89

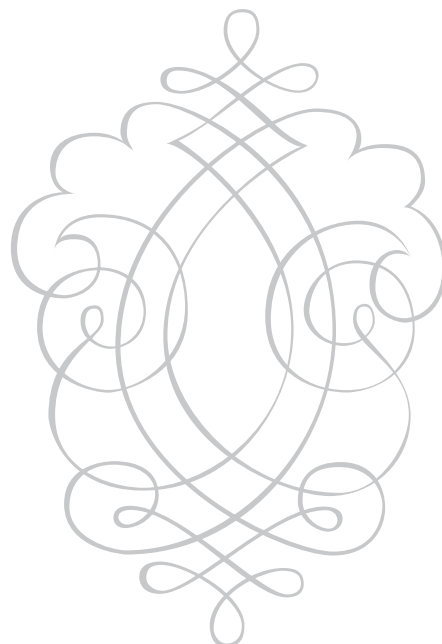
E-mail: mittelpress@mail.ru

Тираж 3 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Тая ЛАРИНА

Тая Ларина родилась в 1987 году в Москве.

Работа: пресс-секретарь.

Образование: Литературный институт имени Горького (2009), МГППУ (2017).

Публиковалась в российских и зарубежных СМИ. Лауреат премии «Триумф» (2009). Победитель (Гран-при) Всероссийского литературного конкурса среди молодых авторов имени Л. И. Ошанина (2012). Лауреат премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность» (2013).

ВЕСНА

Девочка Лида живет в пруду подо льдом,
У девочки Лиды в пруду подо льдом дом.
Дом охраняют карп и большой сом.
Девочка Лида думает, это сон.
Девочка Лида утром глядит ввысь,
Гладит сома, а потом говорит: «Брысь!
Как это все нелепо...»
И улетает в небо.
Небо не то чтоб жестоко, но жестко, да —
Девочка Лида бьется о слой льда.
В общем, неважно, что там сейчас с ней.
Лед на пруду трескается. К весне.

КОРАБЛИК

Пойдем кататься на кораблике
На зависть разношерстной публике.
Потом повесим фотки в паблике:
Вот мы на палубе, вот в кубрике.
Вот мы уже стоим на мостике
В какой-то позе из гимнастики
(Я буду в сером платье простеньком,
На этот раз не Роза, Настенька).
И тотчас лед под нами тронется,
А что же нам с тобой останется?
Ты слышишь? Входит в город конница,

И со страницы сходит странница.
И девочка на подоконнике
В нарочно купленном купальнике
Любуется преградой тоненькой
И всплесками соседской паники.
Потом и мы с тобой докатимся
До белочек и прочих котиков.
За этих дурочек расплатимся.
И за романтику с экзотикой.

* * *

Кони скачут, Ярославна плачет,
Догорают избы вдалеке.
Был ли мальчик, или это мячик
Проплывает по реке-Оке?
Волны так легки и белогривы..
Уходя от хриплого «Ату!»,
Катерина падает с обрыва,
Превращаясь в чайку на лету.
Катерину никому не жалко —
Выстрелила палка — ай-ай-ай.
Выходила на берег русалка.
Но теперь не выйдет, так и знай.

Гагарин

Гагарин улетает в небо,
Орфей спускается в Аид.
Но невозможного не требуй.
Не будет чуда. Без обид.
Ты никому из них не нужен,
На том и держится весь миф.
Теперь почувствуй радость — ну же —
Не знавших о тебе, забыв.
В историю попав в разгаре
Войны — очередной трофей,
Ну чем ты хуже, чем Гагарин?
И чем ты лучше, чем Орфей?

* * *

А вот теперь иди и делай вид,
Что он полезет за тобой в Аид,
Что от стыда за это все сгорая,
Он за тобой последует из Рая
В какой-нибудь забытый богом край,
В котором хошь живи, хошь умирай,
Никто особо даже не заметит.
Все оттого, что вы уже не дети,

А падшие созданья, потому
 Давно не интересны никому.
 Иди и повторяй вот это всё,
 Что он тебя отыщет и спасет,
 Что он теперь с тобой до гроба рядом.
 А то, что знаешь ты, нам знать не надо —
 Что он вздохнул, сказал: «Какая жесь»
 И там остался — яблоко доесть.

* * *

Они рожают детей и выходят в космос,
 А ты домой возвращаешься после школы.
 Недавно взяла и зачем-то обрезала косы,
 Бросила фотокружок и секцию баскетбола —
 Времени мало, жалко вот так тратить.
 Жизнь впереди радостная, большая.
 Ты идешь и вспоминаешь платье,
 Которое на выпускной сама себе обещала.
 Ты идешь и отражаешься в лужах,
 И фонари освещают твою дорогу.
 Для настоящего счастья так мало нужно.
 Но тебе пока еще хочется очень много.
 ...Они возглавляют списки и комитеты,
 Они запрещают к импорту кока-колу,
 И ты почти тридцать лет наблюдая картину эту,
 Все никак не можешь вернуться домой из школы.

* * *

...И увезти ребенка жить туда,
 Где яблоки стучат по старой крыше,
 Где колетса холодная вода,
 Когда в нее заходишь. Пусть подышит.
 Хоть он подышит воздухом живым,
 Без привкуса бетона и бензина.

Родить ребенка, положить в корзину
 На мягкую подстилку из травы,
 И аккуратно в воду опустить,
 И все смотреть, пока та будет плыть.

Умыться, сесть, взглянуть в глаза врачу
 И повторить чуть слышно: «Не хочу».

Мультики

Смотри, малыш бежит в апрель —
 Зареванный — кина не будет.
 Ни Дональд Дак, ни Ариэль,

Ни дятел Вуди
Сегодня в гости не придут.
Ни Том, ни Джерри.
А он сидел в седьмом ряду,
Он всем им верил.
И ненадорванный билет
Сжимал упрямо.
Какие мультики в шесть лет?
Сплошные драмы!
И все бы, может, ничего,
Но на ладони
Лежит билет, и он его
Сейчас уронит,
И понесется из ДК
Вдоль по аллее.
И будет убежать, пока
Не повзрослеет.

УРЕНГОЙ

Мальчики с Марса. Девочки — с Уренгоя.
Ногой открывают двери в любые замки.
Хватают с порога самое дорогое,
Все, на что право имеют отборные самки.
Потому что после пожара или потопа
Не останется никакого вашего Средиземья.
Тараканы, орки и те, кто ушами не хлопал.
И девочки с Уренгоя над ними всеми.

РЕМОНТ

Надумашь плакать, а слезы тебе отключили.
За неуплату, наверное... Ну бывает.
Может быть, что-то чинят в подвале или
В ЖЭКе решили: ты временно неживая.
Коммуникации не отвели, но все же
Отрубили тепло и внутренний свет пока что.
Капитальный ремонт — это совсем не сложно,
В современном мире в нем нуждается каждый.
Каждый второй потом остается красивым,
Чистым, уютным, будто ни в чем не бывало.
Тише, тебе потом пригодятся силы.
Делать вид, что не было этого затопленного подвала.

* * *

Ничего, все будет хорошо.
Ну не у тебя, так у Бабая.
Он вчера нашел большой мешок,
Чтобы точно влезла дрянь любая.

Глупых и бессмысленных людей —
Злых мужчин и их сварливых женщин
Нынче на рассвете станет меньше.
Где они? Да в общем-то нигде.
Утро будет чистым и простым.
Отступила тьма. Бабай на страже.
Хорошо, что в этот раз не ты
Оказался злобным персонажем.

Сказка

Оставь меня, старушка, я в печи.
Я сам сюда пришел по буеракам,
Не чтобы чашку чая получить
И на плече твоём костлявом плакать.
Смотри, старушка, я принес дрова,
И спички, и какое-то огниво.
Покуда ты ещё жива, давай
Отправь меня в загробный мир счастливый!
Чтоб не было там глупых королей
И бабы, превратившейся в лягушку.
Я не хочу к ним! Ну же, пожалей
Меня, старушка...
Но старая карга посмотрит вбок:
«Какой хороший мальчик, верит в чудо.
Ну, насмешил меня, сынок... Как мог.
Держи, милок, клубок,
Иди отсюда».

Ацтекский бог

Оставивший страну ацтекский бог,
Уплывший на каноэ в облака,
Был добр, но справедлив и в меру строг,
Не то что этот мрачный истукан,
Оставшийся наместником его,
Торчащий острым бивнем из песка.
Поэтому с тех самых пор кругом
Такая неизбывная тоска.
Сменяются великие вожди,
Жрецы приносят в жертву всех подряд,
То засуха, то день и ночь дожди.
Но он вернется, люди говорят.
Мы выйдем его встретить, вдалеке,
Увидев незнакомые суда.
Пока он, не замеченный никем,
Пытается их не пустить сюда.

Огонь

Человек научился огонь доставать из камня
и с тех пор достает оттуда такие вещи,
которые людям нормальным не снились даже.
А он достает, разглядывает и прячет.
Человек повсюду носит с собою камень,
на сердце носит, за пазухой и на шее.
Человек кроме камня за жизнь ничего не нажил.
Ничего вообще, и,
говорят, и сам он скоро окаменеет,
встанет на главной площади руки в боки —
Никуда не сдвинешь. Ну что же, ему виднее.
Пусть себе стоит, холодный и одинокий.
Ну а мы пойдем — огонь доставать из камня.

БАРМАЛЕЙ

Бармалеям тоже нужно кушать,
Но хороших есть запрещено,
Мальчиков и девочек послушных
Бармалей обходит, как щенок:
Бестолково тыкается носом,
Отползает, поджимая хвост.
А тебя он может съесть бес спросу,
Ну какой на троечников спрос?
Вас растят-то, кстати, и лелеют,
Чтоб не голодали бармалеи.

* * *

Когда он за тобой приедет,
Ты не поедешь никуда:
А что подумают соседи?
А как же столько лет труда?
Нельзя же вдруг вот так — и сразу...
Ты в руки-то себя возьми,
Какое, к лешим, платье в стразах,
Когда рабочий день с восьми?
А если в Царстве Тридесютом
С работой тоже полный мрак?
Я что, тебе на шею сяду?
Как бы не так!
И выслушав тираду эту,
Скрывая грусть,
Он скажет: «Больше не приеду».
Да фиг с ним, пусть.

* * *

Кто первым умер, тот и победил,
А остальные сами виноваты.
У нас теперь вся вечность впереди
Слоняться по коре шероховатой,
Бесцельно строить город золотой
На месте непролазного болота.
Нам страшно, больно, стыдно, но зато —
Смотри — мы отражаемся на фото.

* * *

Человек человека не знает и смотрит волком.
Человек человека видит издалека.
Реже в прицел, чуть чаще в дверную щелку,
Не касаясь зашелки и, не дай бог, курка.
Человек человека очень боится трогать.
Если не тронешь, может быть, пронесет.
А то вот так сунешь руку в душу по самый локоть,
А тебя туда с сапожищами засосет.

* * *

Антуан де Сент-Экзюпери
Говорил: не трогай что попало,
Лишнего от мира не бери,
Что бы там к рукам ни прилипало.
Все, что ты возьмешь у них, теперь
Навсегда твое, и ты в ответе
За любую из своих потерь,
Даже если ты их не заметил.
Даже если даром не сдалось,
Только перепачкало ладони.
Руки разведи — возьми и брось.
Радуйся, что ничего не понял.

* * *

Вот выстрелят в тебя из-за угла —
Ты ляжешь там, где тень твоя легла,
Ты станешь тем, кем запрещалось быть,
Тем, о котором все хотят забыть,
Оставив страх в чужих застывших лицах.
И ничего с тобою не случится.

Титаник

Мы все умрем. Но только перед этим
Мы будем пить холодное шабли.

О нас напишут в утренней газете,
Мол, плохо строят наши корабли,
Мол, эти инновации из строя
Выходят строем, вот он, ваш прогресс,
Мол, наши жизни ничего не стоят,
С билетами мы тонем или без.
Мы больше ни о чем и не просили —
Сгореть бескрылой бабочкой в Аду.
Нас не учили, как нам жить в России
В две тысячи семнадцатом году.

* * *

Разнорабочие в Раю
Снуют бесшумно муравьями.
Их ангелы не узнают,
Не видевшие их ни в храме,
Ни у могильного креста.
Их жизнь была совсем проста.
И смерти не заметив сами,
Они продолжили свой труд
Отныне тут.

* * *

Ощущать себя суповым набором,
В который зачем-то вложили душу.
Мясник опомнится очень скоро,
«Никто такое нэ станэт кушать!» —
Всплеснет руками. Пакет развяжет
И вынет все, что казалось лишним:
«Вай, харашо, нэ замэтно даже!»
А Бог пройдет по рядам неслышно.
Он купит вишен у тети Кати,
И под прилавком заметив ящик,
Быть может, душу с собой захватит.
А остальное коты растащат.

* * *

Платон мне друг, а истина в вине.
Вина во мне. Я — в танке. Танк в Париже.
(Я этот город так и так увижу,
Ну не сейчас, так через сорок дней.)
Вот тут бы и начать подсчет огней
На улицах треклятого Саратова
Или сказать, что я теперь умней

И не смогу ничем тебя порадовать.
 Но я молчу. И понимаю вдруг,
 Что прошлое — увы — ни в чем не тонет.
 О будущем читая по ладоням,
 Не отобьешься от своих же рук
 (но лучше быть готовой к обороне).
 А из Платона никудышный друг.
 Да в общем-то и дело не в Платоне.

* * *

Под вечер, бывает, хочется застрелиться,
 Но стреляться в общественном месте нельзя никак —
 Тут же придет какая-нибудь полиция
 И в протоколе напишет, что ты дурак.
 Не оправдаться потом на суде небесном:
 Мол, не хотел я, это оно само,
 Дескать, я больше не буду, серьезно, честно,
 Отпустите меня и прочие nevermore.
 Они посмеются и скажут: «Ну что ты, что ты.
 Из-за таких идиотов у нас тут ад,
 Вставай с тротуара — утром тебе на работу.
 Мы продлеваем срок». И швырнут назад.

Мартини

Каждый день возвращаться с работы с больной головой,
 Все с большим трудом влезать в любимое платье.
 Отстраняться и злиться — какой-то он слишком живой,
 Как все это некстати.
 Улыбаться дежурно, вцепившись руками в бокал,
 Думать только о том, «боже, как же мне хочется спать...» и
 «Он, конечно, хороший, но очень не в тему пока,
 Я ему объясню. Только пусть за мартини заплатит».

* * *

Тяжелее всего дается легкость. Такая,
 После которой тебе ничего не будет.
 С нею легко по головам шагают,
 И амбразуру легко закрывают грудью.
 Потому что, если тебе ничего не нужно,
 Потому что, если тебе ничего не важно,
 То какая разница, что там еще снаружи,
 И какая разница, что про тебя расскажут.
 Потому что, если внутри у тебя бездна,
 Потому что, если твой самолет сбили,

Это значит, надеяться бесполезно
И сквозь кожу и кости растут напролом крылья.

* * *

Выйдя из себя, как из воды,
Зверь ненастоящий рыбащер,
Встретит нас таким же молодым,
Только очень хрупким и хрустящим.
В вечности оставившие след
С надписью диагональной «Reebok»,
Мы уйдем в глубокий Интернет
Но и там наделаем ошибок.

* * *

Они говорят друг с другом о самом простом,
О том, что, наверное, надо убрать одеяло,
О том, что давление вечером было под сто,
И это уже никого как-то не удивляло.
Не нужно любви или ревности, ссор и обид.
Она разрезает ножом на клеенке таблетку:
«Сейчас, мой хороший, сейчас уже чайник вскипит.
Ты с сахаром пей. Его можно чуть-чуть, если редко».

Он любит не Машу, а Машино тело вокруг.
И знает, бывают тела на порядок шикарней.
Но все получилось случайно и в общем-то вдруг.
И выбор одобрили мама и, кажется, парни.

Она улыбается: «Помнишь, когда я ушла,
А ты притащил со двора вот такую собаку?
Спалил сковородку и даже зачем-то дуршлаг...
И плакал...»

* * *

Чтобы не было одиноко и очень страшно,
Нужно выйти из дома в полночь, и — прочь, и прочее.
Оборвется сердце линией карандашной:
Троеточие — три прочерка — троеточие.
Оторвется прошлое ровно по этой линии,
Настоящее в ненастоящее обнулится.
Все, билетик твой не действителен отныне, и
Глупо бояться — что будущего, что полиции.

МАРИНА

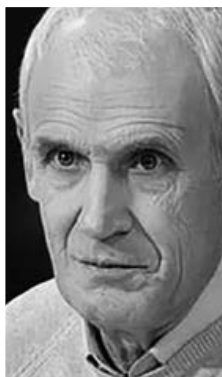
Хорошо быть древней дрянью,
Тварью с кожей ледяной,
С жутким огненным дыханьем,
Не любимой, не родной,
Вовсе никому не нужной,
Есть сырых людей на ужин,
Ужас наводить и страх
И иметь гнездо в горах.
Чуть сложнее быть Мариной
С теплой кожей и душой
(для системы эндокринной
Это минус, и большой).
Плюс Марина виновата
В том, чего не знает тварь:
В том, что люди сыроваты,
В том, что на дворе январь,
В том, что холодно и жарко,
В том, что Дима не женат.
Эволюция насмарку,
А Марина — сразу в ад.

* * *

Вот хоть вешайся, хоть стреляйся,
Хоть носи в себе вирус СПИДа,
Хоть с серийным маньяком встречайся,
Не получится быть убитой,
Безалаберно отвертеться,
Безответственно отстреляться,
Никуда от себя не деться.
Просыпаешься — снова двадцать.
И опять двадцать пять, и вроде
Те же улицы, те же люди.
И во всем, что здесь происходит,
Только ты виновата будешь.

* * *

Осознавший, что жизнь короче
Суммы прожитых разом лет,
Когда ты умереть захочешь,
То увидишь, что смерти нет.
Что с открытием этим делать,
Если замерло все в груди?
Положи аккуратно тело.
И иди.

Олег ФЕДОТОВ

Олег Федотов — доктор филологических наук, профессор МПГУ, член-корреспондент Международной академии педагогического образования, член Союза писателей СССР, почетный работник высшего профессионального образования.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие друзья! Продолжаем разговор об уничтожении отечественной науки деятелями от образования в чиновничьих робах. После выборов Президента все остались на своих местах, все сохранили свои доходы и связи. Теперь они поедут загорать на Канары, где и отметят успешное переизбрание. Простому же человеку никогда не попасть, например, в кабинет министра образования. Как говорится, чужие здесь не ходят! А чужие — это учителя и ученики, прозаики и поэты, рабочие и крестьяне... Чужие — мы с вами, уважаемые читатели. Конечно же, чужие — это и замечательные ученые нашей страны, не желающие пережевывать комбикорм чиновничьих приказов и постановлений! Покорись «Скопусу» и ЕГЭ» — требуют перетекающие из кабинета в кабинет митрофанушки! Но, слава богу, есть еще у нас непокорные, несмирившиеся. Таков и выдающийся ученый России Олег Иванович Федотов. Вновь ему слово.

УЧЕНОГО УЧИТЬ — ТОЛЬКО ПОРТИТЬ!

(В ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА ОБ ОСКОПЛЕНИИ НАУКИ)

Начало разговора — в № 2 за 2018 год

Прежде всего хочу поблагодарить редакцию «Юности» за публикацию моей статьи. Нынешнее подрастающее поколение иногда называют «памперсным», наше — было «журнальным». Именно журналы, толстые и тонкие, были для нас желанными воспитателями и наставниками. Мы с упоением читали опубликованные в них стихи и так называемых эстрадных поэтов, и представителей «тихой» поэзии, молодую задорную прозу Василия Аксенова и Булата Окуджавы, следили за журнальной полемикой между «Новым миром» и «Октябрем», «Молодой гвардией» и «Юностью». Опубликоваться в «Юности» для меня лично в 60-е годы было пределом самых заветных мечтаний. И вот более чем полвека спустя я получил свою первую публикацию в этом молодежном журнале, причем, что важно отметить, не отстраненно-официальную, а сочувственно-солидарную, продиктованную тревогой за

кризис, который переживают наше высшее образование и связанные с ним гуманитарные науки.

Догадываюсь, неспроста материал был обрамлен, с одной стороны, высказыванием «совести нации» академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, с которым я был связан своими научными интересами, а с другой — большим портретом человека, определяющего курс развития нашей страны, на тот момент кандидата в Президенты РФ Владимира Владимировича Путина. Замысел редакции очевиден: необходимо было привлечь внимание к обострившимся проблемам в научном мире, требующим незамедлительного разрешения. Действительно, наболело!

Диктат чиновников, по меткому слову Дмитрия Сергеевича — квалификаторов, присвоивших себе функцию неусыпного назойливого контроля, такой же тотальный, как всероссийский диктант, уже давно

переполнил чашу терпения. Живое, творческое дело преподавания и научных штудий формализовано и регламентировано донельзя. Квалификаторы избрывают все новые и новые инструкции, стандарты, компетенции (их уже синтезировано многие сотни!) и меняют строго формализованный порядок их применения практически каждый год, а то и чаще. Публикация научной продукции превратилась в совершенно беспардонный, разнузданный и бесстыдный коммерческий рынок.

После выхода моей статьи об оскотлении отечественной науки я получил десятки откликов от знакомых и вовсе не знакомых мне коллег, веером пересылавших ее электронную версию своим корреспондентам. Дорогостоящие скопусовские публикации, как выяснилось, все активнее и активнее насаждаются повсеместно в безудержной погоне за рейтинговыми баллами для вожделевских попасть в первую сотню университетов. Без «Скопуса» и Web of Science мои коллеги уже не могут рассчитывать ни на так называемые надбавки к зарплате, обязывающие выдавать скопусовские статьи два раза в год, ни на оплату командировочных расходов (а в конференциях участвовать необходимо регулярно), ни на благополучное прохождение конкурса (каждые два года, а кто и ежегодно), ни даже на право состоять членом диссертационных ученых советов. А теперь еще и аспирантам предписывается апробировать свои исследования уже не в трех, а в пяти, тоже платных, ваковских статьях и... минимум в одной скопусовской или Web'овской. Следующую свою статью я собираюсь посвятить громоздкой, нелепой и насквозь фальшивой процедуре защиты как кандидатских, так и докторских диссертаций. В этой области у меня накопился гигантский личный опыт...

Иностранные наукометрические базы данных, естественно, имеют право на существование. Но зачем, спрашивается, фетишизировать их? Они ничем не хуже, но и не лучше наших, отечественных. К тому же хорошо известно, какое отношение к нашей стране, нашим дипломатам, спортсменам и — тем более — к нашей науке возобладало теперь на изоглавшемся вдрызг обобщенном Западе. Так и представляешь его в виде субъекта «со скошенными от постоянного вранья глазами», как у той девицы, которая встречала в редакции булгаковского Мастера. А чиновники упрямо гнут свою линию — подавай им именно «Скопус» или Web of Science, обрекая ученых на дополнительные унижения в неравной конкуренции с западными коллегами.

Конечно, иностранные языки изучать надо, кто спорит, но одно дело — прочитать по-английски чужую

статью, и совсем другое — написать свою собственную! Свободное владение иностранными языками, свойственное, скажем, тому же Владимиру Набокову, который научился говорить сначала по-английски, а уж потом по-русски, доступно далеко не каждому. А что делать тем, кто изучал другие иностранные языки, немецкий, французский или испанский, либо знакомился с английским, переводя пресловутые тысячи знаков? Разве что обращаться к автопереводчику в Интернете, доступному, впрочем, любому заинтересованному пользователю.

С другой стороны, разве русский язык как метаязык науки в чем-то уступает английскому, явно предпочитаемому на этом недобросовестном, лицемерном рынке? Если вы специалист по английской или американской литературе, тут, бесспорно, перевод полезен и целесообразен. А если вы пишете о древнерусской литературе либо о поэзии Пушкина, Блока, Есенина, даже Бродского, с какой стати вас принуждают подстраиваться под англоязычных, с позволения сказать, «русистов»?

Или, может быть, у нас нет собственных авторитетных научных изданий, выходящих на русском языке и по гамбургскому счету не менее престижных, чем те, которые неведомо за какие заслуги и по каким критериям удостоены скопусовского статуса на Западе? Применительно к близкой мне литературоведческой проблематике это и «Русская литература», и «Русский фольклор», и «Вопросы литературы», и «Известия РАН. Серия литературы и языка», а также «Вестники» и «Ученые записки» практически всех ведущих российских университетов. Что тогда мешает Российской академии наук присвоить им соответствующий статус и требовать от иноязычных авторов соблюдать наши «свучаи и обычаи»?

Кто, интересно, и для кого ввел в обиход транслитерацию русскоязычных работ в библиографических списках, прилагаемых к тексту статей? Иначе как подбострастием по отношению к привыкшим к латинице иностранцам этот холуйский реверанс не объяснить. Недавно образованное Профессорское собрание учредило несколько отраслевых журналов, в правилах библиографического аппарата которых прямо и недвусмысленно указано: «Оформление ссылок происходит в соответствии с правилами, установленными Американской психологической ассоциацией (APA). Можно пользоваться автоматической системой оформления ссылок <http://www.bibme.org/> (формат APA) <...>. Внимание! Количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований. Ссылки на свои работы — 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке — не менее 50 %». Что-то не припоминаю,

чтобы подобные регламенты по отношению к русским источникам навязывали своим клиентам западные издатели!

Чиновничий беспредел, тотальный контроль за каждым нашим шагом в науке, возведенное в закон низкопоклонство перед западными эталонными образцами — все это порождено оскорбительным недоверием к профессиональной чести российского ученого. Теми же причинами было вызвано уродливое явление ЕГЭ, между прочим, тоже просроченный импортный товар, усовершенствованный нашими «новаторами» (чего стоит одна только изощренная система тотального видеонаблюдения, внедренная ими по аналогии с выборами!). Как недавно заметил Карен Шахназаров, те вопиющие благоглупости, которые совершает правящая верхушка США и Европейского союза, обязаны своим происхождением именно западной версии ЕГЭ. Скоро, предупреждает режиссер, и у нас к власти придут выпускники, сдававшие ЕГЭ. То-то начнется свистопляска!

Как научное, так и учительское сообщество, будучи веками проверенной саморегулирующейся системой, вполне может обойтись без контролирующих их деятельность самозванных квалификаторов. Опозориться перед коллегами или учениками для любого из нас гораздо страшнее и горше формального невежественного суда чиновников. Бернард Шоу прозорливо заглянул в наше время, поразив всех своим ядовитым парадоксом: «Кто умеет, делает, кто не умеет — учит», а знаменитый канадско-американский педагог Лоуренс Питер заострил его еще более: «Кто умеет, делает; кто не умеет, учит других; а кто не умеет и этого, учит учителей».

Народная мудрость гласит: «У семерых нянек дитя без глазу!» Любая система, чтобы безотказно функционировать и динамично развиваться, должна быть свободной от мелочной опеки, иначе ее творческий потенциал атрофируется. Обидно наблюдать за ежегодными пресс-конференциями Президента, к которому практически вся страна обращается с просьбами напрямую решить наболевшие проблемы. И он их победоносно решает! Вся хваленая вертикаль власти спохватывается, бодро берет под козырек и в мгновение ока исполняет то, что ей изначально вменялось в каждодневные обязанности.

И наконец, самое главное. Как нам преодолеть свою разобщенность, забвение о национальной гордости и профессиональной чести из-за боязни потерять и то малое, что еще остается? Совсем недавно меня взволновал телерепортаж по НТВ о солидарном поступке молодых петербургских врачей-онкологов, узнавших, что их руководитель Андрей Николаевич

Павленко сам подвергся атаке со стороны страшного недуга, но продолжил исполнять свой врачебный долг, вести, по примеру академика Павлова, дневник о течении болезни, ощущениях и симптомах. После того как в процессе химиотерапии он лишился волос, все члены возглавляемого им отделения приняли решение морально поддержать его весьма нетривиальным способом. Все как один они остриглись наголо и при появлении своего коллеги дружно сняли хирургические шапочки. Надо было видеть их светлые, одухотворенные лица, которые из-за отсутствия шевелюры не только не подурнели, а напротив, преобразились и стали поистине прекрасными. Думаю, их примеру последуют многие онкологи нашей страны. Жаль, что в Интернете этот благородный порыв был назван легковесным словечком «флешмоб». Бездумное использование английского сленга не только стоит в одном ряду с копированием западных моделей образовательного и научного обихода, но и в данном случае даже на стилистическом уровне снижает пафос произошедшего, приравнявая его к заурядной инсталляции.

Мне же в символическом порыве петербургских врачей видится вдохновляющий пример для всех нас. Вместо того чтобы молча терпеть бюрократическое псевдоноваторство квалификаторов в народном образовании и науке, их агрессивное вмешательство в интимнейший образовательный и научный процесс (методика — все-таки не столько наука, сколько искусство, не говоря уже о научном *творчестве!*), не пора ли нам, объединившись, создать не фиктивно-декоративное, а подлинное Профессорское собрание, которое не забыло о былой независимости университетов, о профессорах, которые добровольно уходили в отставку в знак протеста против правительственных мер по подавлению студенческих волнений, свято чтить единство своих рядов и никогда не пресмыкались перед иностранными «авторитетами»? Не пора ли нам возродить настоящие профсоюзы, дискредитировавшие себя еще при советской власти как совершенно никчемный угодливый придаток властных структур, рудиментарный орган по оказанию мелких бытовых услуг, типа льготных путевок или организации новогодних елок для сотрудников, их детей и внуков (а как только дело касается несправедливого увольнения, ликвидации кафедр или даже целых институтов, следует совет обратиться к юристам, которые, в свою очередь, направляют жалобу тем, на кого жалуются)?

Или, наоборот, для того чтобы отказаться от вымороженных стандартов образования, надуманных регламентов по составлению учебных планов, программ и методик, превращающих увлекательный процесс обучения из радостного творчества в унылое ремесло;

от показавшей полную несостоятельность идеи ЕГЭ, обернувшейся на практике примитивным натаскиванием на стандартный минимум навыков и элементарных знаний; от неэффективного укрупнения вузов и школ, не сокративших, а увеличивших поголовье управленцев; от унижительной зависимости от иностранных наукометрических баз данных и рейтинговых систем, вместо того чтобы продуцировать и развивать свои

собственные; от устаревших форм научной аттестации ученых, от громоздкого аппарата некомпетентных, не в меру ретивых контролеров, от невнятных, безынициативных людей в министерских креслах, умиротворяющими округлыми фразами успокаивающих встревоженную общественность, и пр., и пр., неужели и нам надо дожидаться отмашки всемогущего, но, увы, не всевидящего Президента?

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Страницы Льва Аннинского

Зульфиясность

Когда оглядываешься на заветы, оставленные веками, и пытаешься отыскать проходящий сквозь века лейтмотив, возникает ощущение громадности, подавляющей мощи, неодолимой силы. На нашей памяти — оставшиеся от отцов (а им — от дедов и прадедов) масштабы земшарной глыбищи. Не меньше. Если это жизнеустройство, то непременно в мировом масштабе. Если умиротворение, то всеобщее. Если правда, то ценой всесветного уничтожения лжи.

Шестидесятники, кажется, были последним поколением, верившим, что истина реализуется только глобально. Глобальные программы сталкивались насмерть, потому что несли в себе бескомпромиссность масштабов. Или все, или ничего!

И вот из страха перед мировой катастрофой человечество хочет справиться с этим культом огромности.

Есть ли признаки успеха?

Я приведу несколько строк из лирики нынешних молодых наследников этого глобализма.

Да не смутят вас лапки на месте лап и лапищ:

Эти странные птицы
Сядут на наши пашни.
Мы хотели надеть им на лапки
кольца наших побед.

Кто сказал вам,
Что эти победы ваши,
И пашни, и хижины?
Даже дети, наверное, не от вас.

Вы правы.
Свое и чужое
Мы уже с трудом различаем.

Однако, куда б ни летели
Эти прекрасные птицы,
Вряд ли мы позабудем
Орнамент на их крыле!

Наши победы — кольца на лапки? И эти миниатюрные орнаменты — не отрицание ли гигантизма? А само это отрицание — не опровергается ли шатким: «не ваши»?

Нет! Это я пытаюсь пересказать поэзию дубовой публицистикой. Ничто не отрицается в этой смене масштабов, но всему отыскивается сокровенная цена.

Дрожь травинки и голод букашек — такая же миниатюризация реальности, как дома, застрявшие на краю пропасти. Отделка не спасает: вековые трещины не щадят лакового покрытия, как не щадят и коры яблонь.

Каков смысл такого всматривания в мелочи бытия? И этого сравнения большого с малым?

Смысл в том, что мелкое не замечали, потому что оно не гигантское.

Подержи за пазухой птицу.
Пусть думают, что это камень.

А осязая камень, сможет ли осознать, что и он — птица?

Или — соотносаясь с Мариной Цветаевой:

Ничего в рябине больше нет.
Вся-то она в ягоды повышла.
Ни кровинки не оставила себе.
И стоит под вечер темнота, качаясь.
Новый плод — внутри.

Новый плод — разрешение темы.
Или — школьно отвердевшей от нескончаемого за-
каливания стали суждено оттаять:

На коньках и на трамвае
плыть казалось твердо мне.
Удивительно, но... тает
сталь, спаленная в огне.
Вроде льда, мемориальна,
по зеркальному родству
сталь блестящая витальна...
Пусть, как зубу и хвосту,
долго ей дремать под спудом
с привокзальной тоской,
но потом каким-то чудом...
стать прохладною рекой.

Мир — это сцены, связи, перетекания, слияния...
а лучше всего сказать — мосты:

Мосты мудры...
У моста есть всего несколько минут,
чтобы поддержать на ладони человека.
Никто не остается с мостом,
все проходят по нему мимо.
А он всех любит и всех бережет.

И вот так же бережет мост мироздание, в котором
гигантское и миниатюрное начала равно хранят таин-
ственную суть мироздания.

Камень, наступивший на ручей,
без купели быть уже не может.
Первый век, век яростных мечей,
в крепостном валу давно уж прожит.
Камень представляет, что течет...

Темный лик, водой посеребренный,
красотой нездешнею цветет,
что искрит, как провод оголенный.

Нездешняя красота.

Это ощущение таинственного смысла реальности
передано не столько сентенциями, сколько дыханием
стиха, пронизывающего все, к чему прикасается вооб-
ражение.

Мы не знаем, в чем тайна бытия, но чувствуем его
таинственную одушевленность.

Никто не знает, как закат теряет чувства.
Нам не понять закон устойчивости трав.
Быть может, жизнь сама есть чистое
искусство.
Сама в себя глядит,
главу задрал.

Здрав ли голову, углубившись ли в самосозерца-
ние, вглядывается душа в тайну бытия. В малом ли, в
крупном — судьба решает:

Девочка-сиротка так красива!
Но судьбу оплавав наперед,
За руку ее хватает ива
И к водице шелковой ведет.
Ничего ей не расскажет речка,
Тихо залебяжится у ног.
И качнется детское сердечко,
И почует сладостный порог.

Сладостный порог ощущает каждым стихом Зиль-
фия Алькаева.

Это черта новой лирики.

Я озаглавил эту свою заметку так, чтобы отзывалось
в ней имя, говорящее об этой новой зильфияности.

Максим СКОРОХОДОВ

МАКСИМ СКОРОХОДОВ: «В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ Я ЯВЛЯЮСЬ ПРОДУКТОМ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА»

В мае 2018 года отмечает юбилей Максим Скороходов — автор журнала «Юность», известный литературовед, историк русской литературы, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ), автор многочисленных научных, научно-популярных и публицистических статей, один из составителей и комментаторов Полного собрания сочинений Есенина, авторов и редакторов «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина», специалист, активно работающий в коллективах, которые организовали ряд международных фестивалей музеев «Интермузей», разработали программы комплексного развития нескольких десятков отечественных музеев, концепцию развития музейного дела в Российской Федерации.

— Что Вы можете сказать о своем вхождении в литературоведение?

— В какой-то степени я являюсь продуктом социального эксперимента, который проводился в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина. В те времена, в середине 1980-х, был крайне высокий конкурс на исторический факультет, причем среди поступающих подавляющее число составляли юноши. Экзамены были по русскому языку и литературе (письменно и устно), иностранному языку и истории. Принимавшие у нас экзамены преподаватели-филологи прикладывали немалые усилия

для того, чтобы мы получили как можно более низкие баллы. Экзаменаторы по иностранным языкам и истории были, напротив, настроены на удивление дружелюбно. Вскоре особенности такого поведения разъяснились — оказалось, что на исторический факультет зачисляются лишь обладатели 19 из максимально возможных 20 баллов, остальным же абитуриентам-юношам, собранным в просторную аудиторию, было предложено переквалифицироваться в филологи, точнее — овладевать специальностью учителя русского языка и литературы. И практически все согласились стать участниками этого эксперимента. Не знаю, подводил ли кто-либо результаты такого массового (человек по 60 в течение нескольких лет) перемещения абитуриентов. Думаю, идея тогдашнего декана факультета русского языка и литературы Владимира Андреевича Лукова была вполне разумной — ведь на протяжении многих десятилетий существовали единые историко-филологические факультеты: история и литература тесно взаимосвязаны и как предметы курса, и как научные специальности. Я больше тяготел тогда к истории искусств, а искусство в своем развитии неотделимо от литературного процесса. Сейчас часто и совершенно справедливо говорят об историко-литературных и культурных контекстах как о чем-то едином, как о гранях одного динамичного явления. Напомню, что в советские времена была такая важная для бу-

дущего специалиста форма обучения, как факультет общественных профессий. На нем я и приобщался к истории искусств, так что практически ничего из запланированного к обязательному изучению не пропустил, а вот обрел довольно много.

— **Кого Вы хотели бы назвать из Ваших педагогов?**

— Очень и очень многие преподаватели (некоторые из них до сих пор активно работают!) — не только уважаемые в научном мире ученые, но и методисты, авторы учебников, адресованных широкой аудитории, в том числе студентам, книг о том предмете, изучению которого они посвятили свою жизнь. Среди моих экзаменаторов при поступлении в институт был известнейший историк петровского времени, автор множества книг Николай Иванович Павленко. Выходец из кубанского казачества, он прожил большую, насыщенную событиями жизнь — больше столетия! И многое успел сделать. Долгую жизнь прожила и замечательный исследователь английской и других западных литератур Нина Павловна Михальская, к счастью, в течение года она не только читала нам лекционный курс, но и вела в нашей группе семинарские занятия. Интерес к стихам, их структуре многим из своих студентов уже на первом курсе, читая курс введения в литературоведение, привил Олег Иванович Федотов, в то время недавно перебравшийся в Москву из Владимира и потому приводивший в качестве примера случайно появившегося стихотворного текста прочитанные на улице города слова «Водитель, будь внимателен на улицах Владимира...». Часто вспоминаю работавших на кафедре общего языкознания супругов — участника Великой Отечественной войны профессора Александра Константиновича Панфилова и доцента Наталью Михайловну Киселеву. На втором курсе я попал в спецсеминар Натальи Михайловны, и вскоре она отправила меня к пятикурсникам — слушать лекции по стилистике, которые читал Александр Константинович. Несколько важных положений этого курса я сразу же использо-

вал в своей практической деятельности, начав писать не только научные работы, но и рецензии, небольшие информационные заметки, готовить публикации. Тиражи периодики в перестроечное время были большими, мои публикации появлялись в «Литературной России», «Книжном обозрении», журнале «В мире книг» («Слово»), газете «День». На всю жизнь запомнились семинарские занятия, которые вел живущий теперь в Соединенных Штатах Олег Анатольевич Проскурин. Всегда особый интерес вызывали лекции Игоря Олеговича Шайтанова, бывавшего в Великобритании и рассказывавшего нам о своих поездках. Среди русистов нельзя не вспомнить Веру Казимировну Радзиховскую, которая уже после завершения мной учебы в вузе пыталась научить меня польскому языку.

— **И все же кто привил Вам любовь к Есенину?**

— На третьем курсе я писал курсовую работу о Есенине под руководством Людмилы Васильевны Занковской, которая значительную часть своей научной деятельности посвятила есенинской тематике. У нее хранились и автографы поэта. Хотя я бывал у нее в гостях, но ничего посмотреть не удалось... В «Литературной газете» я общался с Юрием Борисовичем Юшкиным, который многое сделал для изучения и популяризации есенинского наследия. А затем писал кандидатскую диссертацию под руководством основоположника есениноведения Юрия Львовича Прокушева. Кстати, я оказался единственным его аспирантом, который защитил диссертацию. Обращение к Есенину неслучайно. Есенин — знаковое явление в русской словесности. Есть авторы более искусные в словотворчестве, есть те, которые удостоились большего внимания исследователей или переводчиков, есть более благосклонно принятые критиками и литературоведами, есть те, кто кометой пролетел по литературному небосклону, а теперь не вызывает сколь-либо заметного интереса как читателей, так и специалистов. Есенина вряд ли можно считать лидером в какой-либо из названных групп. Он занимает совершенно особое место, как совершенно верно говорил Юрий Львович Прокушев, «Есенин — это сама Россия». И в этих словах, в их осмыслении каждым человеком, и не только русским, а всеми читателями Есенина, принадлежащими к разным национальным и культурным традициям, кроется неразгаданная загадка есенинского обаяния. Его не только читают и с детства запоминают его строки наизусть, о нем мечтают, о нем напряженно дискутируют. Отношение к Есенину во многом определяет духовную сущность человека, его представление о России и мире. Но Есенин важен не только для нас, жителей России, но и для представителей других государств. Как-то мне довелось работать в Бишкеке пред-

седателем жюри конкурса сочинений о Есенине, в котором приняли участие школьники Киргизии. Во многих сочинениях, проникнутых неподдельным интересом к русскому автору, преобладала важная мысль: знакомство с есенинским творчеством позволяет узнать Россию — ее людей, ее природу, ее традиции. Чтение стихов русского поэта побуждало участников конкурса задуматься и о своей жизни, о любви и гармонии. Есенин выступает проводником русской культуры в мире, продвигает ее среди разных народов. Неслучайно произведения поэта, по некоторым данным, переведены более чем на 140 языков. К сожалению, далеко не все сведения доступны исследователям, однако работа по созданию базы данных о переводах и рецепции Есенина в мире в последнее время активизировалась. Например, сейчас наши индийские коллеги выявляют переводы поэта на языки народов Индии, для этого им потребуется посетить целый ряд индийских штатов.

— Прослеживается ли есенинское влияние на национальные литературы?

— Безусловно. Примеров можно привести множество, поэтому кратко остановлюсь лишь на нескольких. На одну из недавних есенинских конференций в Москву приехала большая вьетнамская делегация — переводчики, литературоведы, преподаватели университетов. Все они занимаются изучением наследия поэта и переводами его произведений на вьетнамский язык. Был среди них и Хоанг Тхюи Тоан, который впервые приехал в Советский Союз в 1954 году 16-летним юношей. Учась на третьем курсе педагогического института имени В. И. Ленина, он узнал, что один из спецкурсов читает молодой педагог Юрий Львович Прокушев, вдохновенно рассказывавший студентам о замечательном русском поэте. Сокурсница дала Тоану том сочинений Есенина, выпущенный киевским издательством «Радянський письменник», эту книгу подарила ей директор одной из московских школ, в которой девушка проходила практику. Увлечшись Есениным, Тоан стал

пропагандистом есенинского творчества во Вьетнаме. Он перевел немало стихов Есенина, воспитал целую плеяду профессиональных переводчиков с русского на вьетнамский язык. Как пишет известный специалист по иудаике Валерий Аронович Дымшиц, Есенин оказал заметное влияние на развитие американской поэзии на идише. Руководитель Есенинской группы ИМЛИ Наталья Игоревна Шубникова-Гусева подготовила к печати книгу «Есенин в Польше» — итог многолетней работы в польских архивах и библиотеках, общения с польскими исследователями и переводчиками. В этой монографии убедительно показано, насколько велико было влияние Есенина на развитие польской литературы в период между Первой и Второй мировыми войнами. Есть немало исследований, свидетельствующих о влиянии русского поэта на творчество самых разных писателей, на развитие литературного процесса в ряде стран мира.

— И все же, наверное, наибольший интерес к Есенину испытывают граждане России?

— Есенин важен для России, это наш национальный гений, его творчество вобрало в себя все многообразие русской культуры, русского быта, взлеты и досадные ошибки. Есенина хоронили в декабре 1925 года как великого русского национального поэта (так гласил транспарант), так он воспринимается и теперь. Важен Есенин и для всего постсоветского пространства. Я говорил уже о внимании к есенинскому наследию в Киргизии. Есенинские «Персидские мотивы» многократно переводились и в государствах Закавказья, и в странах Средней Азии, а также на персидский и арабский языки. Переводчики и читатели ощущают созвучие есенинской лиры своим национальным культурам и вместе с тем ценят поэта как носителя русского духовного кода.

— Вы являетесь одним из организаторов ежегодно проходящих международных есенинских конференций. Что дают они не с чисто научной стороны — чтение докладов и издание сборников статей, безусловно, актуально для есениноведения, — а как стимул для развития межкультурного диалога?

— Личное общение всегда очень важно. Никакие дистанционные варианты обсуждения не могут заменить живую дискуссию и заинтересованный обмен мнениями. Основными организаторами конференций выступают ИМЛИ, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина и Государственный музей-заповедник С. А. Есенина на родине поэта, а также Международное есенинское общество «Радунница». В конференциях участвуют представители Австралии, Азербайджана, Белоруссии, Болгарии, Бразилии, Вьетнама, Германии, Грузии, Индии, Испании,

Италии, Канады, Киргизии, Китая, Латвии, Монголии, Польши, Сирии, Турции, Узбекистана, Украины, Франции, США... Незабываемое впечатление оставляет у них поездка в есенинское Константиново, экскурсии по местам, связанным с его детством и творчеством. Даже если кто-то по каким-либо причинам не может принять личное участие в наших конференциях, я стараюсь использовать любую возможность, чтобы свозить их на родину поэта. Так, прошлой осенью из Гродно приехала в Москву для участия в конференции, посвященной Паустовскому, лингвист Татьяна Викторовна Сивова. Я выкроил день, поехали в Константиново, провел для коллеги экскурсию — и теперь в нашем сборнике планируется к публикации ее статья о поэте. Со многими участниками наших конференций завязываются научные, творческие и личные контакты. Благодаря такому общению активизируется поисковая работа, обнаруживаются новые материалы. Хотя о Есенине известно очень многое, случаются и открытия. В этом году я опубликовал неизвестную ранее дарственную надпись Есенина издательскому работнику Иосифу Вениаминовичу Аксельроду — копию автографа прислал из США один из дальних родственников адресата. Недавно прочитал интересное и довольно пространное исследование о цветописе Есенина, опубликованное в 1930-е годы известным режиссером, теоретиком искусства Сергеем Михайловичем Эйзенштейном. В 1930–1940-е годы Есенина печатали мало, но память о нем жила, его произведе-

ния читали, переписывали от руки, исполняли публично со сцены. А потом, с 1950-х годов, наступает период все возрастающей популярности Есенина. О проявлениях всенародной любви к Есенину можно говорить много. Но там, где любовь, возникают и чувства противоположные — и это тоже нужно учитывать, так что не всегда бывают чисто научные дискуссии. Печально, что, несмотря на пристальное внимание к проблеме

всех эшелонов власти, включая президентскую, не утверждены и не вступили в законную силу регламенты, регулирующие использование земель и строительство на территории достопримечательного места «Есенинская Русь». Эта территория, занимающая значительную часть Рыбновского района Рязанской области, связана с жизнью и творчеством поэта. И ее нужно спасти от застройки коттеджами и торговыми центрами, сохранить культурный ландшафт, существующие лесонасаждения.

— Вероятно, стремлением спасти есенинские места и обусловлено Ваше внимание к музеям и музейному делу?

— Да, исторически сложилось именно так. Работая в 2002 году в Константиново, а туда я стараюсь приезжать при каждом удобном случае, издали заметил людей, шагающих по константиновским холмам, что на окском берегу. Познакомился, и выяснилось, что это авторы концепции развития музея-заповедника Есенина, сотрудники ООО «Экокультура». И с тех пор я в содружестве с представителями этой организации, работающей несколько десятилетий под руководством Галины Алексеевны Зайцевой, участвую в реализации музейных проектов — организации и проведении фестивалей, научно-методических семинаров, разработке концепций и программ развития музеев, отраслевых документов. В музеях работают замечательные люди — в основном подвижники, влюбленные в свое дело, в своего героя, будь это Есенин, Паустовский, Пушкин, Полenov, прославленная актриса Ермолова, великие ученые Менделеев и Павлов. Меняются времена, меняется восприятие окружающего мира людьми, прежде всего молодежью. И музеи оказываются в крайне сложной ситуации — нужно сохранить уникальные коллекции, раритеты и при этом сделать экспозиции, интересные представителям разных поколений, заинтересовать гостей музея яркими программами. При этом музеи учатся зарабатывать средства для своего существования и развития — без этого им не прожить. Я с глубочайшим уважением отношусь к сотрудникам музеев, которых считаю коллегами, стараюсь поделиться с ними своими разысканиями, выступаю на семинарах, конференциях, редактирую музейные путеводители. Сильные музеи, предлагающие интересные программы, — это один из ключевых факторов развития туризма. Туризм же в свою очередь содействует формированию инфраструктуры гостеприимства — появляются новые дороги, кафе, гостиницы, жизнь местных жителей становится более интересной, они могут зарабатывать себе на жизнь, не уезжая в крупные города. Вот на работу в село Константиново некоторые музейные сотрудники приезжа-

ют из Рязани. Замечательно, что в Рязанской области развитие туризма и культуры курируется одним министерством и что министр культуры и туризма Рязанской области Виталий Юрьевич Попов, музыкант и педагог, прекрасно разбирается и в проблемах региона, и в вопросах культуры. Хотя в регионе немало различных культурных учреждений, в областной программе развития культуры и туризма есенинскому музею-заповеднику посвящена отдельная подпрограмма. Это очень важно — близится 125-летие со дня рождения поэта, и его нужно отметить ярко! И так, чтобы восстановленные объекты и новые экспозиции получились качественными и просуществовали не одно десятилетие.

— **Интерес к истории, в том числе к истории искусства, помогает в Вашей работе. А используется ли опыт, полученный при изучении истории педагогики?**

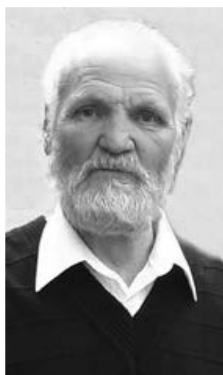
— Да, владение методологией, определенными знаниями никогда не может оказаться лишними. Я давно занимаюсь ранней биографией Есенина, в том числе периодом его учебы в Константиновском земском училище и Спас-Клепиковской второклассной учительской школе (Спас-Клепики — тоже Рязанская область, в здании этой школы расположен отдел есенинского музея-заповедника), и показал на конкретных примерах, что знания, полученные в годы учебы, нашли непосредственное отражение в произведениях поэта, например, в маленькой поэме «Марфа Посадница» — об этой исторической личности Есенин читал в школе, как и о герое другого произведения — Евпатии Коловрате. Потом я стал применять эту методологию для рассмотрения творчества других авторов. Оказалось, что

учебники оказали существенное влияние на формирование образной системы Брюсова и Белого — выпускников московской Поливановской гимназии, Паустовского и Булгакова — воспитанников Киевской первой гимназии. Изучение истории образования помогает глубже проникнуть в творческую лабораторию писателей, ведь нужно учитывать все истоки их творчества. Вот мы опять возвращаемся к важности музеев, поскольку именно здесь, особенно в территориальных музеях — музеях-заповедниках, сохраняются культурные контексты эпохи. Сохраняется, представляется посетителям, а порой и воссоздается усадебная культура, понимаемая в широком смысле — и крестьянской усадьбы, и дворянской, и купеческой. Кстати, новый поддержанный Российским научным фондом проект, в реализации которого я участвую, называется «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд». Наша первая поездка намечена... к Есенину, в Константиново.

Беседу вела Марианна Дударева

Владимир КРУПИН

Продолжение. Начало в № 4 за 2018 год

РАССКАЗЫ

УПРЯМЫЙ СТАРИК

Рисунок Марины Медведевой

На севере вятской земли был случай, о котором, может быть, и поздно, но хочется рассказать.

Когда началась так называемая кампания по сносу деревень, в деревне жил хозяин. Он жил бобылем. Похоронив жену, больше не женился, тайком от всех ходил на кладбище, сидел подолгу у могилки жены, клал на холмик полевые и лесные цветы. Дети у них были хорошие, работающие, жили своими домами, жили крепко (сейчас, конечно, все разорены), старика навещали. Однажды объявили ему, что его деревня попала в число неперспективных, что ему дают квартиру на центральной усадьбе, а деревню эту снесут, расширят пахотные земли. Что такой процесс идет по всей России. «Подумай, — говорили сыновья, — нельзя же к каждой деревне вести дорогу, тянуть свет, подумай по-государственному».

Сыновья были молоды, их легко было обмануть. Старик же сердцем понимал: идет нашествие на Россию. Теперь мы знаем, что так было. Это было сознательное убийство русской нации, опустошение, а вслед за этим одичание земель. Какое там расширение пахотной площади! Болтовня! Гнать трактора с центральной усадьбы за десять-пятнадцать километров — это разумно? А выпасы? Ведь около центральной усадьбы все будет вытоптано за одно лето. И главное — личные хозяйства. Ведь они уже будут — и стали — не при домах, а поодаль. Придешь с работы измученный, и надо еще тащиться на участок, полоть и поливать. А покосы? А живность?

Ничего не сказал старик. Оставшись один, вышел во двор. Почти все, что было во дворе, хлевах, сарае, — все должно было погибнуть. Старик глядел на инструменты и чувствовал, что предает их. Он затопил баню, старая треснутая печь дымила, ело глаза, и старик думал, что плачет от дыма. Заплаканным и перемазанным сажей, он пошел на кладбище.

Назавтра он объявил сыновьям, что никуда не поедет. Они говорили: «Ты хоть съезди, посмотри квартиру. Ведь отопление, ведь электричество, ведь водопровод!» Старик отказался наотрез.

Так он и зимовал. Соседи все перебрались. Старые дома разобрали на дрова, новые раскатали и увезли. Проблемы с дровами у старика не было, керосина ему сыновья достали, а что касается электричества и телевизора, то старик легко обходился без них. Изю всей скотины у него остались три курочки и петух, да еще кот, да еще песик, который жил в сених. Даже в морозы старик был непреклонен и не пускал его в избу.

Весной вышел окончательный приказ. Сверху давили: облегчить жизнь жителям неперспективных деревень, расширить пахотные угодья. Коснулось и старика. Уже не только сыновья, но и начальство приезжало его уговаривать. Кой-какие остатки сараев, бань, изгородь сожгли. Старик жил как на пепелище, как среди выжженной фронтовой земли.

И еще раз приехал начальник: «Ты сознательный человек, подумай. Ты тормозишь прогресс. Твоей де-

ревни уже нет ни на каких картах. Политика такая, чтоб Нечерноземье поднять. Скажу тебе больше: даже приказано распахивать кладбища, если со дня последнего захоронения прошло пятнадцать лет».

Вот это — о кладбищах — поразило старика больше всего. Он представил, как по его Анастасии идет трактор, как хрустит и вжимается в землю крест, — нет, это было невыносимо.

Но сыновьям, видно, крепко приказали что-то решать с отцом. Они приехали на тракторе с прицепом, стали молча выносить и грузить вещи старика:

постель, посуду, настенное зеркало. Старик молчал. Они подошли к нему и объявили, что если он не поедет, его увезут насильно. Он не поверил, стал вырываться. Про себя он решил, что будет жить в лесу, выкопает землянку. Сыновья связали отца: «Прости, отец», посадили в тракторную тележку и повезли. Старик мотал головой и скрипел зубами. Песик бежал за трактором, а кот на полдороге вырвался из рук одного из сыновей и убежал обратно в деревню.

Больше старик не сказал никому ни слова.

МОЛИТВА МАТЕРИ

«Материнская молитва со дна моря достанет» — эту пословицу, конечно, знают все. Но многие ли верят, что пословица эта сказана не для красного словца, а совершенно истинно, и за многие века подтверждена бесчисленными примерами.

Отец Павел, монах, рассказал мне случай, происшедший с ним недавно. Он рассказал его, как будто все так и должно было быть. Меня же этот случай поразил, и я его перескажу, думаю, что он удивителен не только для меня.

На улице к отцу Павлу подошла женщина и попросила его сходить к ее сыну. Исповедать. Назвала адрес.

— А я очень торопился, — сказал отец Павел, — и в тот день не успел. Да, признаться, и адрес забыл. А еще через день рано утром она мне снова встретилась, очень взволнованная, и настоятельно просила, прямо умоляла пойти к сыну. Почему-то я даже не спросил, почему она со мной не шла. Я поднялся по лестнице, позвонил. Открыл мужчина. Очень неопрятный, молодой, видно сразу, что сильно пьющий. Смотрел на меня дерзко, я был в облачении. Я поздоровался, говорю: ваша мама просила меня к вам зайти. Он вскинулся: «Ладно врать, у меня мать пять лет как умерла». А на стене ее фотография среди других. Я показываю на фото, говорю: «Вот именно эта женщина просила вас навестить». Он с таким вызовом: «Значит, вы с того света за мной пришли?» — «Нет, — говорю, — пока с этого. А вот то, что я тебе скажу, ты выполни: завтра с утра приходи в

храм». — «А если не приду?» — «Придешь: мать просит. Это грех — родительские слова не исполнять».

И он пришел. И на исповеди его прямо трясло от рыданий, говорил, что он мать выгнал из дому. Она жила по чужим людям и вскоре умерла. Он даже и узнал-то потом, даже не хоронил.

— А вечером я в последний раз встретил его мать. Она была очень радостная. Платок на ней был белый, а до этого темный. Очень благодарила и сказала, что сын ее прощен, так как раскаялся и исповедался и что она уже с ним виделась. Тут я уже сам, с утра, пошел по его адресу. Соседи сказали, что вчера он умер, увезли в морг.

Вот такой рассказ отца Павла. Я же, грешный, думаю: значит, матери было дано видеть своего сына с того места, где она была после своей земной кончины, значит, ей было дано знать время смерти сына. Значит, и там ее молитвы были так горячи, что ей было дано воплотиться и попросить священника исповедать и причастить несчастного раба Божия. Ведь это же так страшно — умереть без покаяния, без причастия.

И главное: значит, она любила его, любила своего сына, даже такого, пьяного, изгнавшего родную мать. Значит, она не сердилась, жалела и, уже зная больше всех нас об участи грешников, сделала все, чтобы участь эта миновала сына. Она достала его со дна греховного. Именно она, и только она силой своей любви и молитвы.

ПЕТУШИНЫЕ КРИКИ

Все люди, все до единого, те, кто вышел из сельской местности, а теперь живущие в городах, вспоминают детство. Оно им снится, о нем они любят говорить. Рыбалка, река, сенокос, лыжи зимой, санки. Сияние полной луны над серебряным снеж-

ным покровом. Запах дыма от русских печей, что говорить.

Один большой начальник особенно тосковал по петушину пению. Дети его просили купить им попугая. Он купил. Попугай оказался очень способным к обуче-

нию. Когда начальник поехал в отпуск навестить старуху мать, то взял с собой клетку с попугаем. В деревне он поместил попугая в курятник, и попугай в два дня выучился кукарекать.

И теперь он живет в Москве и кукарекает. Вначале мешал спать, ибо, по примеру сельских своих учителей, кричал на заре, и его клетку стали накрывать. Тогда он приспособился кричать днем и вечером. Так и живет.

Кому-то напоминает деревню, а кому-то евангельского петуха — алектора, который дважды успел прокричать в то время, в которое апостол Петр трижды отрекся от Христа.

Конечно, наш попугай, играющий роль петуха, будет кукарекать долго и обязательно переживет своих учителей, ибо им до старости дожить не суждено.

ГРЕЧИХА

Вот одно из лучших воспоминаний о жизни.

Я стою в кузове бортовой машины, уклоняюсь от мокрых еловых веток. Машина воеет, истертые покрышки, как босые ноги, скользят по глине.

И вдруг машина вырывается на огромное, золотое с белым, поле гречихи. И запах, который никогда

не вызвать памятью обоняния, теплый запах меда, даже горячий от резкости удара в лицо, охватывает меня.

Огромное поле белой ткани, и поперек прoderнута коричневая нитка дороги, пропадающая в следующем темном лесу.

РЕКА ЛОБАНЬ

Но до чего же красива река Лобань! Просто как девочка-подросток играет и поет на перекатах. А то шлепает босиком по зелени травы, по желтизне песка, то по серебру лопухов мать-и-мачехи, а то прячется среди темных елей. Или притворится испуганной и жметесь к высокому обрыву. Но вот перестает играть и заботливо поит корни могучего соснового бора.

Давно сел и сажу на берегу, на бревнышке. Тихо сажу, греюсь предвечерним теплом. Наверное, и птицы, и рыбы думают обо мне, что это какая-то коряга, а коряги они не боятся. Старые деревья, упавшие в реку, мешают ей течь плавно, зато в их ветвях такое музыкальное журчание, такой тихий плавный звон, что прямо чуть не засыпаю. Слышу — к звону воды добавляется звоночек, звяканье колокольчика. А это, оказывается, подошла сзади корова и щиплет траву.

Корова входит в воду и долго пьет. Потом поднимает голову, и стоит неподвижно, и смотрит на тот берег. Колокольчик ее умолкает. Конечно, он надоед ей за день, ей лучше послушать говор реки.

Из леса с того берега выходит к воде лосиха. Я замираю от счастья. Лосиха смотрит по сторонам, смотрит на наш берег, оглядывается. И к ней выбегает лосенок. Я перестаю дышать. Лосенок лезет к маминому молочку, но лосиха отталкивает его. Лосенок забегает с другого бока. Лосиха бедром и мордой подталкивает его к воде. Она после маминого молочка не очень ему нравится, он фыркает. Все-таки он немного пьет и замечает корову. А корову, видно, кусает слепень, она встряхивает головой, колокольчик на шее брякает, лосенок

пугается. А лосиха спокойно вытаскивает завязшие в иле ноги и уходит в кусты.

Начинается закат. Такая облитая светом чистая зелень, такое режущее глаза сверкание воды, такой тихий, холодеющий ветерок.

Ну и где же такая река Лобань? А вот возьму и не скажу. Она не выдумана, она есть. Я в ней купался. Я жил на ее берегах.

Ладно, для тех, кто не сделает ей ничего плохого, скажу. Только путь к Лобани очень длинный, и надо много сапог сносить, пока дойдешь. Хотя можно и босиком.

Надо идти вверх и вверх по Волге — матери русских рек, потом будут ее дочери: сильная суровая Кама и ласковая Вятка, а в Вятку впадает похожая на Иордан река Кильмезь, а уже в Кильмезь вливается Лобань.

Вы поднимаетесь по ней, идете по золотым пескам, по серебристым лопухам мать-и-мачехи, через сосновые боры, через хвойные леса, вы слышите ветер в листьях берез и осин и вот выходите к тому бревнышку, на котором я сидел, и садитесь на него. Вот и все. Идти больше никуда не надо и незачем. Надо сидеть и ждать. И с той, близкой, стороны выйдет к воде лосиха с лосятами. А на этом берегу будет пастись корова с колокольчиком на шее.

И редкие птицы будут лететь посередине Лобани, и будут забывать о своих делах, засмотревшись в ее зеркало. Ревнивые рыбы будут тревожить водную гладь, подпрыгивать, завидовать птицам и шлепаться обратно в чистую воду.

Все боли, все обиды и скорби, все мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Только воздух и небо, только облака и солнышко, только вода в берегах,

только родина во все стороны света, только счастье, что она такая, красивая, спокойная, добрая.

И вот такая течет по ней река Лобань.

ПАДАЕТ ЗВЕЗДА

Если успеть загадать желание, пока она не погасла, то желание исполнится. Есть такая примета.

Я запрокидывал голову и до слез, не мигая, глядел с Земли на небо.

Одно желание было у меня, для исполнения которого были нужны звезды, — то, чтоб меня любили. Над всем остальным я считал себя властным.

Когда вспыхивал, сразу гаснущий, изогнутый след звезды, он возникал так сразу, что заученное наизусть желание: «Хочу, чтоб меня любила...» — отскакивало. Я успевал сказать только, не голосом — сердцем: «Люблю, люблю, люблю!»

Когда упадет моя звезда, то дай бог какому-нибудь мальчишке, стоящему далеко-далеко внизу, на Земле, проговорить заветное желание. А моя звезда постареется погаснуть не так быстро, как те, на которые загадывал я.

ГДЕ-ТО ДАЛЕКО

Много времени в детстве моем прошло на полотах. Там я спал и однажды — жуткий случай — заблудился.

Полати были слева от входа, длинные, из темно-скипидарных досок.

Мне понадобилось выйти. Я проснулся: темень, темная. Пополз, пятясь, но уперся в загородку. Пополз вбок — стена, в другой бок — решетка. Вперед — стена. Разогнулся и ударился головой о потолок. Слезы пока-

пали на бедную подстилку из чистых половиков.

Тогда еще не было понимания, что если ты жив, то это еще не конец, и ко мне пришел ужас конца.

Все уходит, все уходит, но где-то далеко, далеко, в деревянном доме с окнами в снегу, в непроглядной ночи, в душном тепле узких, по форме гроба, полотах, ползает на коленках мальчик, который думает, что умер, и который проживет еще долго-долго.

ЛОДКА НАДЕЖДЫ

У рыбацких лодок нежные имена: Лена, Светлана, Ольга, Вера... Я шел с рыбаками на вечерний вымет сетей на баркасе «Надежда» и пошутил, что с лодкой надежды ничего не может случиться.

— Сплюнь! — велел старший рыбак.

Солнце протянуло к нам красную дорогу, и на конце этой дороги волны нянчили наш баркас.

Пришли на место. Выметали сети. Отгребли, запустили мотор.

Рыбак, тяжело ступая бахилами, подошел и сел. Помолчал.

Прожектор заката вел нас на своем острие.

— Надежда! — сказал рыбак. — На этой «Надежде» нас мотало, думали: хватит, поели рыбки, сами рыбкам на корм пойдем.

От лодки разлетались белые усы брызг, как будто лодка отфыркивалась в обе стороны.

— А ты ничего, — одобрил он. — Выбирать пойдешь?

— Пойду.

И вот хоть верь, хоть не верь, своей дурацкой шуткой я накликал беду. Когда на следующий день мы выбирали сети, налетел шторм.

Лодку швыряло, как котенка. Ветер ревел так, что уничтожал крик у самых губ.

Вернув рыбу морю и отдав пучине сети, мы все-таки выгребли. Когда, обессиленные, мы лежали на песке и волны, всхрипывая от злости, расшатывали причал, он крикнул:

— Как?!

Я показал ладони.

— Живет!

Я согласился, но все равно сказал, что имя у лодки хорошее. Он засмеялся.

— Жена моя Надя. Каприз ее был. Назови, говорит, лодку, как меня, тогда выйду.

— Хорошая?

— Лодка? Сам видел.

— Жена!

— Об чем речь. Сейчас с ума сходит.

Он стащил сапоги, вылил воду и хитро посмотрел на меня:

— Хочешь, надежду покажу?

— Да.

Я подумал, что в поселке он покажет свою жену Надежду.

— Вот! — Он показал мне свои громадные ладони, величиной в три моих.

Муська

Муська — это кошка. Она жила у соседей целых восемнадцать лет. И все восемнадцать лет притаскивала котят. И всегда этих котят соседи топили. Но Муську не выбрасывали: хорошо ловила мышей.

Муська после потери котят несколько дней жалобно мяукала, заглядывала людям в глаза, потом стихала, а вскоре хозяйка или хозяин обнаруживали, что она вновь ждет котят, и ругали ее.

Чтобы хоть как-то сохранить детей, Муська однажды окотилась в сарае, дырявом и заброшенном. Котят уже открыли глазки и взирали на окружающий их мусор, а ночью тарасились на звезды. Была поздняя осень. Пошел первый снег. Муська испугалась, чтоб котят не замерзли, и по одному перетаскала их в дом. Там спрятала под плиту в кухне. Но они же, глупые, выползли. И их утопили уже прозревшими. С горя Муська даже ушла из дому и где-то долго пропадала. Но все же вернулась.

Хозяева надумали продавать дом. Муську решили оставить в доме: стара, куда ее на новое место. Муська чувствовала их решение и всячески старалась сохранить и дом, и хозяев. Наверное, она думала, что они уезжают из-за мышей. И она особенно сильно стала на них охотиться. Приносила мышей и подкладывала хозяевам на постель, чтоб видели. Ее за это били.

Утром Муську увидели мертвой. Она лежала рядом с огромной, тоже мертвой, крысой. Обе были в крови. Крысу выкинули воронам, а Муську похоронили. Завернули в старое, еще крепкое платье хозяйки и закопали.

Хозяйка перебирала вещи, сортировала, что взять с собой, что выкинуть, и напала на старые фотографии. Именно в этом платье, с котенком на коленях, она была сфотографирована в далекие годы. Именно этот котенок и стал потом кошкой Муськой.

Первое слово

В доме одного батюшки появился и рос общий любимец, внук Илюша. Крепкий, веселый, рано начал ходить, зубки прорезались вовремя, спал хорошо — золотой ребенок. Одно было тревожно: уже полтора года — и ничего не говорил. Даже к врачу носили: может, дефект какой в голосовых связках? Нет, все в порядке. В развитии отстает? Нет, и тут нельзя было тревожиться: всех узнавал, день и ночь различал, горячее с холодным не путал, игрушки складывал в ящичек. Особенно радовался огонечку лампы. Все, бывало, чем бы ни был занят, а на лампадку посмотрит и пальчиком покажет.

Но молчал. Упадет, ушибется, другой бы заплакал — Илюша молчит. Или принесут какую новую игрушку, другой бы засмеялся, радовался — Илюша и тут молчит, хотя видно — рад.

Однажды к матушке пришла ее давняя институтская подруга, женщина шумная, решительная. Села напротив матушки и за полчаса всех бывших

знакомых подруг и друзей обсудила-пересудила. Все у нее, по ее мнению, жили не так, жили неправильно. Только она, получалось, жила так, как надо.

Илюша играл на полу и поглядывал на эту тетю. Поглядывал и на лампаду, будто советовался с нею. И вдруг — в семье батюшки это навсегда запомнили — поднял руку, привлек к себе внимание, показал пальчиком на тетю и громко сказал: «Кайся, кайся, кайся!»

— Да, — говорил потом батюшка, — не смог больше Илюша молчать, понял, что надо спасать заблудшую душу.

Потом думали, раз заговорил, то будет много говорить. Нет, Илюша растет молчаливым. Хотя очень общительный, приветливый. У него незабываемый взгляд: он смотрит и будто спрашивает — не тебя, а то, что есть в тебе и тебе даже самому неведомо. О чем спрашивает? Как отвечать?

«ЭТО ЖЕ ГОНКИ»

Внуки сидят за компьютером. Внук весь в игре.

— Трах! Бах! Бах! Уничтожен!

— Кого это ты уничтожаешь?

— Соперников. Гляди! Вот мой автомобиль зеленый, вот этот, видишь, красный, надо догнать! Я его догоняю, обгоняю, я его левым бортом... Трах!

На экране красная машина вылетает за бортик, кувыркается, летит под откос. На экране надпись: «Уничтожен» и сумма очков.

— Но это же ужасно, ты убил человека.

— Дедушка, — говорит внучка, — это же гонки, тут же надо побеждать.

— А если бы это было в жизни?

— Но гонки же!

Им некогда со мной разговаривать: новая машина впереди, за поворотом. Надо догнать, надо уничтожить. Гонки же.

Нет, они меня не понимают. И не поймут. Я уже и сам ничего в этом не понимаю. И не хочу понимать.

Лист кувшинки

Человек я совершенно неприхотливый, могу есть и разнообразную китайскую или там грузинскую, японскую, арабскую пищу, или сытную русскую, а могу и вовсе на одной картошке сидеть, но вот вдруг, с годами, стал замечать, что мне очень безразлично, из какого я стакана пью, какой вилкой ем. Не люблю пластмассовую посуду дальних перелетов, но успокаиваю себя тем, что это по крайней мере гигиенично.

Возраст это, думаю я, или изыск интеллигентский?

Не все ли равно, из чего насыщаться, лишь бы насытиться. И уж тебе ли, это я себе, видевшему крайние степени голода, думать о форме, в которой питье или пища?

Не знаю, зачем зациклился вдруг на посуде. Красив фарфор, прекрасен хрусталь, сдержанно серебро, высокомерно золото, но, завали меня всем этим с головой, все равно все победит то лето, когда я любил библиотекаршу Валю, близорукую умную детдомовку,

и тот день, когда мы шли вверх на нашей реке и хотели пить. А родники — вот они, под ногами. Я-то что, я хлопнул на грудь, приник к ледяной влаге, потом зачерпывал ее ладошкой и предлагал возлюбленной.

— Нет, — сказала Валя, — я так не могу. Мне надо из чего-то.

И это «из чего-то» явилось. Я оглянулся — заводь, в которой цвели кувшинки, была под нами. Прыгнул

под обрыв, прямо в ботиках и брюках брякнулся в воду, сорвал крупный лист кувшинки, вышел на берег, омыл лист в роднике, свернул его воронкой, подставил под струю, наполнил и преподнес любимой.

Она напилась. И мы поцеловались.

Так что же такое посуда для питья и еды? Ой, не знаю. Не мучайте меня. Жизнь моя прошла, но не прошел тот день. Родники и лист кувшинки. И мы под небом.

ПОДКОВА

Кузня, как называли кузницу, была настолько заманчивым местом, что по дороге на реку мы всегда застревали у нее. Теснились у порога, глядя, как голый по пояс молотобоец изворачивается всем телом, очерчивает молотом дугу под самой крышей и ахает по наковальне.

Кузнец, худой мужик в холщовом фартуке, был незаметен, пока не приводили ковать лошадей. Старые лошади заходили в станок сами. Кузнец брал лошадь за щетку, отрывал тонкую блестящую подкову, отбрасывал ее в груды других, отработавших, чистил копыта, клал его себе на колено и прибивал новую подкову, толстую. Казалось, что лошади очень больно, но лошадь вела себя смирно, только вздрагивала.

Раз привели некованого горячего жеребца. Жеребец ударил кузнеца в грудь (но удачно — кузнец отскочил), выломал передний запор — здоровую жердь — иускал, звеня плохо прибитой подковой.

Пока его ловили, кузнец долго делал самокрутку. Сделал, достал щипцами из горна уголек, прикурил.

— Дурак молодой, — сказал он, — от добра рвется,

пользы не понимает, куда он некованый? Людям на обую подковки ставят, не то что. Верно? — весело спросил он.

Мы вздохнули. Кузнец сказал, что можно взять по подкове.

Мы взяли, и он погнал нас, потому что увидел, что ведут пойманного жеребца. Мы отошли и смотрели издали, а на следующий день снова вернулись.

— Еще счастья захотели? — спросил кузнец.

Но мы пришли просто посмотреть. Мы так и сказали.

— Смотрите. За погляд денег не берут. Только чего без дела стоять. Давайте мехи качать.

Стукаясь лбами, мы уцепились за веревку, потянули вниз. Горн осветился.

Это было счастье — увидеть, почувствовать и запомнить, как хрипло дышит порванный мех, как полоса железа равняется цветом с раскаленными углями, как отлетает под ударами хрупкая окалина, как выгибает шею загнанный в станок конь, и знать, что все лошади в округе — рабочие и выездные — подкованы нашим знакомым кузнецом, мы его помощники, и он уже решает нам братья за молот.

КАТИНА БУКВА

Катя просила меня нарисовать букву, а сама не могла объяснить какую.

Я написал букву «К».

— Нет, — сказала Катя.

Букву «А». Опять нет.

«Т»? — Нет. «Я»? — Нет.

Она пыталась сама нарисовать, но не умела и переживала.

Тогда я крупно написал все буквы алфавита. Писал и спрашивал о каждой: эта?

Нет, Катиной буквы не было во всем алфавите.

— На что она похожа?

— На собачку.

Я нарисовал собачку.

— Такая буква?

— Нет. Она еще похожа и на маму, и на папу, и на дом, и на самолет, и на небо, и на дерево, и на кошку...

— Но разве есть такая буква?

— Есть!

Долго я рисовал Катину букву, но все не угадывал. Катя мучилась сильнее меня. Она знала, какая это буква, но не могла объяснить, а может, я просто был непонятливым. Так я и не знаю, как выглядит эта всеобщая буква. Может быть, когда Катя вырастет, она ее напишет.

ЗЕРКАЛО

Подсела цыганка.

— Не бойся меня, я не цыганка, я сербиянка, я по ночам летаю, дай закурить.

Закурила. Курит неумело, глядит в глаза.

— Дай погадаю.

— Дальнюю дорогу?

— Нет, золотой. Смеешься, не веришь, потом вспомнишь. Тебе в красное вино налили черной воды. Ты пойдешь безо всей одежды ночью на кладбище? Клади деньги, скажу зачем. Дай руку.

— Нет денег.

— А казенные? Аи, какая нехорошая линия, девушка выше тебя ростом, тебя заколдовала.

— И казенных нет.

— Не надо. Ты дал закурить, больше не надо. Ты три года плохо живешь, будет тебе счастье. Положи на руку сколько есть бумажных.

— Нет бумажных.

— Мне не надо, тебе надо, я не возьму. Нет бумажных, положи мелочь. Не клади черные, клади белые. Через три дня будешь ложиться, положи их под подушки, станут как кровь, не бойся: будет тебе счастье. Клади все, сколько есть.

Вывала несколько волосков. Дунула, плюнула.

— Видишь зеркало? Кого ты хочешь увидеть: друга или врага?

— Врага.

Посмотрел я в зеркало и увидел себя. Засмеялась цыганка и пошла дальше. И остался я дурак дураком. Какая девушка? Какая черная вода, какая линия? При чем тут зеркало?..

В ЗАЛИВНЫХ ЛУГАХ

Поздней весной в заливных вятских лугах лежат озера.

Дикие яблони, растущие по их берегам, цветут, и озера весь день похожи на спокойный пожар.

Ближе к сенокосу под цветами нарождаются плоды. Красота становится лишней, цветы падают в свое отражение. И на воде еще долго живут. Озера лежат белые, подвенечные, а ночью вспоминается саван.

Падает роса. Лепестки, как корабли, везущие слезы, покачиваются, касаясь друг друга.

Постепенно вода оседает, озера уходят в подземные реки, и как будто лепестки вместе с ними.

Вода в вятских родниках и колодцах круглый год пахнет цветами. Пьют эту воду кони и люди, птицы и звери, цветы и травы, дает эта вода жизнь всему сущему, всему живому.

Только мертвым не нужна вода. Поэтому место для них выбирают на взгорьях.

ОБЪЯВЛЕНИЕ НА СТОЛБАХ

Мальчик жил с родителями, а его родители жили немирно друг с другом, ссорились, дело шло к разводу.

Мальчик любил родителей, и очень, до слез, страдал от их ссор. Но и это их не вразумляло. Наедине с каждым мальчик просил их помириться, но и отец и мать говорили друг о друге плохо, а мальчика старались завлечь на свою сторону. «Ты еще не знаешь, какой он подлец», — говорила мать, а отец называл ее душой. А вскоре, уже и при нем, они всячески обзывали друг друга, не стесняясь в выражениях.

О размене их квартиры они говорили как о деле решенном. Оба уверяли, что мальчик ни в чем не пострадает: как была у него тут отдельная комната, так и будет. С кем бы он ни жил. И что он всегда сможет хо-

дить к любому из них. Они найдут варианты размена в своем районе, не станут обращаться в газету, а расклеят объявления сами, на близлежащих улицах. Однажды вечером мать пришла с работы и принесла стопку желтых листочков с напечатанными на них объявлениями о размене квартиры. Велела отцу немедленно идти и их расклеивать. И клей вручила, и кисточку.

Отец тут же надернул плащ, схватил берет и вышел.

— А ты — спать! — закричала мать на сына.

Они жили на первом этаже. Мальчик ушел в свою комнату, открыл окно и тихонько вылез. И как был, в одной рубашке, побежал за отцом, но не стал угоривать его не расклеивать объявления, он понимал, что отец не слушает, а крался, прячась, сза-

ди и следил. Замечал, на каком столбе, или заборе, или на остановке отец прилеплял желтые бумажки, выжидал время, подбегал к ним и срывал. С ненавистью комкал объявления, рвал, швырял в урны, топтал ногами, как какого-то гада, или бросал в лужи книзу текстом. Чтоб никто даже и не смог прочесть объявления.

Так же незаметно вернулся в дом. Наутро затемпературил, кашлял. С ним родители сидели по очереди. Он заметил, что они перестали ругаться. Когда звонил телефон, снимали трубку, ожидая, что будут спрашивать о размене квартиры. Но нет, никто не спрашивал.

Мальчик специально не принимал лекарства, прятал их, а потом выбрасывал. Но все равно через неделю температура выровнялась, врачиха сказала, что завтра можно в школу.

Он подождал вечером, когда родители уснут, разделся до майки и трусов и открыл окно. И стоял на сквозняке. Так долго, что сквозняк и они почувствова-

ли. Первой что-то заподозрила мама и пришла в комнату сына. Закричала отца. Мальчику стало плохо. Он рвался и кричал, что все равно будет болеть, что пусть умрет, но не надо разменивать квартиру, не надо расходиться. Его прямо било в приступе рыданий.

— Вам никто не позвонит! — кричал он. — Я все равно сорву все объявления! Зачем вы так? Зачем? Тогда зачем я у вас? Тогда вы все ввали, да? Ввали, что будет сестричка, что в деревню все вместе поедет, ввали? Эх вы!

И вот тогда только его родители что-то поняли.

Но дальше я не знаю. Не знаю и врать не хочу. Но то, что маленький отрок был умнее своих родителей, это точно. Ведь сходились они по любви, ведь такой умный и красивый сын не мог быть рожден не по любви. Если что-то потом и произошло у них в отношениях, это же было не смертельно. Если уж даже Сам Господь прощает грехи, то почему мы не можем прощать друг другу обиды? Особенно ради детей.

Бочка

Вспоминаю и жалею дубовую бочку. Она могла бы еще служить и служить, но стали жить лучше, и бочка стала не нужна. А тогда, когда она появилась, мы въехали не только в кооператив, но и в долги. Жили бедно. Готовясь к зиме, решили насолить капусты, а хранить на балконе. Нам помогли купить (и очень недорого) бочку для засолки. Большую. И десять лет подряд мы насаливали по целой бочке капусты.

Ежегодно осенью были хорошие дни засолки. Накануне мы с женой завозили кочаны, мыли и терли морковь, доставали перец-горошек, крупную серую соль. Приходила теща. Дети помогали. К вечеру бочка была полной, а уже под утро начинала довольно урчать и выделять сок. Сок мы счерпывали, а потом, когда капуста учереждалась, лили обратно. Капусту протыкали специальной ореховой палочкой. Через три-четыре дня бочка переставала ворчать, ее тащили на балкон. Там укрывали стегаными чехлами, сшитыми бабушкой жены Надеждой Карповной, мир ее праху, закрывали крышкой, пригнетали специальным большим камнем. И капуста прекрасно сохранялась. Зимой это было первое кушанье. Очень ее нам хвалили. В первые годы капуста кончалась к женскому дню, потом дно закрепили позднее, в апреле. Стали охотно дарить капусту родным и близким. Потом как-то капуста дожидая до первой зелени, до тепла, и хотя сохранилась, но перестала хрустеть. Потом, на следующий год, остатки ее закисло.

Лето бочка переживала с трудом, рассыхалась, обручи ржавели, дно трескалось. Но молодец она была! Осенью за неделю до засолки притащишь ее в ванную, чуть ли не по частям, подколотить обручи и ставишь размокать. А щели меж клепками — по пальцу, и кажется, никогда не восстановится бочка. Нет, проходили сутки, бочка крепла, оживала. Ее ошпаривали кипятком, мыли с содой, сушили, потом клали мяту или эвкалиптовых листьев и снова заливали кипятком. Плотно закрывали. Потом запах дубовых красных плашек и свежести долго стоял в доме.

Последние два года капуста и вовсе почти пропала, и не от плохого засола, засол у нас исключительный, но не елась она как-то, дарить стало некому, питание вроде улучшилось, на рынке стали бывать...

Следующей осенью и вовсе не засолили. Оправдали себя тем, что кто-то болел, а кто-то был в командировке. Потом не засолили сознательно, кому ее есть, наелись. Все равно пропадет. Да и решили, что бочка пропала. У нее и клепки рассыпались. Но я подумал, вдруг оживет. Собрал бочку, подколотил обручи, поставил под воду. Трое суток оживала бочка, и ожила. Мы спрашивали знакомых, нужна, может, кому. Ведь дубовая, еще сто лет прослужит.

Бочка ждала нового хозяина на балконе. Осень была теплая, бочка вновь рассохлась. Чего она стоит, только место занимает, решили мы, и я вынес бочку на улицу. Поставил ее, но не к мусорным бакам, а

отдельно, показывая тем самым, что бочка вынесена не на выброс, что еще хорошая. Из окна потом видел, что к бочке подходили, смотрели, но почему-то

не брали. Потом бочку разбили мальчишки, сделав из нее ограду для крепости. Так и окончила жизнь наша кормилица. На балконе теперь пусто и печально.

МАССАНДРА, ПАНДА И МАНСАРДА

Стихи с таким количеством иностранных слов сочинились из чувства протеста против вторжения в русский язык всякой чуженины, начиная с 80-х годов, как пошли тогда всякие консенсусы, так и ползут донине. А вторая причина, почему нашел на меня такой стих: не все же быть серьезным. Да и друзей поэтов хочется позабавить. Итак:

Я пил массандру на мансарде,
Быв в диалоге с некой Сандрой,
Имевшей мужа Александра.

А он владел зверюгой пандой,
Он панду получил приватно,
Когда шпионом был в Уганде.

Была та панда клыковата,
Не понимала циферблата,
Была от джунглей протееже,
Всегда ходила в неглиже.

Ее держал он за ротондой.
А сам гонял на красной хонде.

К мансарде бес его принес.
Персона я ему нон грата,
И с ним не будет конкордата.
— Иду, — кричит, — за крошкой пандой,
Не все же ей глотать овес.

Ужель мгновенна жизни трата?
За Сандру погибать, ребята?

Она, конечно, красовата,
Но чрезмерно глуповата.
Мужчин не любит, любит злато,
Вот что хочу я вам сказать.

Я что, у панды клиентура?
Она Уганды креатура.
Такая морды квадратура,
Так что ж мне, в морде исчезать?

Уж не писать мне палиндромов,
Не любоваться палисандром,
И не бывать мне в гастрономе,
Где только днем купил массандру.

Но чу! — муж близится...
Без панды.
Один.
О, перемена темы —
В руках содержит хризантемы,
Гласит:

— Живи в московской хмари.
Конечно, ты не бесталантен,
Но очень не политкорректен,
И уж совсем не толерантен.
Тебя мой зверь не переварит.

Тебя загложет миссис Сандра.
Женись!
А я в турне, в круизо,
Мне надо завершить авизо.

Я закричал: «Нет! Лучше панда!»

У КАЖДОГО СЫНА РОССИИ ПЯТЬ МАТЕРЕЙ

Когда оглядываешься на прошедшее двадцатилетие, убеждаешься в верности предсказаний старцев о России — она бессмертна. Любое другое государство не вынесло бы и десятой доли испытаний, выдержанных нашим Отечеством. В чем секрет? Он в отношении к земле. Самое мерзкое, что принесла демократия в Россию, — это навязывание нового отношения к зем-

ле. Земля как территория, с которой собирают урожаи, земля как предмет купли и продажи, и только. Нет, господа хорошие, земля в России зовется Родиной. Из земли мы пришли на белый свет, в землю же и уйдем, в жизнь вечную.

Как былинные богатыри, слабая в битве, припадали к груди матери сырой земли, так и в наше время, она

даст силы. Но только тем, кто любит ее. И это главное условие победы — любовь к земле. Земля — Божие достояние. Совсем неслучайно, что самые большие просторы планеты, самые богатые недра, самые чистые воды были подарены именно России. И нынешние испытания посылаются нам, чтобы мы оправдали надежды, на нас возложенные.

У нас нет запасной родины. Нам здесь жить, здесь умирать. У нас нет двойного гражданства. Ни за какие заслуги, просто так, мы получили в наследство величайшую родину, необычайной силы язык, на котором говорят с Богом, у нас ведущая в мире литература, философия, искусство. Надо доказать, что мы имеем право на такое наследство. Что именно мы, а не варяги нового времени, хозяева этого наследства.

Что бы там ни болтали о своей значительности большие и маленькие вожди, колесо истории вращают не языком, а трудовыми руками. Человек на земле — главное лицо каждой эпохи. Он кормитель и поитель всех живущих, и отношение к нему должно быть соответственным. Он не пролетарий, которому теперь уже окончательно нечего терять. Пролетарии в свое время добились революций и переворотов, а в наше время за это на них наплевали с высокого дерева, называемого новым мировым порядком. Теперь пробуют плевать и на крестьянство, прикрываясь трескотней фраз о любви к земледельцам. Если бы так, не кормили бы нас заграничной мерзостью, суррогатами — заменителями пищи.

Неужели еще кто-то верит медведю в демократическом зоопарке, что он свергнул прежнюю партию коммунистов ради счастья народного? Единороссы стремительно занимают место КПСС в СССР. Уже и

для карьеры чиновники бегут в нее. Теперешняя правящая партия не давит идеологией (у нее ее нет), но гораздо изощреннее издевается над народом. Цены на хлеб растут, а хлеборобы живут все хуже и хуже. Жить все тяжелее и тревожнее, а барабанный бой, славящий реформы, усиливается. Смертность превышает рождаемость, пенсионеры — люди, угробившие ради государства свое здоровье, становятся для него балластом, наркомания, преступность, проституция внедряются в сознание как норма при создании видимости борьбы с ними. И все это покрывается жеребьичьим ржанием жваноидов сильно голубого экрана. Образование готовит англоязычных биороботов, легко превращаемых в голосующую биомассу, в зомбированный либералами электорат. И на все это смотреть? И с этим смиряться?

У них деньги, у нас любовь к родной земле, и нас не купишь. Другой жизни у нас не будет. А отчет за свою единственную жизнь придется держать каждому.

Пять матерей у каждого православного: та, которая родила, крестная мать, мать сыра земля, Божия Мать и матушка Россия. Мы их сыновья, и каждый из нас единственный и любимый. Они не оставят нас ни в каких испытаниях. Имея таких заступников, кого нам бояться? Ты любишь Россию? Значит, ты стоишь на поле боя за нее. Да, твое место — это поле боя. С поля боя первыми бегут наемники, которые сейчас зашевелились, чуя наживу. Они мгновенно струсят, как только почувствуют нашу силу. А она от нас никуда не уходила, даже копилась.

Теперешнее поле боя — Русское поле. Слово «поле» уже подразумевает место схватки. Нельзя же, чтобы на русском поле продолжали расти сорняки.

ПО-ПРЕЖНЕМУ ВСЕ ВПЕРЕДИ

До осени 1968 года я вовсю писал и печатался. Проживая в Сандунах свои гонорары, мы обычно шутили так: «Старики, а ведь мы — писатели. — Тут пауза и дальше хором: — Но неплохие!»

А осенью 68-го на ходу, в метро, открыл свежий номер «Нового мира». Пробежал оглавление: «Бухтины вологодские завиральные». Конечно, начал с них, ибо у вятских с вологодскими историческое противостояние. Когда в вятских лесах нет белок, значит, вятский лесник проиграл их в карты вологодскому. На первой же станции я выскочил из вагона, помчался наверх. Мне надо было куда-то приткнуться, чтобы остаться одному. То, что я начал читать под землей, меня потрясло. Примерно такое же потрясение, с годами исчезнувшее, было при чтении «Одного дня Ивана Денисовича». Но

там была политика, сенсация, разоблачение. А на них далеко не уедешь. Здесь же было все настолько просто, все такое пережитое мною, моей родней, моим народом и написанное с такой легкостью, с таким юмором, обличающим высочайший талант, что читал, забывая дышать. Вцепился в журнал, боясь, что он исчезнет, как приснившийся. Дочитал и поднял голову. Я сидел у подножия памятника Пушкину.

Я понял, что жизнь моя, как писателя, закончилась. Писать после вот этого, написанного не мною, было бессмысленно. А ведь прочел о том, свидетелем чего был сам, сам испытал все эти издевательства над народом в послевоенные и в кукурузные времена, гонения на церковь, обнищание людей, давление идиотской идеологии марксизма-ленинизма, снос деревень,

высокомерие и хамство номенклатуры, нищету людей и их незлобие, их терпение и объединяющую всех нас любовь к Отечеству. Да, был «уже написан “Вертер” и всякие штуки посильнее “Фауста” Гете», но до «Вологодских бухтин» им было как до звезд. Там была литература, здесь жизнь.

С боязнью и трепетом начинал читать «Привычное дело». И недавно, спустя сорок лет, перечитал. И вновь, как и при первом прочтении, разревелся в том месте, когда Иван Дрынов сидит на могиле Катерины и потрясенно и безропотно спрашивает жену: «Катя, ты где есть-то? А я вот, а я вот, Катя...» И горе пластает его на холодной земле. Ни разу не посмел я спросить Василия Ивановича, как он писал эти строки? Думаю, он и не помнит. Думаю, многие страницы беловской прозы написаны за него его ангелами.

Счастлив я, имея в этой жизни брата во Христе Василия. Счастлив, что жил во времена создания великого «Лада» — этой поэмы о России, о русском народе. Это подвиг, равный «Словарю великорусского языка» Владимира Даля и «Поэтическим воззрениям славян на природу» Афанасьева. Даже больше. У Афанасьева все-таки очень силен элемент язычества, а у Белова все освещено Фаворским сиянием христианства.

Помню трескучую зиму 79-го, когда впервые приехал в Тимонику. Тогда же начал снимать родину Василия Ивановича его друг Анатолий Заболоцкий. Мороз был такой, что не могли завести машину. Ходили за кипятком на ферму.

Баню топили. Ту самую, о которой есть знаменитое стихотворение «По-черному топится баня Белова» и из которой когда-то в ужасе выскочил японский профессор, крича: «Тайфун!» Тогда же я с размаху, выходя из дверей, треснулся головой о верхний косяк. Вскоре приложился и Анатолий. Василий Иванович, огорченно охая, все приговаривал: «Да что ж вы это все о ко-

сяк-то трескаетесь? И Передреев, и Горышин, и Горбовский, и Женя Норсов. Личутин же не треснулся. И ни Абрамов, ни Балашов». — «А Астафьев трескался?» — «Он вас поумнее, заранее нагнулся». Когда в Тимониху, эту священную Мекку русской литературы, поехал Распутин, я предупредил его насчет косяка. Он поехал, вернулся. — «Ну как?» — «Ну, как иначе, надо ж было отметиться».

Помню гениальный ответ Белова на мои хвастливые слова. Мы сидели с ним и я, раздухавшись, заявил: «А ведь я, Василий Иванович, тебя перепису». Он посмотрел и серьезно спросил: «От руки перепишешь?» Слышите, нынешние молодые? Займитесь. Это будет великая школа. Не все же Чехову лермонтовскую «Тамань» от руки переписывать.

Вообще зря сейчас замолчали и не обсуждают роман Белова «Все впереди». На него тогда так торопливо набросились, так вульгарно и примитивно истолковали, будто речь о грядущей схватке евреев и русских. Если бы только так. Конечно, евреи, как всегда, как люди попредприимчивей, настригли с перестройки побольше купонов. Но благодаря им и русские зашевелились. Но все это видимый, верхний и безвредный для основ жизни слой. На самом же деле все сложнее и страшнее.

Перестройка и демократия как способ дальнейшего уничтожения России набирают обороты. Врагам нашего спасения ненавистна русская культура и, особенно, наша любовь к России. И тут врагам России будет абсолютна безразлична национальность любящих ее. Ты не хочешь променять родину на общечеловеческие ценности? — Умирай. Для тебя Христос дороже жизни? — Умирай. Для тебя русская земля не территория, а мать сыра земля? — Ложись в нее. Вот что такое — все впереди.

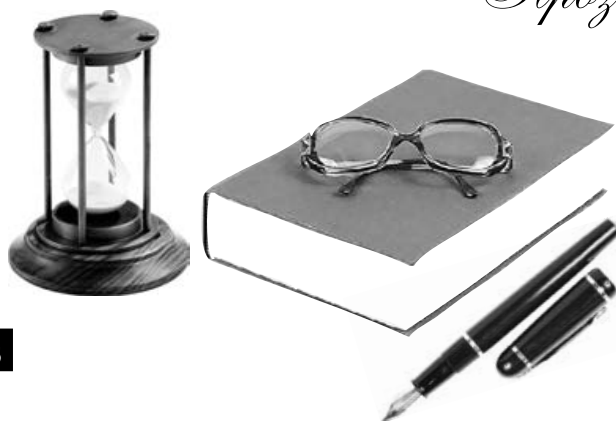
Так кто же спасется? И как спастись? Но об этом к следующему юбилею Василия Белова.

Продолжение следует.

Альберт ЛИХАНОВ

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2018 год

ОГЛЯНИСЬ НА ПОВОРОТЕ, ИЛИ ХРОНИКА ЗАБЫТОГО ВРЕМЕНИ

Рисунок Марины Медведевой

РОМАН В ПОВЕСТЯХ

4

Потом Зиновий Абрамович Яновский научит нас неписанным правилам журналистики — как собирать материал, как его перепроверять, что такое газетная стилистика, правка, как важно быть рядом, если твой текст правит чужая рука, и совершенно необходимо читать гранки, подписывая их всякий раз, а потом и газетную полосу, на которой идет твоя публикация. Впрочем, один учитель, даже самый внимательный, не может предупредить тысячи ждущих тебя подвохов, а потому газетная школа продолжается почти всю жизнь, и вовсе не редкость, когда самый что ни на есть седой профессионал вдруг по незримой нелепице осрамится, будто начинающий мальчишка.

Конечно, эти уроки маячили еще впереди, а тогда, примчавшись к порогу альма-матер, я снова бухнулся с головой в волны бытия.

На широкой приступке возле университетского зеркала мы втроем нашли три почтовых перевода по девять рублей каждый. Боже! В итоге легкой пробежки к почте выяснилось, что это поделенный на троих гонорар за заметку про лыжную выставку. Мы с Джуркой и Минибаем учинили банкет в столовке, призвав к нему Яшку, Игорька и Генку. Просто сдвинули два стола и проглотили обыкновенные обеды в

честь достигнутого трудом праведным газетного гонорария.

Все обгоняли друг дружку шутками, иронией, а в общем, радостью, что — вот, все-таки, пусть и совсем малое, но мы чего-то же обнародовали!

Было очевидно, что нашим славным грузчикам-угольщикам хотелось бы того же, и матрос тихоокеанского флота заявил, насытившись, что завтра же отправится в окружную военную газету. Игорек вызвался быть напарником. Они и найдут там себе применение, и мы с немалым удивлением узнаем, что солдаты, сержанты, а то и некоторые офицеры, младшие, конечно, по званию, любят складывать стихи и целыми возами отправляют их в свою военную газету. Там же, как это требовали правила, каждое письмо, даже в виде стихотворений, требовало ответа, и нашим боевым товарищам предлагалось рецензировать, хотя бы кратко, эти сочинения, и за каждый ответ полагалась половина рубля.

Поначалу они возрадовались. Пришли с охапками стихов в аудиторию машинописи и стали тыкать на старых «Ундервудах» послания пиитам. Однако печатать требовалось сразу на редакционных бланках. А машинописью бойцы не владели. Приходилось учиться по ходу боя. Бланки летели в корзину ворохом, пока все же, не овладев азами ремесла, Яков и Игорек не наловчились выдавать свою нешахтерскую лаву на-гора.

Яков откуда-то обладал замысловатостью объяснений, Игорь был прям и безжалостен. Мы почитали у них из-за плеча некоторые отрицательные пояснения, и великодушный Минибай, кажется, заметил, что так они скоро лишатся работы — распугают всех военных поэтов. Литературные консультанты призадумались, поохали, но замечания уразумели. Каждый отрицательный отзыв завершали призывом, вроде того, что не унывайте, дорогой поэт, совершенству нет предела, вспомните Пушкина и начинайте все сначала!

Удивительное дело — начинали! И обращались к нашим писакам уже по фамилиям. Начинали с благодарений.

— Вот видите, — поощрял их Джурка Скок, — вы стали нужны поэзии!

Но нужны ли были эти поэты нашим бойцам? Чтобы напечатать десять ответов десяти жаждущим признания военным, да еще применяя всего по одному пальцу каждой руки — хотя по десять разборов в день, — требовалось адово терпение. А Игорь с Яковом были людьми не той породы. То и дело выходили в курительную возле туалета. И сквозь эту курилку приходилось прорываться чуть ли не ползком. Я, как человек некурящий, пробегал в основной отсек на полусогнутых. Скоро выяснилось, что расходы на табак, потребляемый от печалей умственного труда, приближался к затратам на сам этот труд. Духовность постепенно уступала расчету. Через месяц-полтора наши старослужащие сдали поэзию назад в газету, пообещав появляться с интересными сочинениями собственного изготовления. Если получится.

5

Ну а своей стипендии я едва дождался. Надо же! Сквозь мытарства и испытания, которые я принимал как должное, меня вдруг пригласили расписаться в ведомости и выдали выстраданные 220 рэ. Другие-то мои соученики и соученицы принимали эти рэ как естественное обязательство государства, получали финансовую благодать как нечто бытовое и, скорее, даже принудительное, но вовсе не достигнутое и не возжеленное.

Сунув денежки во внутренний карман и снедаемый жалким тщеславием, а вернее-то детской невожденностью, я произнес фразу, после которой тотчас же прикусил язык:

— Приглашаю в ресторан!

Джурка и Минибай восхитились идеей, и мы стали искать четвертого — столики-то в ресторане, наверное, на четверых. Никто не соглашался. Все похихикивали и жались. Ясное дело, матрос тихоокеанского флота замаха на нас большими красными, как лапы у гуся, ручищами, Игорь Коробкин опять обсуждал с Генкой

Шидриным свою возлюбленную кастрюлю, которую уж теперь-то точно надо было покупать в хозтоварах — за чайник, изнутри залепленный спасительной вермишелью, их матюгала вся комната в общаге, — к этим и подступаться с предложением о ресторане смысла не имело.

Не уверенные в благополучном исходе, мы двинулись к ресторану «Савой». Собственно, в городе их было несколько, еще один, при большой гостинице, назывался по ее же имени «Урал», но такое название было слишком обыкновенным для столь поэтического замысла. По дороге мы обменялись вопросом: а что такое означает слово «Савой». Ни Джурка, ни Минибай, ни я — не знали.

— Откуда-то, наверное, оттуда! — кивнул Скок в восточном направлении. И пропел из Вертинского: — В бананово-лимонном Сингапуре...

Мы посмеялись. Савой, Сингапур — как там еще? — были так далеко от этих мест, что и думать-то про них нам не могло. И бананов мы и не едывали.

И тут лоб в лоб мы столкнулись с Толей Пудолем. Он шел нам навстречу с кучкой небольших книг, и это была поэзия.

— Зашел в книжный! Завезли новинки! Такая радость!

Конечно, строчки поэтических книг — как луч солнца, но нам, не очень-то отесанным, это еще только предстояло понять, а блистательный Пудоль уже давно понял, и мы позвали его в ресторан. Мол, приглашаем! Хотя душа моя втайне содрогнулась: чего же останется от моей стипендии.

Будто кто-то услышал мой писк. А может, Пудоль и услышал:

— Ха! — сказал он. — Это я вас приглашаю! Получил последнюю стипендию, ухажу окончательно, жрать хочется, пошли, посидим!

Это было чудесное застолье! Ресторанный дебют в заведении с неизвестным именем «Савой». Уверенной речью наш старший — и опытный, конечно! — товарищ заказал всем по салату оливье — это словечко мы запомним навеки, — по мясной солянке и бифштексу с яйцом и жареной картошкой. Потом махнул рукой и велел подать бутылку водки.

Ее принесли в запотевшем графине, и мы, похоже, разом почувствовали, что какая-то с каждым происходит легальная перемена. Всем нам вместе — и каждому поодиночке — выпивать приходилось. Но — где? В какой-нибудь занюханной пивнушке! В проходном буфете! У друзей в общаге — там вообще втихаря, чтоб комендантша не прознала. А тут! Ресторан! Сияют люстры, хотя и не горят, потому что дело происходит днем — можно себе представить, что здесь бывает вечером! — позвякивают хрусталинки, в зале кто-то есть

еще, но как-то по окраинам, две-три пары от силы, а нас усадили в самом центре, возле фонтанчика!

И еще-то вполне отчетливо мы ощутили перемену своего духа. Мы явились сюда не то чтобы совсем повзрослевшими, но — имеющими право, вот что! Мы имели право тут сидеть, беседовать, ожидая еду, а потом с непривычным наслаждением поедать отличную жратву, заработанную нами.

Но наш нечаянный предводитель не спешил, он ласково перебирал новоприобретенные книжицы, не уставая улыбаться, и вдруг посерьезнел:

— Слушайте!

И проговорил торжественно и тихо, а мы бросили свои вилки от таких слов:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитый груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мой расскажет думы?
Я — или Бог — или никто!

Будто легкое и печальное облачко сгустилось над нами, а Толя так и вовсе сидел, свесив голову. Потом вздернул ее, в глазах его сверкали слезы.

— Слышите, мальчуганы! Это к нам обращается Его Величество Лермонтов: «Я! Или Бог! Или никто!»

Мы и выговорить-то ничего не могли, сидели рядом с великим нашим наставником и преданно глядели на его как будто измученное лицо. А он полистал книжку и будто молитву пропел:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Мы еще бродили внутри себя, заблудившись в своих собственных мыслях насчет того, что означает сочувствие в нашей жизни, и уж тем более как применить к ней нездешнее слово «благодать», а Толя Пудоль налил рюмки и произнес не то чтобы торжественно, но все-таки с большим значением слова, от смысла которых нас всех прохватил озноб.

— Поздравьте меня, ребята! — И мы хором поздравляли его от всего сердца, полагая, что он окончательно устроился в газету.

— Славные вы, мальчишки! — проговорил он, ни точку не возвышаясь и не превозносясь. — А ведь вы даже не знаете, с чем поздравляете!

Мы переглянулись, теряясь в догадках.

— А я сегодня, — веселехонько молвил он, — сдал рукопись книжки своих стихов! И сразу подписал договор! И сразу получил аванс. Смотрите!

Он будто фокусник распахнул свой пиджак и вытащил из одного кармана толстую пачку денег. Шмякнул ее на стол. Но чудо продолжалось! И он вытащил из другого кармана еще такую же пачку и положил рядом с первой.

— Полторы и полторы! — прошептал он. — Три тысячи! И это только аванс за книгу моих стихов! Представляете!

Мы не представляли. Ни в прямом, очевидном, смысле слова, ни в переносном, этаким созерцательном. Но мы не позавидовали — вот что. Не вздохнули, пусть и со светлой, но мечтательностью. Мы просто восхитились этим замечательным Толей Пудолем, который бросает университет, вернее, переходит на заочное, только и нужное-то ему для проформы, для диплома, — но кто и где эти дипломы требует в газетных редакциях, если ты умеешь талантливо писать, научился влезать в многообразные конфликты, сочинять пронзительные очерки и выплескивать публицистические думы, от которых трепещут все подряд!

А еще и вынашивать стихи! Да так, что тебе, всего-то четверокурснику, предлагают выпустить целую книгу и дают гору денег!

Мы и близко не могли близиться к таким высотам! Мы и возмечтать не помышляли о таком небывалом — не таланте, нет, а истинном Божьем даре, которым озабочены лишь немногие, наделенные чем-то невероятным, да еще и откуда-то лично им спущенным. Ясное дело, сверху.

Есть такие выражения, вообще-то: «Его Бог в темечко поцеловал», «Его ангел всегда над ним», «Архангел по головке в детстве погладил». В том благостном застолье и в те антирелигиозные времена, пожалуй, нам и не припоминались подобные приговоры, но спроси нас тогда и о таком, мы бы закивали головами, соглашаясь.

Толя Пудоль как-то просто вышел к нам из-за угла и повел нас в ресторан. Это была и благодать, и провидение, вместе взятые. А он сам явился как посланец чего-то неведомого, но светлого.

Да-да, на самом деле, он явился из света, из солнечных лучей, из какого-то заповедного пространства, чтобы сесть рядом, испить заздравную чашу с юношами, которые глядели на него, открыв рот, и внимали каждому его слову.

Мы просили его рассказать о себе, и он не отлынивал, пояснял, что родителей у него нет, воспитывала тетка, а писать он начал классе в восьмом — то была детская мура, пришлось бросить и кинуться в газетную работу. По здоровью в армию не взяли, он поработал в сельской районке, а поступив в университет, сразу пришел в молодежку. После трех-четырех больших кусков про деревню его позвали в штат. Он метался между лекциями и редакцией, потом от лекций отрекся, его окончательно взяли на зарплату. Университет, точнее, наша журналистская кафедра, им восхищалась, публикациям с его именем поражалась, и в конце концов поощряла тем, что скрывала его неявки на лекции. Сегодня он написал заявление на заочное, а договор в издательстве, и вот эта куча денег уже жгла ему карманы!

Он, конечно, заплатил за нечаянный банкет.

Вообще-то все это, вместе взятое, стоило сто рублей, по четвертной на душу, да еще и с выпивкой. И мы тогда же дружно затвердили решение — в день стипендии ходить в «Савой» и там вкусно обедать.

Мы обывали во взрослой жизни таким образом. Складывались маленькие традиции, устанавливающие образ бытия. Раз в месяц мы вспоминали Пудоля, который возносился все выше и выше вдали от нас.

И числился в нашей компашке чистым гением.

Только вот после того полдника с выпивкой за его счет он очень ослаб почему-то. Выпили мы всего-то один штофчик на четверых, и всяк из остальных был как юный огурец, а его отчего-то развезло.

Мы бережно доставили названного учителя в частную комнату, которую он снимал, и уложили в постель.

6

Но кто бы и подумать мог, что Лермонтов способен людей разводить? Во всяком случае, трещина в отношениях с Джуркой обозначилась из-за него.

Ясно, что высокие, а уж тем более гениальные выражения могут долго бродить в человеке. Уже и забытые, они тревожат душу, толкают ее на мысли, а мысли приводят к действиям, даже не всегда разумным.

Я заметил, что Джурка стал реже наигрывать на своем аккордеоне, но время от времени пропускает по утрам лекции. Ничего особенного в таком поведении не существовало — ведь ушел же я однажды поутру в городскую баню, голышом постирать собственное белье, попробовал, так сказать, бесталанно сэкономить средства, вот и он — оставался утром дома, переворачивался на другой бок, говорил, что не выспался, и делал вид, будто дремлет, пока мы с Бобой Виннером толкались в узких проходах нашей общей комнатухи, швыркались

чаем, гремели ложечками, пытели, натягивая на ботинки наши потрясающие и модные в ту пору боты с пронзительной кличкой «Прощай, молодость!». С молодостью прощаться мы, ясное дело, пока не торопились, но боты, суконные, с резиновой подошвой, надеваемые на ботинки, горячо уважали, ибо находили в них защиту как от морозов и снегопадов, так и от луж и ручьев.

Потом Джурка стал подозрительно прятаться от нас в дальних аудиториях. И не просто так — а с тяжеленным «Ундервудом», который перетаскивал с места на место. И когда мы его находили, он поспешно выдергивал из машинки листок и прятал его под книги. Вольному воля, есть у тебя тайна — пожалуйста, храни ее, но ведь, как известно, любая тайна все равно пробьется наружу.

Впрочем, он сам ее и пробил. Вернее, представил. Раскрыл. По-нынешнему, презентовал.

В один прекрасный день, после лекций, он зазвал нас в пустую аудиторию подальше, засунул ножку стула в дверную ручку, потому что днем такие помещения не закрывались, и сказал, вернее, спросил:

— Можете послушать?

Разумеется, могли. И наш большой и лобастый Джурка принялся читать стихи, перелистывая листочки в самодельной, похожей, сшитой нитками книжце.

Мы — то есть Минибай и я, а также тихоокеанский матрос Яков, Коробкин и Гена Шидрин — слушали с доброжелательным вниманием. Стихи оказались вовсе не плохи, автор владел рифмой и ритмом — ну мало ли, что порой сбивался. Зато чувствовалось его горячее желание сложить стихотворение. Его бы, скажем, можно и не писать, раз оно о природе — а о природе-то горы гениальных сочинений! Тот же Кольцов или Никитин — мы их в начальных классах наизусть учили. И трудно что-то новое здесь прибавить, хотя, наверное, и можно... Ну и прочее тоже у Джурки выходило с одной стороны гладко, а с другой — так себе, средненько, ничего особого, хотя почему бы и нет.

Он волновался, конечно, прикрывал глаза, потел, а в аудитории висела тишь. Поэт затих. Спросил, отирая пот:

— Ну чо?

Мы попереглядывались меж собой, никто не решался открыть дискуссию. Тогда я и брякнул:

— Нет, ты не Байрон, ты другой!

Скок воззрился в меня туманным взором. Вглядывался и во что-то вдумывался, не понимая, как я выразился: похвалил или отверг.

Всегда доброжелательный Минибай ободрил Скока, наверное, из гуманистических соображений:

— Конечно, другой! Ведь там же говорится — «с русской душой!».

Так это же он Лермонтова подтверждал. А Скок все-таки не Лермонтов. Яшка Сенгур, человек с большим жизненным опытом, умело увернулся:

— Знаете, ребята, я открою вам и свою тайну. Третий год пишу исторический роман. Знаете, о чем? О Тьмутаракани, была такая страна в районе Тамани, где я родился. Там-то и явился настоящий русский народ! На перекрестке, так сказать, половецких степей, татарских нашествий и русаков с голубыми глазами.

Генка Шидрин удивился историческому новаторству Якова, потому что полагал русским началом явление Юрия Долгорукого, начались некоторые прения сторон, которые закончились горячим выступлением краснофлотца. Что терять, дескать, время нельзя, оно утекает, как вода сквозь пальцы в умывальнике, и всем нам, как одному, надобно писать, писать и писать, перефразируя призыв Владимира Ильича — учиться, учиться и учиться.

— Ох! — вздохнул в конце обсуждения наш славный реалист Игорек Коробкин. — Нам бы ваши заботы, братцы!

Он помолчал, поулыбался и проговорил:

— Я вот тоже стишата кропал, даже печатал, даже гонорарий за них кой-какой получал! Да!..

Продолжил, притухнув:

— А теперь тверезо понимаю — не мое это дело. Тут Божий дар требуется, никак не меньше! Знаете, я даже перестал читать любые стихи. В том числе классики! Стыдно признаться, но не по Сеньке шапка! И вот теперь соображаю, как бы научиться простые заметки писать в газету. Чтоб грамотно! Чтобы идея была! Смысл! Чтобы хоть кому-то помочь делом! Малость жизнь улучшать, а?

Возбуждение его угасало:

— Мне не до стихов. Мне бы выжить!

И он, чудаков-человек, всхлипнул. Понятное дело, все, включая поэта, бросились его утешать, обсуждение само собой увяло, отошло в тень.

Ни в этот вечер, ни по дороге мы не разговаривали ни о стихах, ни о литературе, ни о чем, что где-то там, за морями, за долами и, как верно ткнул нас Коробкин, пока не про нас.

Перед сном я мельком подумал, что Джурка Скок пожизненно обиделся на меня. Ведь лермонтовскую печаль можно трактовать и по-другому. Мол, куда тебе до Байрона-то, друг. Пусть ты и русский душой! В общем, про поэзию Скока я предпочел не рассуждать. Даже про себя. И вообще поселял отвращение к любым доморощенным стихам, как к делу для газетчика недостойному. Вот о делах газетных — всегда пожалуйста. Тем более что я вдруг нашел на столешнице перед университетским зеркалом сначала перевод на целых

200 рэ, а через день — большой конверт из моего родного гнезда, с номером газеты, где целую страницу занимал очерк с картинкой, специально нарисованной художником. Очерк назывался не «Алые паруса», что уж теперь-то мне ясно казалось бескрайним нахальством, а «Алые паруса мечты». Куда ни шло! А подпись моя скромно помещалась внизу заметки и содержала сведения о том, что я студент первого курса отделения журналистики. Дескать, чего с него возьмешь?

Из газеты выпала записочка от добродушного Демидыча. Поздравляя с сочинением, он слегка посветовал мне на неважную проверку фактов, за что ему досталось на орехи от кого следует: Женя пошла в детдом не потому, что родители погибли на войне, а потому, что были репрессированы и по сей день находятся в колонии.

Меня прошиб мороз — да еще и на улице было холодно, зима не собиралась сворачивать свои ледяные покровы.

В душе я, конечно, помянул болезненного рекомендателя, но Женю пожалел, а перечитав свое почти выдуманное сочинение, дал себе слово следовать правде, только правде, одной лишь правде, как услышал в каком-то ненашенском кино. А всякие сочинения, включая, не дай бог, стихи — это лабуда. Высокие материи не для нас. Классиков не переплюнешь, а Скоку тут нечего обижаться.

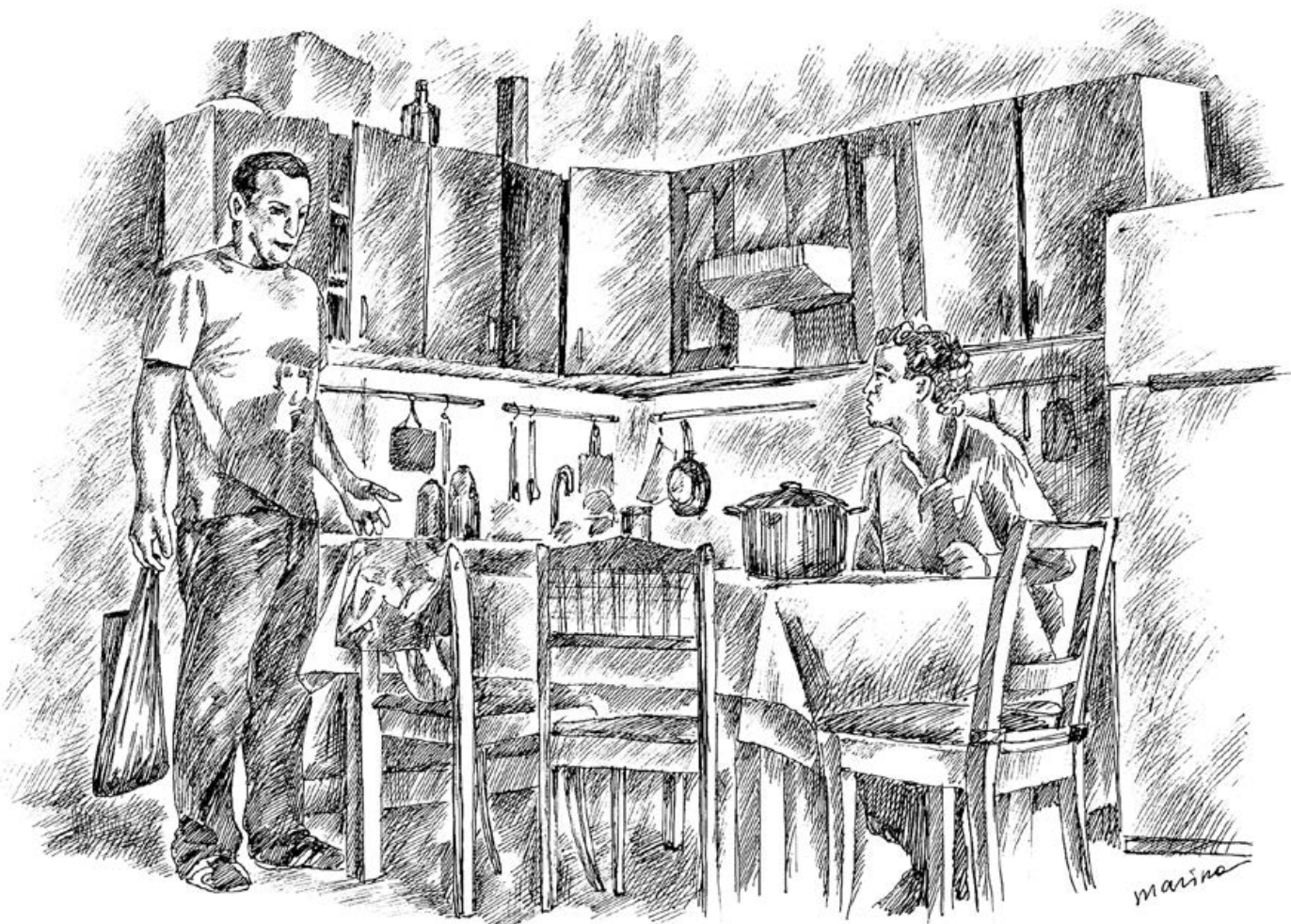
Такая теория, как узнаю я со временем и пойму, существует веками. Она довольно живучая, бродячая и кусачая. И может оборачиваться против своих апологетов.

7

Еще в том, теоретическом, считай, семинаре, я пожалел Игорьку Коробкина за его настоящую правду. Стипендию-то он получал, спасибо Старославянцу, и это было для него спасение. Дежурства у трампарка с потеплением ликвидировались до следующей зимы, чтобы разгружать вагоны с углем, требовалась компания, а она не хотела сбиваться воедино. Других источников существования у Игорьки не было, и они с Генкой по-прежнему варили вермишель на общежитской кухне. Хотя не в чайнике, а собственной кастрюле.

Вышло и еще одно послабление: хлеб в столовых, в том числе и нашей, студенческой, клали горой и бесплатно. Это выручало самых бедных, а Игорек никак не мог выбиться из них. Чай тоже наливали бесплатно, только за сахар следовало доплатить, но когда человек всерьез голодный — он чай и без сахара пьет, чтобы залить им куски хлеба.

Белый хлеб выставляли только изредка, а черный хорошо шел с горчицей, круто посыпанный солью.

Этокое острое блюдо, вызывающее сильное слюноотделение. Брюхо по этим причинам плюс неограниченный чай быстро набивалось этим добром, приятным во всех отношениях. Но такое ведь годится разок, другой, третий. А когда — каждый день: хлеб с горчицей и чай, хлеб и чай? Вечером — вермишель, не всегда с маслом. Поневоле затоскуешь о куске мяса или хоть сосиске: какие тут стихи! И при этом человек по праздникам надевает выцветшую гимнастерку с планкой наградных колодок, среди которых нетрудно узнать медаль «За отвагу».

Я тащил Игоря Коробкина к тете Дусе, иногда он поддавался, а потом проявлял неясную мне строптивость при всем своем мягком нраве, повторяя без конца:

— Неудобно, пацан! Мне неудобно!

Словно бы продолжал, когда мы шли от столовки по лестнице или по коридору:

— Понимаешь, я что-то не то сделал. Не туда залетел! А я не мальчик, чтобы ошибаться! Я уже почти пожилой человек! Мне семьей надо обзаводиться! Детей

рожать! Зарплату получать! Мне далеко за тридцать лет, а я все еще просто дембель!

— Но есть-то надо! — приводил я единственный доступный мне аргумент. — Тетя Дуся — добрый человек! Потом рассчитаешься!

— Эх, — вздыхал Игорек, — тетя Дуся, тетя Дуся!

И отворачивался в сторону.

Однажды по какой-то причине я возвращался на трамвае позднее обычного. Зашел в магазин с пирамидами «Чатки» и купил, по обычаю, две свои французские булки.

Снова шел вдоль пути у трампарка, и снова шел снег, но не такой, как в прошлый раз. Снежинки сыпались огромные, они планировали, опускались медленно и лирично. Трамваи перезвонивались между собой, собирались впритык, окна в них поначалу сияли, а потом гасли.

На все том же перекрестке я увидел знакомую фигурку и сразу узнал Игорька. В руках на сей раз он держал не скребок, а обыкновенную метлу, прочищал ею снег, забивавший путевые стрелки.

Я окликнул его, и он, как всегда улыбочивый, подошел ко мне.

— А где Генка? — поинтересовался я.

— Генка приболел, — ответил он, — лежит в обшлагае с температурой. Под двумя одеялами: своим и моим!

Чувство печального юмора не оставляло Игорька Коробкина, и я захотел хоть чуточку выразить ему симпатию. Я приоткрыл на колене свой чемоданчик и достал обе французские булки, что я купил. Протянул их Игорю и сказал:

— Это вам с Генкой! Пока еще не ночь, напои его чаем! Да и сам...

Одной рукой он держал метлу, будь она неладна. А другой прижал к груди две эти несчастные булки и глядел на меня во все глаза. Будто первый раз увидел — и все не узнавал знакомого человека. Потом его плечи затряслись. А на плечах был снег, крупными своими снежинками положивший ему белые погоны.

Он плакал молча, склонив голову, неумело, стараясь скрыть от меня свои слезы, хотя как тут скроешь-то, если плечи трясутся. А снежные погоны не падали с его плеч. Мокрый уже шел снег. Зима близилась к концу.

И вот он сказал:

— Позор на мою голову! Это я тебе должен булку давать! А не ты! Ведь я солдат!

— Да ладно, Игорь Иванович! — едва сдерживая комок в горле, брякнул я, цитируя классику. — Сегодня я, а завтра — ты!

И кинулся от него к дому.

8

А дома застал Джурку совершенно пьяным.

Боба Виннер сидел за столом, пил краснодарский сладкий чай с булкой, намазанной маслом, а Скок изо всех сил рвал меха своего аккордеона, иногда подвывая отдельные строчки известных песен.

При этом он успевал матюгаться и припугивать хрупкого филолога нецензурными выражениями. Я попытался обратить все это в смех, в удивление, почему же Джурка не поделился радостью с близкими друзьями, а наглотался в одиночку.

— Анапа приходила? — спросил я у Виннера, а Скок быстро ответил:

— Три раза!

— И что?

— Говорила: нехорошо!

— Да уж конечно, нехорошо! Но с кем же ты надрался-то?

— С Пудолем! — едва ворочая языком, отвечивал Джурка. — Во парень! Не то что все вы! Засранцы!

Сообщение про выпивку с Пудолем слегка царапнуло меня, ведь все-таки мы познакомились с ним все втроем, на равных, а теперь, выходит, появляются особые внутри сообщества отношения.

Сам же и отмахнулся: какие отношения? Все складывалось совершенно случайно, без всяких обязательств, как, впрочем, и тут, в этой частной комнатухе: каждый сам по себе, не так ли? И не стал расспрашивать дальше. Надо — сам расскажет.

Но Скока занимало что-то другое. Видно, выпил он основательно, но бывают люди, которых водка глушит не сразу, а постепенно. Джурка играл на аккордеоне, пел какими-то выкриками и пьянел все заметнее.

В дверь постучали, она приоткрылась, и Анна Павловна, владелица этой конуры, чувствующая себя хозяйкой имения, сказала, тем не менее, вкрадчиво:

— Ребятки! Уже поздно! Двенадцатый час. Девочкам надо спать! И вам тоже! Джурик, потише, пожалуйста!

— А! — воскликнул Джурик. — Анапа!

— Что? — не поняла та.

— Анна Павловна, щас, щас! Еще пять минут!

А когда дверь притворилась, он сдвинул аккордеон и положил голову на него. С минуту, наверное, не менее, было тихо, мне даже показалось, что пьяный Скок так и уснул на своем трофейном инструменте.

Но он вдруг резко и трезво вскочил, небрежно толкнул драгоценный инструмент на свою кровать и обернулся к нам лицо с покрасневшими глазами, будто долго тер их кулаком. Речь его была, понятное дело, совершенно нетрезвой, рваной, вскипающей матом, но логичной. И ужасной!

— Я не знаю, как мне жить! — воскликнул он для начала, и эту вводную фразу я принял как признак неважнецкой литературы. Даже усмехнулся. Боба Виннер поступил аналогично.

— Это знаю только я и моя мать! — продолжил он. — А теперь узнаете вы! И вам не станет от этого лучше! Но! Я! Не знаю! Как мне жить! — он снова выделил восклицаниями каждое слово.

— А может, и не надо, нам-то? — спросил я.

Он повесил голову. Нетрезво помотал ею, будто хотел протрезветь, что ли? И снова повторил:

— Не знаю как!..

Потом он сказал просто несколько фраз. А устроил тоску смертную.

Отец был на фронте, командовал какой-то связью, исправно слал письма, а мать получала деньги. Еще она работала в библиотеке. Неподалеку находился госпиталь. Некоторые раненные захаживали к ним домой. Мать угощала чаем, смеялась. И вот однажды Джурка пришел из школы раньше времени. Учительница, что ли,

будто заболела. Вошел в дом, не скрипнув, даже обувь на крыльце снял. Входит в комнату, а мама с каким-то мужиком. Из выздоравливающих. Он не убежал, не застался, а заорал в полный голос:

— Отцу скажу!

Джурка не стремился к последовательности. Рассказ свой прерывал. Много опускал. В конце объяснил, что мать вымолила у него, своего сына, чтобы молчал. За это она делала все, что он просил. Отец с войны вернулся. И вот столько лет прошло, но он ничего не знает.

— Пусть и не знает! — сказал я, потрясенный открытием Скока. — И вообще! Нам-то зачем рассказал?

— Зачем! — прошептал он. — Да я не знаю, как жить!

— А теперь узнал? — спросил я довольно жестко.

Мне почему-то стало обидно за Джуркину мать, которую никогда не видел. Да и отца его тоже, о котором понятия не имел.

Гуманитарий Виннер утешал со своего стула:

— Важное дело — выговориться. Тебе, конечно, полегчает, — ворковал он. — А теперь давай-ка ложись.

И стал укладывать нашего гиганта. Сперва мы убрали аккордеон с кровати, вложили его в футляр, потом раздели Джурку до трусов. Он глядел окрест непонимающими, отсутствующими глазами, покорно кивал головой кому-то — явно не нам, — бухнулся в койку и умолк.

— Теперь, — обернулся ко мне мудрый Боба, — он нас возненавидит.

— За что? — не сразу понял я.

— За то, что наградил, — он как-то брезгливо произнес это слово, — своей тайной.

Утро началось чрезвычайно, часов в шесть. Я проснулся от того, что кто-то трогал мои ноги. На своей кровати сидел Боба Виннер, всклокоченный, каким бывает внезапно проснувшийся человек, а возле меня стоял Скок. И хлопал мне по ногам, чтобы проснулся. Я подскочил, как, наверное, и Виннер. И тогда Джурка трезво произнес:

— Дайте мне клятву, что никому ни слова!

Я глянул на Виннера. Он часто-часто кивал мне головой. Странное дело, но у меня обнаружились почти взрослые слова.

— Джурка, друг! — проговорил я, совершенно не уверенный, что имею хоть какое-то право говорить таким образом. — Мы ничего не слыхали. Да, Боба?

— Да, да! — подтвердил тот.

— Но это твоя, понимаешь, твоя личная тайна! И, наверное, есть тайны, которые люди уносят в свои могилы! Унеси и ты!

Он как-то востропнулся, посмотрел на меня непонимающим взглядом, будто думал. И только подумав, кивнул.

9

Минибай, как представитель Крайнего Севера, сразу оказался в общаге, поэтому мы виделись только на лекциях, а поболтать могли в перерывы между ними.

Он отвел меня в угол коридора и с выпученными глазами сказал, что утром к ним в общагу явился полутрезвый бог наш Толя Пудоль, вызвал Минибая на улицу и рассказал ему про Джуркино бедствие. Он-то боялся, как бы что со Скоком не произошло, думал, тот живет в общежитии и приехал туда. А теперь Минибай перелагал мне всю эту тайну.

Я не знал, как себя вести. Одному другу дал слова молчать, но другой друг, оказывается, тоже посвящен, а Пудоль, видать, на нетрезвый язык Скок первому свою тайну и выложил — как теперь быть?

Я молчал и, наверное, отводил глаза в незнакомку — почему мне вообще надо все это знать? С какой стати? Разве все надо до дна выкладывать при первой расслабке?

Минибай разглядел мои уклончивые взгляды. Спросил:

— Ты знаешь?

Я пожал плечами:

— А зачем такое знать?

Он обрадовано согласился. Я продолжил:

— Это его родные... Какое нам-то дело?

— Точно!

Надо, пожалуй, отдать должное нам, пацанам тех времен — и Минибая, и Виннера, и Пудолью тож. Никто из нас не произнес больше ни слова, даже друг с другом про эту Джуркину историю. Но вряд ли не думал. Думать ведь не запретишь.

А Джурка поначалу вел себя будто виноват перед нами. Вот именно так, а не иначе — перед нами, а не перед тем, перед кем бы надо. Он как-то заискивал, даже заигрывал. Был подчеркнуто деликатным, проявлял дружелюбие, обрадованно смеялся не самым смешным нашим шуткам.

Мне, честно сказать, хотелось его пожалеть. Но почему-то не получалось, странное дело. Что-то такое недоверчивое копошилось внутри меня. Какое-то нехорошее — мое собственное недостойство, если можно так сказать. Чего-то во мне самом таилось неласковое, раньше не бывавшее. Какая-то опаска. Будто сунули носом в чужое барахло. И если оно даже крахмально-стираное и глаженое, все равно ведь чужое. Зачем это?

Однажды нечаянно подумал: а что если бы это случилось с тобой? Ущипнул себя за руку: как ты можешь даже подумать такое, это не про тебя, у тебя такого быть не могло.

И вот тут мне стало отчаянно, и совсем по-новому, жаль Джурку: как выжить с таким воспоминанием? И ты бы не смог!

И вдруг оказалось, что Джуркина мать приезжает навестить своего сына. Устроилась она, по рассказам Скока, у знакомых, а приходила к Джурке сразу после лекций, на частную квартиру, к Анапе, и мы с Виннером увидели ее только раз, тотчас после приезда. Выглядела эта женщина обыкновенно — полновата, просто-волоса, неприхотливо одета, здороваясь с нами, вела себя скромно, точно робея ученых студентов, и мы с Бобой до крайнего часа торчали в университете, даже после закрытия читального зала. Чтобы не мешать общению родственных душ.

Через неделю Джуркина мать уехала.

Он ходил, будто мокрый щенок.

10

А жизнь неслась!

Нам иногда кажется, что жизнь — это только то, что происходит лично с нами! Вот ты хорошо сдал экзамен и зачет, и это великая победа, заработал стипендию! Или одолел какую-то, как раньше казалось, неподъемную книжищу, вроде «Жана Кристофа» Ромена Роллана — четыре могучих тома. Да и каких! И дело, конечно, не в том, что их просто прочитал! А в том, что прочитав, крепко раздумался — именно так! — о мире людей, таких далеких от тебя во времени и пространстве, но таких понятных своими мыслями и поступками!

Мир всякого человека, я уверен, не может остаться неизменным после таких книг, но в каждой отдельной судьбе — это только личное твоё событие. Оно, надо надеяться, изменило тебя, но не переменяло мир, и трудно верится в простые перемены, когда все и разом улучшается в целой державе. Ведь для этого надо, чтобы, скажем, миллионы людей в один и тот же месяц, все побросав, одолели того же «Жана Кристофа», закручинились, переменяли себя изнутри, а тогда бы враз улучшился и целый мир. Хотя бы наш мир.

Но такое и представить даже нельзя. Да и вообще — что такое пусть и великая, сотрясающая, но лишь одна книга в жизни человечества? От того, что ты ее прочитал, мир как не улучшится, так и не рухнет.

И вообще, жизнь, наверное, — это что-то вроде потока громадного! Всеобщего! В нем — и воды, и ветры, и души живых и усопших, и движения армий, каких-нибудь бесчисленных танков, и трепет голубя-турмана, и

люди, зачем-то идущие в сплошном снегопаде, и боль, которую утишают врачи, и боль, которую уже ничем не утишить. И в этой жизни — ты, маленький огонек, незаметная частица, но и в то же время ты — огромный мир, если способен замирать над «Жаном Кристофом», проваливаясь сквозь страницы куда-то в пространство меж звезд, чтобы если и не понять, то содрогнуться, узнавая, из чего происходят звуки музыки и является гениальность, как неведомый, невидимый и еще никем не понятый Божий дар.

Наивно верую, что студенческая пора — это время открытий даже не столько мира, сколько себя. Перед тобой предстают собственные возможности, которые можно смело назвать природными ресурсами.

Все в тебе открыто — хорошему и дурному. И сам ты готов выложиться во все свои, пусть даже кем-то внушенные, мечты. Ты боец и дитя сразу, конструктор собственной жизни и чернорабочий-исполнитель.

Ты зайчик и орел, наивен и всемогущ!

Боже, отчего же такое великое множество бедолаг, будучи гениями во студенчестве, так и не могли ужиться в серьезном мире?

И все-таки, все-таки жизнь — это что? Да все, что вокруг нас, и все, что мы есть сами!

Но к чему, собственно, эти размышления? А может, к тому, что студенчество послевоенных пор теперь-то, задним числом, мне представляется такими горами!

Высоты духа обладали сказочным умением соседствовать с его низинами, голод — с философией, раздольная вольница — со строгостью внутренних правил, не нами придуманных.

Мы же не удивляемся, когда пьяный плачет. Он пьян, а значит, нехорош. Но он плачет, чему-то сочувствуя. Пусть даже самому себе, значит, он прекрасен!

Потому никто не удивился, когда Джурка с головой опрокинулся в творческий омут.

11

Нет, теперь это не были стихи.

Вообще-то, как вы помните, мы начинали с простого и втроем, но ничем особенным, кроме трех подписей под жалкой заметкой и заработком по 9 рэ каждому, это не кончилось.

Врозь по-своему нас посетило ощущение неповоротливости, которое хоть и утешил многоопытный Зиновий Абрамович, да оно и само поспешно угасло в многообразии бытия, а все-таки, видать, где-то в каждом присутствовало. Затаилось.

Мы, похоже, пришли к необходимости пробовать каждый по-своему, а я, грешен, еще на каникулах, из дому, перед самым моим выходом на шинный завод,

вдруг взял да и написал письмецо в журнал «Советское фото». Тогда много что оживало после войны. И молодежная газета в каждой области и крае, закрытая на четыре военные года, радостно принялась выходить снова. И даже журналы. Вот и «Советское фото» обьявилось в подписных каталогах, и я, десятиклассником, выписывал его. Был этот журнал довольно толстым по тем временам, но фотографии помещались небольших размеров, цветные вклейки, правда, тоже появлялись, однако нерегулярно — о цветных фотографиях тогда только мечтали.

Ну, я и бухнул такую заметку за подписью студента первого курса отделения журналистики. Что, мол, газета требует не только текстов, но и фотографий, а на отделениях журналистики, по крайней мере у нас, на Урале, даже такого предмета нет.

Будь моя воля, я бы тогда лягнул старославянский, мол, лучше бы вместо него фотограмма, больше толку, но деликатно удержался. В конце обращал внимание неведомых властей предложением: немедленно ввести курс фоторепортажа для грядущих газетчиков.

Написал, послал и забыл.

И вдруг — как это случилось уже во второй раз — мне кто-то говорит, что перед зеркалом, на полке мне сияет денежный перевод из самой Москвы! Когда приходят такие известия, обычно люди все бросают и бегут! Но скорее всего, как почти обо всем хорошем, меня известили о переводе в столовке, и я, с трудом сдерживая себя, по-взрослому и неспешно дохлебал щецы, укрепившись котлетой, ну а потом, под свидетельские взоры друзей, прошествовал мимо тети Дуси, где отныне и навсегда действовала для моего организма безотказная кредитная линия.

С трудом сдерживая шаги, я подошел к зеркалу, возле которого вечно кружился девчачий, приукрашивающий собственную действительность, хоровод. Передо мной расступились, я увидел свое имя на помятом извещении, вчитался, сумма рублей в 80, а на штемпеле, действительно, Москва!

— Москва, Кремль! — шуткнул Минибай, и я небрежно обернулся к ближайшим своим содругам.

— Не скрою! Вероятно, курьером!

— Сто тысяч одних курьеров, — напомнил Джурка Гоголя.

— Лучше бы, — не сломался я, — сто тысяч одним курьером!

Через час деньги жгли мне карман, и оказалось, что они от «Советского фото», но сам журнал в нашей библиотеке отсутствовал. Немножко потолкавшись, я нехотя пояснил, что мне опять надо на главпочтамт, а сам бросился в городскую библиотеку, где и обнару-

жил в журнале свое воззвание, набранное крупным шрифтом и на видном месте. Да еще и с припиской редакции, что она горячо поддерживает мнение студента. Студента с Урала. Мол, не забудьте — опорный край державы!

Еще через пару дней, там же, перед зеркалом, у всех на глазах я обнаружил фирменный конверт из «Советского фото», где редактор отдела по фамилии Пригожин меня благодарил от имени целой редакции, предлагал сотрудничать и дальше, объяснив это тем, что у них нет связей с Уралом. Тут же выдвигал соображение, что был бы полезен большой обзорный очерк об уральской газетной фотожурналистике.

Ни фига себе! Тут же поделился со всеми своими соратниками необыкновенным заказом из столичного — надо же! — издания! Откровенно говоря, вибрировал я совершенно чудесным образом. Мне и хотелось, и боялось! Но, самое забавное, я не знал, как к этому подступить.

Выручил Пудоль. Изжевав с братвой все возможные варианты, зная, что никто из них никогда в своей жизни не фотографировал — разве мыслимо теперь это даже просто вообразить! — я решил без шума и гама подойти к Толе Пудолю.

Показал ему письмо. Тот вскинул брови, улыбнулся чистой дружеской улыбкой, воскликнул:

— Пошли!

И мы куда-то отправились по длинным-длинным, в километр длиной — ну метров двести! — редакционным коридорам. На каком-то повороте двери оказались распахнуты, там было для зимы очень тепло, почти жарко, а посреди пространства медленно крутился огромный сияющий серебристый барабан.

Это потом я пойму, что прибор этот просто сушит и гляncует фотографии, а народ, который окружает его, хохочет и поругивается, — фотокорреспонденты почти всех уральских газет, которые, отснявшись, отпроявлялись, отпечатавшись, лакировали свои работы, дабы снести их заготовкам, ответсекретарям, а то и самим главным редакторам, чтобы наутро их картинка украсила газету. А тогда я затих от трепета, будто вступил в зубоврачебный кабинет.

— Мужчины! — как-то ласково, по-братски сказал им Толик. — Минуточку внимания! Вот, рекомендую вам, — он горделиво протянул руку в мою сторону, — корреспондента журнала «Советское фото».

Мужики недоверчиво притихли. А Толя забивал свой гвоздь в мою крышку:

— Да, он студент! Но уже печатается в этом журнале. И у него — редакционный заказ! Сделать большой материал про вас про всех!

То ли стон, то ли возгласы сомнения встретили это сообщение. Смысл состоял в том, что ведь их много, да и разве бывает про всех?

— Вот вы и подскажите ему! — продолжал Пудоль. — Назовите одну группу, да? — обернулся он ко мне, и я кивнул. — Потом другую! Журнал только возрождается! И всех вас переварит!

Эта невзыскательная шуточка помогла разрешению недоверия. Мужчины, перебивая друг друга, но и соглашаясь всякий раз, назвали мне четыре первых имени, никого из этих маэстро тут не было — один болел, один готовил свою персональную выставку, а двое находились на съемках, — и снабдили меня телефонами каждого и кандидатов.

Я, надо признаться, благодаря Толе, отделался междометиями: «Да!», «Ох!», «Ух, ты!» Никакая речь от меня не требовалась — как хорошо! Но все номера записал, продиктовал свои имя и фамилию, а ушел, награжденный фотографической лаской.

Заведующий лабораторией, дядя Миша, кудлатый и широконосый, спросив, снимаю ли я сам, как-то искренне приветствовал это и предложил:

— Если тебе что-то надо проявить или напечатать, заходи сюда! В любое время! У нас тут всегда все

есть. Наготове! И растворы! И этот барабан, — ткнул пальцем в неостановимый глянецватель, — всегда крутится!

А на прощание совсем приласкал:

— У нас тут вся фотографическая братия толчется! День побудешь — всех узнаешь!

Я так и сделал. И четверых выдвиженцев узнал. И с каждым из них провел по много-много часов, подружившись накрепко. А написав свое сочинение, довольно-таки продолжительное и неспешное, да еще не только проверенное, но одобренное каждым из моих героев, вместе с целым пакетом превосходных отпечатков отправил авиапочтой Пригожину.

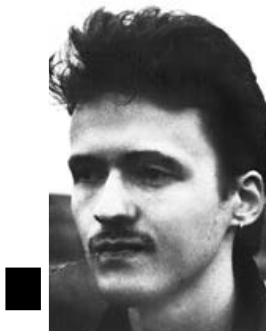
Всего-то через два месяца — разве срок для журнала! — меня только что не качали в фотолаборатории Дома печати за развернутый и подробный обзор творчества уральских фотомастеров с их снимками. Был с нами и Толя Пудоль, мой проводник, Дерсу Урала моей судьбы. И дядя Миша, к той поре закадычный верный друг и радатель, хлопал по плечу.

А еще через неделю перед университетским зеркалом появился перевод — о ужас! — на четыреста пятьдесят рублей.

Целых две стипендии!

Продолжение следует.

Макс СЫСОВ

Продолжение. Начало в № 4 за 2018 год

РЕЗЕРВНАЯ КОПИЯ ВОСПОМИНАНИЙ

Рисунок Марины Медведевой

Я опять пытаюсь объяснить то, что объяснить невозможно. Перейдем посему к делу.

Рассказы и повести Патрика прочитались быстро. Самое длинное его произведение — «9-й этаж» — занимало 16 страниц — это менее 10 % от объема неуклюжих и мертвых «Странников». Не зря говорят: «Краткость — сестра таланта». После прозы прочел я и стихи. Стихотворную речь я толком никогда не воспринимал, так что требовалось быть настоящим гуру, чтобы не вызывать во мне отторжения.

Патрик создал индивидуальную страничку в Интернете (до середины 2000-х годов такие странички были в моде у просвещенной публики, а позже появились социальные сети, где «рассказать о себе» мог уже любой олигофрен). На страничке Патрика я ознакомился с его рисунками и авторскими фото. Некоторые фотографии вызвали определенные вопросы, но поскольку Патрик позиционировал своего автобиографического героя как трансвестита, нужные ответы подыскались.

Впечатлениями требовалось с кем-то поделиться. Поскольку со мной никто не общался, я рассказывал обо всех событиях жизни только собственной матери.

Вот говорят, что в человеке-де заложен первородный грех. Адам-де съел плод познания добра и зла, и все людишки с тех пор тоже с самого рождения жить не могут, пока добро и зло не познают. А ведь первородный грех не только в этом. Он вообще во всем. Взять, к примеру, наш язык. «Человек существо социальное». На языке у него сидит черт-дергун. Обо всем человекишке надо разболтать. Не важно, интересно ли это

кому-то, слушает ли его кто-то, к каким последствиям приведет его болтливость. Ну да про последствия нам и так рассказывают священники. Последствия всегда одни — это ад. И поскольку загробной жизни нет, ад настигает болтливого человекишку в подлунном мире.

Под «человекишкой» я перво-наперво разумею самого себя.

Познакомившись с Патриком, я, как говорилось выше, стал приближаться к вратам рая. Ад же был всегда. До рая. После рая. А благодаря моей болтливости — и во время рая.

Мать быстро распознала в Патрике агента влияния ФСБ. Она с не меньшей старательностью, чем я, изучила все его творчество и нашла столько угроз, сколько ни одному узнику Бухенвальда не снилось. Меня она всегда считала слабоумным. Посмотрев, с каким ужасающим простодушием восторгаюсь я Патриком, она просчитала, как именно ФСБ решила погубить нас, и стала готовиться к ответным мерам.

Я же, не особенно рассчитывая на успех, пригласил Патрика на лето в гости (сам он жил в Ростове-на-Дону, а я — в Москве). Летом все бы выгорело. Мы бы жили на даче, никто бы о нас не знал; я обрел бы нового друга, так на меня похожего, а он смог бы отдохнуть от опостылевших родителей и, возможно, устроился с моей помощью где-нибудь в Москве. Наверное, я казался бы ему неинтересным: он так хорошо знал жизнь, так здорово освещал ее. А кто такой я? Обычное ничтожество. Ну да ничего, разберемся. Если подружимся, Патрик меня всему научит.

Одного я не учел.

«Меня зовут Патрик, и я сумасшедший» — было написано на его странице. Я до сих пор считаю этого человека нормальнее всех на свете, да вот только сам он всегда стремился к идеалу «сумасшедшего».

Он сбежал из дома в апреле и направился в Москву.

* * *

Приезд Патрика в апреле немного не вписывался в мои планы на ближайшее будущее: главным пунктом в них значилось усиленное штудирование русской литературной классики с последующим поступлением в университет на филфак. Патрик сам сподвигнул меня на это: он учился на филологическом факультете Ростовского государственного университета и так красочно описывал студенческую жизнь, что и я решил стать филологом. С радиотехническим вузом отношения у меня не заладились, а второе мое «начало», гуманитарно-писательское, требовало реализации.

Выше я написал, что будущее — не освещенная солнышком дорожка в гору. И не от тебя зависит, провалиться ли тебе в горную расселину, сдохнуть ли от усталости по дороге к выбранному пьедесталу. Так и есть. Будущее знать нельзя, пусть бы и казалось оно предрежденным и очевидным.

«Приезжай», — был мой ответ. Целую неделю, до самого 23 апреля 2007 года, я жалел о сказанном. Я о любом своем решении жалею, однако в тот раз оно было самым правильным в моей жизни. Да, меня мучили сомнения. Вдруг Патрик — отвратительный грубый мужик? Или маньяк? Или торговец человеческими органами?

Сильнее всего волновался я 22-го числа, ночью. Я помню эту дату, потому что тогда умер Ельцин и народ ликовал. На следующий день, в 10 утра, Патрик должен был приехать на Казанский вокзал. Мне было не до веселья. Я не мог уснуть и, пытаясь успокоиться, дергал струны гитары, которую купил на заработанные в фотопечати деньги и на которой надеялся научиться играть. У меня получалось что-то вроде задумчиво-медленного тиканья часов, состоящего не из двух звуков «тик-так», а из трех.

— Тик-тик, тик-так, тик-тик, тик-тук. Тик-тик, тик-так, тик-тик, тик-тук.

Я хотел, чтобы все это оказалось глупой шуткой и чтоб завтра на вокзале я бы тщетно проторчал два часа. Чтоб жизнь катилась по прямой траектории туда, куда я вижу.

Каким восхитительным было следующее утро! Я надел честно заработанную куртку из черной искусственной кожи и черные брюки с ботинками — костюм гота,

как называл я этот наряд, самый приличный в моем гардеробе¹.

В 8 утра ощутимо подмораживало, и я дрожал, стоя на задней площадке «Икаруса» и глядя в окно на пути к ближайшей станции метрополитена. На телефон приходили сообщения от Патрика. Он рассчитывал приехать к десяти, но автобус, на который он сел, опередил график и прибыл на Казанский вокзал в восемь. Автобус Патрику подыграл: тот всегда говорил, что лучше проторчать на месте встречи два часа, чем заставлять ждать встречающего хотя бы десять минут.

Наши пути пересеклись на станции «Комсомольская» кольцевой линии метро, в торце зала, у подножья памятника Ленину. Патрик приехал с подругой, Катей, которая быстро нас покинула, отправившись по делам. Я остался с Патриком наедине. В его руках был пакет с важными вещами и сумка.

* * *

Есть в квантовой механике явление, называемое «туннельный эффект». Я знаю его благодаря поверхностному знакомству с радиотехникой, а именно с *туннельными диодами*. В советской «Детской энциклопедии» туннельный эффект описывается примерно так: «Представьте себе муху, бьющуюся о стекло. В макромире у нее нет никаких шансов пройти сквозь него и оказаться на другой стороне. Но если мы возьмем вместо мухи электрон, дело будет обстоять иначе. В изменчивой вселенной квантовых законов, где всем правит теория вероятности, существует отличная от нуля возможность, что частица будет существовать по ту сторону казалось бы непреодолимого барьера».

С момента встречи с Патриком я попал в рай. А если не в рай, то в какое-то очень похожее место, как Тангейзер. Я сделал то, чего не удавалось никому. Странное, совершенно невозможное стечение обстоятельств привело к моей встрече с чудом, с удивительным человеком, которого я боготворю. Какое еще слово можно применить, помимо «рая»? «Настоящая жизнь»? Возможно. Этой «настоящей жизни» будут посвящены все остальные страницы резервной копии, сколько бы их ни было. Потому что больше мне вспоминать нечего. Что

¹ У меня был еще костюм неудачника, состоявший из вышедших из моды синих джинсовых брюк и куртки, купленных для меня матерью, которая по советской традиции считала джинсу символом благосостояния. И был еще костюм бомжа — дешевая спортивная форма, купленная для школьных уроков физкультуры, на которые почему-то запрещали приходить в удобных хлопчатобумажных джинсах. Вместо них заставляли напяливать китайскую синтетику, в которой прела жопа.

было до, что было после, — это точно не жизнь и не райское место.

Аналогия с раем мне нравится потому еще, что тот охраняется. И страж — уж не знаю, апостол ли это Петр или кто еще, — быстренько распознал, что в раю мне не место. Я был в аду всю жизнь и не сделал ничего, чтобы оттуда выбраться. В рай меня забросила статистическая флуктуация, сродни тем, при помощи которых работают туннельные диоды.

В бога я не верю и в мистику тоже. Апостол Петр не был гигантским седобородым стариком, гонящимся за мной с метлой по виноградным кущам. Он был стечением обстоятельств, роковым течением.

Каждый шаг, который я совершил после своего падения в рай (и до попадания), вел обратно во тьму, в которой мне предначертано было находиться со времен детского сада.

* * *

В то утро моя жизнь разделилась на две части. В первой части Патриком был древний святой, принесший в Ирландию христианство. Во второй — красивая девушка по имени Таня.

* * *

Домой добирались долго. Метро в моем районе до сих пор даже в планах не значится, а уж в те-то времена от ближайшей станции подземки мой дом отделяло порядка сорока минут езды на автобусе (без учета дорожных заторов). За это время мы многое успели обсудить. Я предупредил Патрика, что мать преследует ФСБ и нам следует держаться начеку. Ни в коем случае не должна была всплыть связь между настоящим Патриком и тем, что остался на графоманском сайте. Ведь Патрик на сайте уже дискредитировал себя: мать знала, что он агент. «Лучше будет, если мы скажем, что ты подруга моего покойного друга Димы, — предложил я. — Или лучше — дальняя родственница, с которой тот меня как-то познакомил. Ты убежала в Москву от тиранов-родителей».

Патрик, как и любой другой человек на его месте, должно быть, не сразу понял, что значит «преследует ФСБ», но возможность ознакомиться с проблемой детальнее ему представилась. Несмотря на неожиданное осложнение, он быстро воспринял сказанное мною, и мы решили действовать по намеченному плану.

Когда мы приехали ко мне и чай в кружках заварился, я спросил у Патрика, кто он. Конечно, я уже читал его рассказ «А когда надоест, возвращайся назад».

«Ну что я мог ему ответить? Сказать, что я ходячий (причем по воде) справочник самоубийцы? Студент романо-германского отделения факультета филологии и журналистики Ростовского государственного университета? Или просто придурок?

Недонаркоман? Спаситель?!

— Меня зовут Патрик».

А правда ли, спросил я его, что он пытался покончить с собой?

«Но, черт возьми, как меня это достало, — писал Патрик в рассказе "Анальгин", — постоянно все всем подтверждать и доказывать! Пришлось закатать рукав и показать ей свою левую руку с торчащими скрепками от степлера, выцарапанными на коже словами "Мне больно", ожогами от сигарет и, самое главное, длинным уродливым шрамом, похожим на десны больного цингой. Потом еще продемонстрировал письмо из районной прокуратуры с отказом в возбуждении уголовного дела по факту попытки суицида».

Одно дело — читать чье-то творчество, а другое дело — общаться с автором вживую. Даже тогда я понимал, что главный герой, сколь бы автобиографичным он ни был, и автор произведения — это совсем разные люди.

Марин ответил, что он, по сути, никто. Справку из прокуратуры он мне показал, равно как и шрам от перерезанных вен на левой руке, ожоги от сигарет и серной кислоты, от скрепок степлера. Дабы предоставить хоть какую-то фактологическую информацию, он продемонстрировал содержимое своей сумки и пакета.

Там оказалась папка с рисунками, два компьютерных жестких диска с важной информацией, школьная серебряная медаль, пузырек с серной кислотой, еще один пузырек с черепом и костями на этикетке и надпись «Йад для аффтара», сотовый телефон, сторублевая купюра, много пенталгина и какие-то мелочи. (То есть мелочами они только мне казались, а Патрик взял их не зря.).

Содержимое мне понравилось. Хозяину таких вещей можно было доверять.

* * *

Надо сказать, что, несмотря на вещи, в Патрике я поначалу усомнился. Дело в том, что сразу по приезде ему требовалось встретиться с некой своей подругой, с коей он, как и со мной, познакомился через Интернет. Более или менее разобравшись в обстановке, мы отправились к ней.

Подруга Патрика жила в элитном жилом комплексе и проводила много времени с музыкантами-металлистами, даже пела в одной «готической» группе. Для

пущей готичности она взяла труднопроизносимый немецкий псевдоним (не помню какой). Лет ей было девятнадцать, а ее ребенку исполнился год. Она употребляла левомецетин, чтобы иметь осиную талию, но от препарата ей становилось плохо, и на протяжении нашей двухчасовой прогулки она более десятка раз едва не падала в обморок. Насколько я понимаю, последнее обстоятельство больше всего импонировало Патрику, поскольку отлично вписывалось в его концепцию саморазрушения. И ровно так же, как нравилось оно Патрику, отвращало оно меня. И все остальное отвращало. Но больше всего было чувствовать, что, когда мы приехали, Патрик сразу же взял подругу свою за руку и стал разгуливать с нею по берегам унылого пруда, а я плелся за ними и не знал, что делать. Такое происходило в любой компании, где, помимо меня, присутствовало еще хотя бы два человека. Этим двоим, как только они друг друга видели, становилось до лампочки мое существование, и они только друг с другом и разговаривали, лишь изредка донимая меня идиотскими вопросами вроде «чего молчишь?», «чего грустишь?». Я, разумеется, понимал, что дело во мне, а не в Патрике, но все же обиделся на него, за то что он повел себя так же, как остальные, и уже меньше доверял ему. Эти сомнения, как и все остальные, еще сыграют с нами злую шутку.

А с подругой Патрик попрощался, и больше они никогда не встречались. Она хотела дать ему денег, но тот отказался. Он помнил о ста рублях у себя в сумке. Однако в школе нас учили всегда быть скромными.

* * *

Жалко, что Патрик не смог сказать, кто он. А с другой стороны, как он мог сказать? Ну спроси любого человека: «Кто ты?» — что он ответит? Что бы я сам ответил? Не думаю, что кто-либо способен дать более информативный и исчерпывающий комментарий.

* * *

В Ростове-на-Дону говорят на диалекте: там распространено диссимилиативное аканье донского типа. Представлял ли я, что герои Патрика, в том числе и его автобиографический персонаж, — носители диссимилиативного аканья? Нет, конечно. Поэтому, услышав донской говор, я сразу распознал перед собою настоящего, живого человека. Москва повергла Патрика в культурный шок (раньше он тут никогда не был). Меня умиляло, как он боялся эскалаторов в метро, как поражался архитектуре и длине пробок, как развевались его волосы, когда мы проникли на последний этаж одного высотного здания и смотрели на город с балкона

пожарной лестницы. Новое ощущение: я, житель столицы, объясняю гостю устройство столичной жизни и всяческие достопримечательности — это тешило мое тщеславие (как будто в факте моего рождения в Москве имелась моя заслуга).

Нравилось мне и говорить с Патриком, безотносительно к обстановке. Сложно передать эмоции, которые я испытывал во время разговоров с ним. В этих разговорах начала формироваться моя личность. Словно я оказался в детской кроватке и, имея уровень самознания взрослого человека, начал заново постигать мир.

Я-то постигал. Но мы — мы тратили время. Первые три дня мы гуляли, пытались попасть на Красную площадь, но там провожали в последний путь Ельцина, и вход перегородили. Я хотел дать Патрику время «прийти в себя и освоиться в новой обстановке». Я забыл, что в этом городе погибла двенадцатизыкая армия, оставившаяся передохнуть. Времени терять было нельзя.

На третий день мы планировали начать поиск работы для Патрика и даже купили газету с вакансиями. Но нашим планам не суждено было исполниться. Будущее — не прямая тропинка, освещенная солнцем, и чтобы не упасть в пропасть, недостаточно просто твердым шагом идти к намеченной цели. Оттого и планы строить — бессмысленно.

В игру включилась мать. Поначалу она нашей шпионской легенде поверила, но когда Патрик в первый раз остался у меня на ночь, она была озадачена и угнетена. На второй день смутное беспокойство усилилось. А на третий мы совершили последнюю ошибку — и оно обрело форму.

Возвратившись домой после похода на Красную площадь, мы забыли запереть входную дверь в квартиру.

Мы сразу же пошли на балкон, чтобы обсудить планы на завтра (а завтра предстояло трудоустройство).

Мать вошла незаметно. Она обнаружила квартиру незапертой, и это неприятно ее поразило. Что, если внутри агенты ФСБ? Мать прошла в мою комнату и увидела на столе рисунки Патрика. Она долго листала папку и в каждой работе, наполненной болью и насилием, читала намек. Это то, что ждет ее и меня. Перерезанные вены, лужи крови, петля под потолком... На одном рисунке она увидела белую кошку, истыканную ножами, спицами, иглами. Она напомнила ей нашу кошку, тоже полностью белую. ФСБ решила расправиться и с ней.

Когда мы вышли с балкона, раз сделанное предположение уже прочно укоренилось в голове матери и больше никогда ее не покидало. Я не хочу вспоминать, что было потом. Это был первый раз, когда мать смогла поговорить с агентом ФСБ лично, без всех этих наме-

ков в Интернете и на стенах подъезда. Я никогда не видел мать такой. Она напомнила мне мою кошку. С ней мы жили много лет: она была белая, пушистая, голубоглазая и невероятно добрая. И как-то раз притащил я с улицы другую кошку — просто так, из бессмысленной и иррациональной жалости. Моя кошка при виде нее оцетинилась, на ее спине поднялся гребень, словно у ископаемого мудоектиля, хвост стал раза в четыре толще, из страшной клякастой пасти раздалось настоящее рычание, а затем противный, полный ненависти вой. Я и представить себе не мог такого.

На следующий день рано утром Патрик должен был покинуть наш дом навсегда.

* * *

Откуда же взялись рисунки Патрика у меня на столе? Дело в том, что накануне я взял их отсканировать, но сил не оставалось, и я должен был их спрятать (часть рисунков мать видела в Интернете). Но вместо того, чтобы затолкать их подальше, я всю ночь сидел над ними и

плакал, будто кисейная барышня. А наутро я их спрятать забыл.

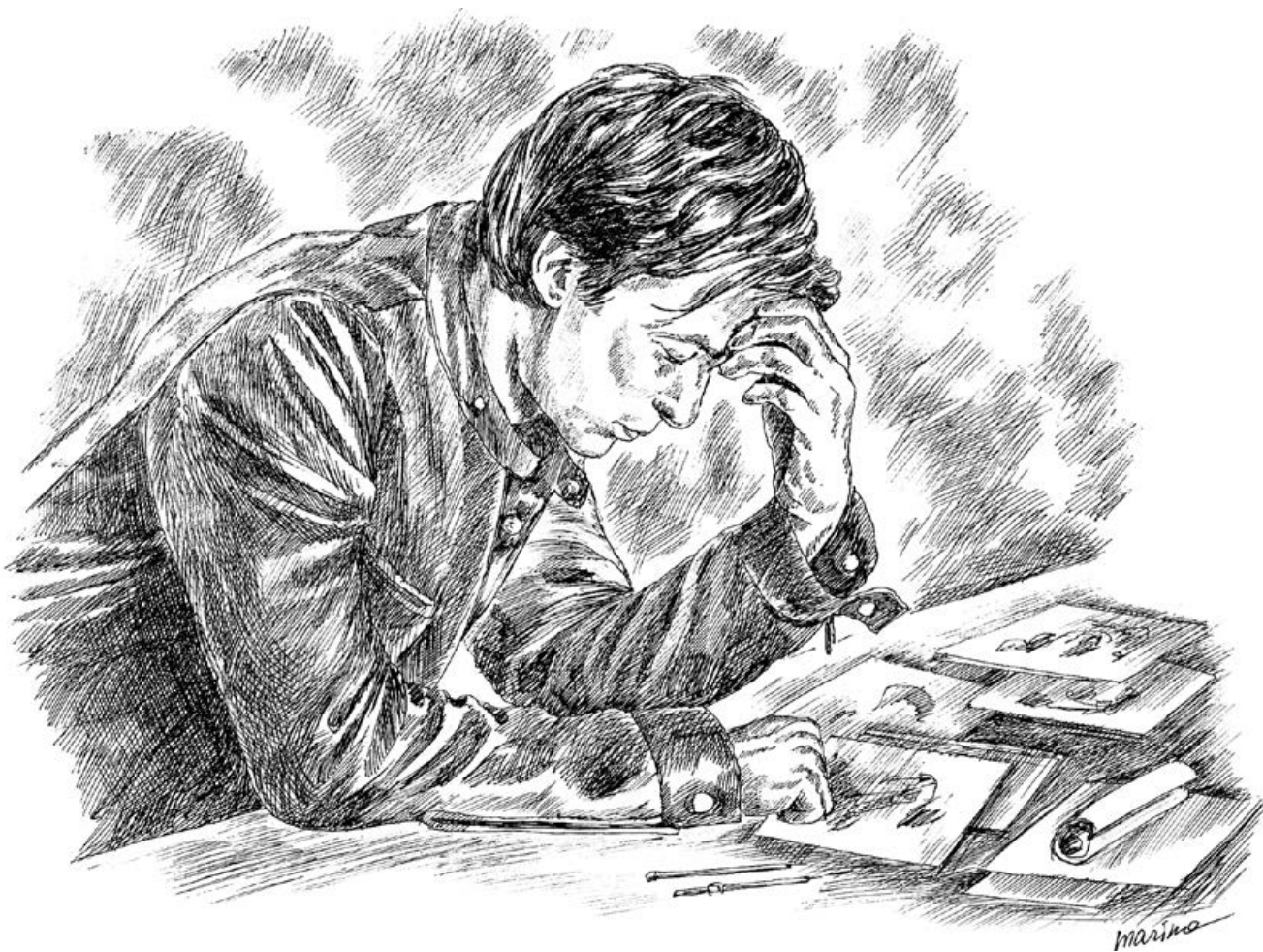
Я вообще много тогда плакал. В тот же день, когда Патрик передал мне папку с рисунками, я увидел у нашего порога туфельку. Пыльные, старые. Я взял одну из них и расплакался, понимая, что люблю ее, эту маленькую, вконец разбитую туфельку.

Почему же я не убрал рисунки, не закрыл входную дверь, так долго тянул с трудоустройством? Это все апостол Петр, страж заповедных куш. Ходил по пятам, путал карты и выгонял из рая.

* * *

В восемь утра за Патриком захлопнулась дверь. Что поделать? Его туфелька была бесконечно мне дорога, и я, облачившись в костюм неудачника, отправился по ее следам.

К тому времени я уволился из фотопечати, и чтобы как-то жить дальше, требовалось найти работу для Патрика. Я устроиться не мог: мать выкрала мой паспорт,

и было неизвестно, смогу ли я его вернуть в ближайшие дни. У меня оставалось несколько тысяч рублей, на которые можно было продержаться какой-то срок. Я знал, что эти деньги уйдут быстро, на жилье их не хватит, и не особенно рассчитывал на финансовые сбережения.

Мы отправились в «ресторан» «Макдоналдс», располагавшийся на другом конце района. По дороге мы хорошенько промерзли: несмотря на приближение мая, дни становились все холоднее. В «Макдоналдсе» поутру не давали вкусных гамбургеров — только омерзительные жирные лепешки под каким-то издевательским названием, вроде «Здоровые завтраки». Эти лепешки нам запомнились надолго, как и сам «Макдоналдс».

После двух часов изучения газеты с вакансиями и звонков по сотовому телефону, изрядно подточивших наш бюджет, мы остановились на работе продавца книг. Патрик уехал устраиваться, а я решил заняться жилищным вопросом.

Логично предположить, что в мире, где детей не находят в капусте, а воспроизводят при помощи сложного процесса обмена ДНК с последующим внутриутробным развитием эмбриона, у каждого человека существует как мать, так и отец. Был отец и у меня.

В те далекие времена отец жил со своей матерью (моей бабушкой) в отдельной квартире. Он страдал тяжелой формой алкоголизма и редко выходил из дому. Для него, казалось мне тогда, все было предreshено: чад пьянок, одиночество, физический и интеллектуальный упадок, смерть от цирроза или инфаркта. Отец, хочу заметить, был человеком порядочным и интересным собеседником (когда был трезв). Но трезвым я его видел редко и старался потому держать дистанцию.

В квартире отца я все застал без изменений: прокуренный коричневый потолок, кучи полуразобранных, заросших паутиной телевизоров, оставшихся со времен исторического материализма, когда отец работал инженером на заводе «Рубин», и много мешков с хламом. Квартира у отца была трехкомнатная, с гигантской прихожей. Дедушка, который умер еще до моего рождения, работал в ЦК КПСС и одно время жил на Кутузовском проспекте в одном доме с Брежневым, но потом съехал в менее престижный район. У деда было двое детей. Младший отслужил десантником и вскоре после демобилизации напился и десантировался с пятого этажа на тротуар. Сломал спину и двадцать лет лежал на кровати. А потом умер. Это был мой дядя. Его я помню. Когда я был маленький и приезжал к отцу, тот много играл со мной. У дяди были висячие усы, как у американского дальнобойщика. Добрейшей души человек, честное слово. Только я, конечно, не представляю, как бабушка пережила все его проделки, а заодно и проделки отца. В 2007 году ей было восемьдесят три

года. Она тоже была очень добрая и хорошо понимала, что если ее не станет, с отцом обязательно произойдет что-нибудь скверное. Заснет с сигаретой во рту, пустит в квартиру маньяков, выбросится из окна, как дядя... Да мало ли! Что же касается самого отца, то он всегда радовался, когда я к нему приезжал (а приезжал я к нему один-два раза в год), и постоянно, напившись портвейна, звонил мне, приглашал в гости. Я обычно кидал трубку. В 2007 году мне хотелось думать, что ему, по большому счету, наплевать на меня: что ему просто-напросто не с кем поболтать — вот он и пристает ко мне. Я тогда знал, что трехкомнатную квартиру он завещал своему старшему сыну, а мне — хрен. Да и без этих коварных интриг мне попросту становилось страшно от той атмосферы угасания, что царила вокруг отца и его матери и в третьей, пустой комнате, где двадцать лет лежал дядя, — среди пыли, пауков и пустых бутылок.

Отец обрадовался моему приезду. Он был навеселе и на мой вопрос, можем ли мы с подругой пожить в его квартире, пока не снимем собственное жилье, ответил, что, разумеется, можем, и его квартира — моя квартира. Выпив с ним пива, несколько раз услышав подтверждение договоренности и оставив в пустой комнате наши вещи, я отправился обратно в свой район, чтобы обсудить положение вещей с Ритой и Вадимом.

Я совсем не был уверен, что отец готов к набиравшим ход событиям и что он воспринял мои слова в верном ключе.

Вадим еще не вернулся с работы, а Рита приняла меня радушно, как и обычно. Я крайне осторожно рассказал ей про Патрика, про то, что мы бомжи, и про отношения ФСБ и матери. Рита ответила, что насчет ФСБ догадывалась, хотя и боялась спрашивать об этом раньше. Новость о Патрике она восприняла с крайней настороженностью. Вадим недолюбливал провинциалов, считал их людьми наглыми и подлыми, готовыми на все, чтобы пробиться в москвичи. Рита разделяла его точку зрения. Оба они вскоре стали считать меня за восторженного дурачка. У них были на то причины: они знали, каким остопом я становлюсь при появлении симпатичной барышни. Я ни на что не в обиде.

Впрочем, Рита предложила мне денег и продукты. Продукты я взял, а от денег отказался (в школе нас учили быть скромными).

Незаметно прошел день. Патрик отработал свое и попытался поехать домой, но сложная система движения московских автобусов привела его в замешательство; его путь «домой» сильно удлинился, вымотав дополнительные силы и изрядно подействовав на нервы. Мы встретились у дома Риты — и оттуда начался новый путь: к отцу. Пока то да се, совсем стемнело.

В подъезде отца сидела старушка-консьерж. Она долго не хотела пускать нас, мотивируя это тем, что-де в каждую квартиру проведены домофонные трубки, по которым можно связаться с хозяевами квартир. Она не могла не знать, что отец на такую трубку денег тратить не стал, — она просто решила над нами поглумиться.

Войдя, мы долго звонили в отцовскую дверь, и хотя через глазок виднелся свет в прихожей, нам никто не открывал. Я попытался позвонить ему на телефон со своего сотового, однако в подъезде сеть не ловилась. Чтобы совершить, наконец, звонок, пришлось выйти на улицу. В квартире отца к телефону никто не подходил. Я подозревал, что он напился и требуется хорошенько постучать в дверь, дабы тот проснулся. Намекаясь это сделать, я попытался снова войти в подъезд. Проклятая бабка выгнала меня обратно, пообещав вызвать милицию.

И мы остались одни, на улице.

* * *

Я тогда еще верил, будто бы, помимо Димы, у меня осталось много хороших друзей. Я стал им звонить, тратя драгоценные деньги, но никто не мог приютить нас на ночь. Не зря говорят, что мать самое ценное в жизни. Если она отказалась принять тебя, то и никто не примет.

В гаражах поблизости орала пьяная шпана. Бабка-консьержка следила за нами через окошко каморки. С презрением поглядывали на нас довольные граждане, выходившие после длительного рабочего дня из автомобилей. «Опять маргиналы к нам во двор приперлись», — думали они.

До этого я никогда не оставался ночью на улице. Мне стало страшно, но Патрик не должен был видеть моего страха. Я тогда рассуждал обывательскими формулами, а по ним мужчина в любой ситуации должен внушать женщине, что все «будет хорошо».

— Все будет хорошо, — сказал я таким тоном, что Патрик сразу понял: «Приехали».

В пригаражной забегаловке мы купили пива, крабовых палочек, сосисок и хлеба и на одном из последних автобусов поехали в мой район. Я решил переночевать там: все-таки места знакомые. Помню, мы ехали в автобусе, и Патрик говорил, как красив ночной город с его рекламными щитами, фонарями и горящими окнами, и мне становилось спокойнее. Это вам не нелепое «все будет хорошо». Это магия слова. Патрик отлично знал, что ночью город красив потому, что в темноте не видно говна, но раз говна не видно, то в него куда легче вляпаться. Патрик знал, что мы в любой момент можем влипнуть в говно, но говорил о красоте.

На одной остановке в автобус вошла моя бывшая одноклассница и спросила, как у меня дела. В школе она была некрасивой забитой девчонкой, а потом ее, видно, кто-то оприходовал, и она стала до тошноты самоуверенной и вульгарной девкой, хотя при ее внешности можно было бы вести себя поскромнее. «Боже мой! — подумал я. — Мир не узнать! Год назад все было совсем не так!» А год — он как мгновение.

На пустыре за железной дорогой разожгли костер и жарили на нем хлеб и сосиски, пили пиво, чтоб не бояться. Когда костер совсем было погас, я долго еще кидал в него маленькие веточки, щепки, окурки, продлевая жизнь маленького пламени. Мне это казалось увлекательным, и Патрику тоже. А потом мы, так и не наевшись, не напившись и не согревшись, набрали на помойке газет и картонок, залезли на пожарную лестницу подъезда моего дома и забомжевали. Было дьявольски холодно; наших газет-картонок не хватило даже на одного человека, так что пришлось потом наворовать половиков из-под дверей счастливых обитателей тепленьких квартирок. Наконец, с грехом пополам устроившись, мы попытались уснуть. Страх мешал нам сильнее, чем холод. Мы боялись, что кто-нибудь придет на пожарную лестницу и обидит нас, просто так, от нечего делать, и мы не знали, что ждет нас завтра.

— Положись на меня, — сказал я Патрику. — Пока я не сдох, ты не пропадешь.

И поклялся, что никогда не дам его в обиду.

* * *

То утро добрым не назовешь. В семь часов нас поднял холод. Я был зол. Я спустился к себе на этаж и стал долбить кулаком в дверь квартиры. Открыла мать. Было видно, что она всю ночь не спала. Я сказал ей, что она свинья, если заставляет ночевать в такую холодную на улице. Но, несмотря на пережитую внутреннюю борьбу, страх и ненависть к ФСБ и вера в мой идиотизм не отпустили ее.

«Ты можешь спать в квартире, — сказала мать. — А она — нет».

Мы опять позавтракали мерзкими лепешками из «Макдоналдса» и поехали к отцу. Собственно, за ночь я уже нашел выход из положения и знал, куда мы должны двинуться. Я бы к отцу и не заходил, но у него в квартире оставались завезенные вчера необходимые вещи.

Похмельный отец открыл дверь со словами: «Какое хрена надо?!» Узнав меня, он нахмурился и сказал: «А, это ты... Заходи...» Он думал, что это местные алкоголики пришли, чтоб денег просить. Как я и предполагал, вчера он напился до бесчувственности и не мог ходить, а у бабушки прихватило сердце, и она не под-

ходила к двери, хоть и слышала, как мы звонили. Отец пообещал, что такого больше не повторится, познакомился с Патриком и предложил нам чаю.

В школе нас приучали к гордости. Я был горд и дьявольски зол и, схватив рюкзак, покинул квартиру.

Это было ошибкой. Надо было остаться. И вчера надо было не спать на улице, а подождать чуть-чуть и снова позвонить по телефону — тогда бы бабушка открыла. Ночь на улице стала чудовищной ошибкой, не менее чем рисунки, оставленные на столе на виду у матери. Но тогда я об этом не знал. И я не видел никаких гарантий, что отец снова не напьется и не оставит нас на улице. Апостол Петр исправно выполнял свой долг.

* * *

Оставалось последнее убежище: дача. Патрик совсем измотался, думал я. Эти переезды, скандалы, поиски работы, снова скандалы, холод, голод — от этого и взрослый свихнуться может. Пусть поживет на даче, отдохнет, разберется в мыслях. А потом, с новыми силами, — покорять нашу гору.

Чудовищная ошибка. Три дня промедления — оставленные на столе рисунки — незакрытая дверь — неудавшаяся попытка дозвониться — ночь на улице — и теперь дача.

Можно подумать, я страдал. Нет. Я находился в раю. Эти несколько дней, начиная со смерти Ельцина, были самым лучшим отрезком моей жизни. И если и накатывала временами злость, то не потому, что было плохо, а потому лишь, что я чувствовал, как жизненные невзгоды причиняют боль Патрику, чью туфельку я любил.

«Такая жизнь, как твоя, — писал он в повести “9-й этажей”, — штука очень хрупкая, но и очень ценная. Такой человек — как сверхточный вычислительный механизм. Этот механизм может производить миллионы действий в секунду, но достаточно уронить его со стола — и он станет бесполезной горкой мусора. Ты должен понимать. Для лучшей сохранности вычислительные машины упаковывают в специальную защиту, а такие, как ты, содержатся в специальных учреждениях — университетах, частных заинтересованных конторах и, понятное дело, психушках». Это описание подходит к самому Патрику более чем к кому-либо другому.

Мы приехали на дачу, в огромный пустой дом. Убежали от проблем. Несколько дней жили там, проедали деньги, грелись у неправильно спроектированной печки (которая ни черта не грела), спали на разваленном диване под грудой тряпья, слушали рок на старинной ламповой радиоле и не знали, чем себя развлечь.

Два раза к нам приезжал мой товарищ Иван. Он, как и я, был крайне впечатлен творчеством Патрика и немало удивился, узнав, кто тот на самом деле. Мы гуляли втроем по пустым весною дачным окрестностям, ходили к озеру, только-только освободившемуся ото льда, пели песни «Сектора Газа». Мы с Патриком сфотографировались с серпом и молотом в руках, как рабочий и колхозница. Мы нашли в кладовке старинный чугунный уют и возносили ему молитвы, превратив его в алтарь великого бога Шизы. Наша новая религия должна была избавить человечество от страданий.

Но самое замечательное, чем мы занимались, — это сбор на железной дороге кусков каменного угля, выпавших из товарных поездов. В дачном доме стоял собачий холод, топить печь было нечем, и мы жили собирательством. С тех пор я всегда, когда вижу на железной дороге кусок каменного угля, подмигиваю ему и говорю что-нибудь вроде: «Ух ты, кто это у нас тут лежит? Такой большой и такой черный! Отстал от своих, да? Ну, не печалься, все не просто так». Очень я каменный уголь люблю.

Мать стала нас преследовать. Она приезжала два или три раза и скреблась под дверь. Я тогда совершил еще одну ошибку: впустил ее в дом. Меня еще не покинула надежда как-то помирить их с Патриком. Мать стала рассказывать, что меня используют, что Патрик — агент ФСБ, что на самом деле ему не семнадцать лет, а двадцать один. «Представь себе на секунду, что я права», — любила говорить она, объясняя методы работы ФСБ. Сказала она так и в тот раз. А я был очень внушаем (в школе учили прислушиваться к словам родителей). Да и не только в том была причина. Я ведь верил в мать. Она всегда мне помогала, насколько могла. Она была хорошим человеком. И Патрик был человеком хорошим. Оттого в голове не укладывалось, как это так: два хороших, умных человека не могут найти друг с другом общий язык. Мне казалось, что тут какое-то недоразумение, что стоит сделать шаг матери навстречу, и компромисс будет найден.

Мать попросила Патрика показать паспорт, дабы все убедились, что ему не двадцать один год. Я дал согласие, и Патрику пришлось предъявить свой документ. Понятное дело, лет ему было именно семнадцать, однако мать интересовало вовсе не это. Быстренько пролистав паспорт, она была такова.

Вообще же несколько дней на даче нас морально разложили. Ни Патрик, ни я ничуть не отдохнули — лишь терзались сомнениями. Мы, конечно, старались отдохнуть. Я, к примеру, даже купил в поселке пачку тетрадей и десяток ручек, чтобы мы могли заниматься писательством. Ну не дурак ли? Впрочем, Патрик и вправду писал какие-то заметки о Москве, о своем бег-

стве. Он не показывал уныния, хотя я и знал, как ему тяжело.

Долгими вечерами мы сидели в темноте перед горящей печкой, тщетно пытаясь согреть огромный пустой дом. Патрику это очень нравилось. А я мечтал о временах, когда и от дома, и от всего мира останутся одни развалины и мы разведем на этих развалинах костер. Пусть все рухнет — зато мы будем победителями, а не жалкими беглецами в четырех стенах.

Подобно многим в юном возрасте, я представлял неминуемый конец света как выход, освобождение людей из плена этого душного и пыльного мира, которым прелят грязные зеленые бумажки.

* * *

На даче мы совсем было утратили чувство времени. Но время напомнило о себе, пожрав наши грязные зеленые бумажки. Пора было браться за ум.

В Москву мы вернулись 1 мая. Предприняли еще одну попытку проникнуть на Красную площадь, но ОМОН отгородил ее от трудящихся с красными знаменами, а заодно и от нас. Зато мы снова встретились с Иваном и его другом Д., показали Патрику Арбат и совершили еще одну ошибку: из центра Москвы отправились пешком до нашего района. Этого ни в коем случае нельзя было делать. На даче мы с Патриком питались на редкость скверно, и он совсем ослаб, хоть и никак не показывал этого. Ей-богу, лучше б мы побеггли силы для новых испытаний, которые ждали нас уже вечером.

Нам негде было спать, вот в чем дело. К отцу ехать я категорически не желал, решив, что лучше переночевать в подъезде. С темнотой мы развели костер на том же месте, что и в нашу первую ночь на улице. Я положил в него огромный старый пень, и тот выгорел изнутри. Когда костер погас, внутри пня продолжали тлеть скопления искр, словно красные галактики в фантастически свернутом пространстве или как светящиеся улитки в туннеле метро после конца света. Патрику тоже нравилось. Он думал, что пень исполнит наши желания, подарит нам счастье.

Мы отправились в подъезд моего дома, на пожарную лестницу, и только приготовились устроиться среди наших половиков и картонок, как нагрянула мать. Нам-то было невдомек, что она стала каждую ночь обходить все этажи, выискивая новые послания ФСБ, зашифрованные в надписях на стенах и комбинациях мусора возле мусоропровода. Пришлось нам сбежать. Но куда идти? В другой подъезд? А вдруг мы нарвемся на мажорков, грабителей или бдительных граждан, любящих вызывать милицию? Мы очень, очень боялись людей и

ждали от них любой подлости. И я решил заночевать на пешеходном мосту через железную дорогу. По мосту проходили трубы теплотрассы, и в их опорах нашлось достаточно места, чтобы уместиться вдвоем.

Ночь выдалась адская. На майские праздники в нашей климатической зоне всегда приходится похолодание; 2007 год не стал исключением. Отопление в домах к маю уже отключают, так что и трубы, под которые мы забились, были совсем холодные. Но самым холодным предметом были поезда, с ревом проносившиеся прямо под нами. Казалось, в вагонах уезжает на Северный полюс сама Зима. Ветер, поднимаемый поездами, продувал меня до последней косточки, и никакие картонки не спасали. Плохо быть бездомным, очень плохо. Уж лучше с собой покончить, чем до конца жизни так вот мотаться.

Ночь сломала Патрика. Он начал кашлять и весь дрожал. Дух борьбы покинул его окончательно. А вот я был здоров и полон сил. Удивительно: я кашлял до приезда Патрика, но после первой ночи в подъезде организм понял, что к капризам его никто прислушиваться не намерен, и стал работать как часы.

* * *

Я еще не знал, что такое бездна. Тем не менее я чувствовал, как сильно мы к ее краю приблизились. Инстинкт самосохранения взял верх над привитыми в школе «истинами». Я наступил на горло собственной гордости и здравомыслию и повез Патрика к отцу. Я понял, что на улице мы точно погибнем, а у него дома, возможно, удастся уцелеть.

Приехав к отцу, мы получили в распоряжение пустующую комнату и стали готовиться к добыванию денег.

В нашей, да и в других «цивилизованных» странах очень пекутся о правах несовершеннолетних. Однако везде, куда ни плюнь, несовершеннолетние работают на самых трудных, неблагодарных и унижительных работах, причем за жалкие гроши. Мойщик автомобилей, посуды, промоутер, курьер — все это должности, на которые в здравом уме устроится лишь тот, кто ничто лишен чувства собственного достоинства, и прежде всего дети. А ведь дети испытывают желание отомстить. Их унижали, а они, когда вырастают и становятся начальниками (или не становятся — не знаю, что хуже), принимают смешивать с дерьмом следующее поколение мальчиков на побегушках. Страшно подумать, сколько мы делаем привычных вещей, которые являются по сути своей варварством, заставляющим историю идти по кругу или, скорее, по эллиптической орбите, то опасно приближаясь к каменному веку, то немного отдаляясь.

О потере предыдущей работы Патрик не жалел. Много лет спустя я узнал, что, таская по подземным переходам огромную сумку с книгами, он надорвался, повредил внутренние органы и долго потом лечился. Тогда он мне об этом не сказал, но я видел, что лучше подыскать что-то другое.

Мы остановились на вакансии промоутера, обязанности которого заключались в раздаче рекламных листовок прохожим. После ночи на мосту у Патрика начался жар, но делать было нечего, и он выпил какую-то разрекламированную химическую дрянь, которая не лечит, а только снимает симптомы болезни: боль, слабость и температуру — и позволяет болезни бесчинствовать в организме сколько душе угодно. Он выпил с удовольствием, чувствуя, что разрушает себя. И, довольный, уехал. Не остался сидеть дома и я.

В квартире, из которой нас выгнали, оставалась моя коллекция старой радиоэлектроники. Подавляющая часть экспонатов была найдена на помойке и не стоила вообще ничего. Но были и ценные экземпляры: к примеру, немецкие радиолампы времен Второй мировой войны. На них стоял штамп «Wehrmacht». Кроме того, я коллекционировал монеты: у меня имелось несколько десятков различных юбилейных экземпляров. Их можно было использовать при разменных операциях.

Дома сидела мать. Пока я вытаскивал из ящиков и шкафов годный к продаже антиквариат и потрошил коллекцию, она пыталась вправить мне мозги, рассказывая о новых расшифрованных ею угрозах ФСБ.

— Вот это кто написал? — спросила она, указав на мой принтер.

В первый день я попросил Патрика оставить автограф, и тот написал на недавно купленном мною принтере свой девиз: *Illud utinam ne vere scriberem*, что переводилось с латыни примерно как: «Хотелось бы мне, чтобы все, что я пишу, было неправдой». Цицерон сказал.

— И что это значит? — спросила мать.

Я объяснил.

— Здесь написано «И ты нам не веришь — убедем», — убежденно сказала мать. — Сам посмотри.

U ti nam ne verescr iberem.

* * *

Холод на улице не унимался. С неба сыпала снежная крупа. Я бродил по продуваемому всеми ветрами Митинскому радиорынку и выискивал покупателей радиобарахла. Противный район это Митино, не зря он находится на севере Москвы. Аванпост столицы, на который приходятся первые удары стужи. Не удивлюсь, если там бывает полярное сияние.

Мне везло — в кои-то веки! Три тысячи с лишним я в тот день выручил. Патрик тоже удачно устроился и честно раздал всю вверенную ему пачку рекламы. Потрудились мы на славу, но отдых нас ждал весьма сомнительный.

Отец получил пенсию (он был инвалидом) и тотчас принялся ее пропивать. Я знал, что пока он не пропьет все свои, а заодно и бабушкины деньги, то не успокоится. Когда мы с Патриком вернулись в квартиру, отец был уже серьезно под мухой. Он требовал, чтобы мы пили с ним гнусный портвейн «777», именуемый в народе «Три топора», и ругался, что я редко у него бываю. Я не очень его боялся: на одной из пьянок отцу сильно повредили ножом ногу; с тех пор он еле ходил.

Бабушка вела себя не лучше падре. Она охала, бегала вокруг нас, страшно суетясь. Пыталась как могла помочь нам, не понимая, что мы нуждаемся лишь в одном: чтобы от нас *все отстали*. Когда это наконец произошло и мы расстелили матрас на полу пустующей комнаты, настало безграничное счастье. Мало кто знает, что это такое: лечь на мягкий матрас в теплой квартире после ночей в подъезде, в ледяном дачном доме и на чертовом мосту. Это блаженство.

Так и зажили. Днем вкалывали, ночью прятались в захлапленной комнате. Отец каждый раз напивался так, что не мог ходить, а только ползал на четвереньках и орал с надрывом: «Я вас всех ненавижу!» Бабушка говорила ему: «Вставай, вставай, пойдем на диван», — а тот ей отвечал: «А я не могу». Он так говорил это «а я не могу», что я на своем матрасе корчился от хохота. Невозможно повторить интонацию падре. Он заявлял это со всей ответственностью и с ледяным спокойствием. Он констатировал факт, как если б говорил «угол падения равен углу отражения».

Иногда отец ломился в нашу комнату, но я забарикадировал дверь огромным и тяжелым советским телевизором «Радуга-703Д», и он так и бился в судорогах безграничной ненависти в темном коридоре. Бабушка очень переживала из-за него. Она рассказывала нам свои безысходные истории: как двадцать лет лежал на кровати дядя и как страшно и тяжело отошел он однажды ночью в мир иной; как отец, живя в квартире от ЦК КПСС на Кутузовском проспекте, в одном доме с Брежневым, стрелял из окна из винтовки, и какие потом неприятности были у дедушки; как в 80-е годы он познакомился с какой-то подлой девицей, подставившей его и подведшей под суд, как ему чуть не ампутировали ногу после ранения ножом в пьяной драке...

Бабушка переживала не только из-за отца, но и из-за нас с Патриком. Я уже говорил, что отец завещал квартиру моему старшему брату — его сыну от первой жены, который встречался со мной только один раз в

жизни и безумно с тех пор презирал. На всякий случай уточню. Квартира была не просто завещана, *а подарена*. По договору отец со своей матерью могли в ней прожить остаток жизни, а брат обязался вносить за них квартплату и оплачивать коммунальные услуги.

Свинство, сплошь свинство. Все за меня решили. Советский Союз развалили, не спросив, хочу я в нем жить или нет. Планету засрали. Медицину уничтожили. Образование испоганили. Квартиру отдали. А меня обвиняли в ничтожности, когда я не мог все это расхлебать.

Так или иначе, но квартира, сказала бабушка, не их, и не у нее с отцом нужно спрашивать, можно ли мне здесь жить. Спрашивать надо у брата (который такой перспективе едва бы обрадовался).

Подозреваю, бабушка тоже хитрила. Брат навещался к отцу раз в год. Он работал в какой-то солидной фирме, занимающейся сотовыми сетями, и вечно пребывал в заграникомандировках, так что узнать он обо мне не мог, если б только ему никто не доложил.

Бабушка хитрила не со зла. О нет. Она *желала мне добра*. Патрику она не доверяла, считая, что тот меня использует. И все, кто хоть как-то был знаком со мной, думали аналогичным образом. Да и знать меня было не обязательно. Мать постаралась донести известия о моем знакомстве с Патриком до наиболее широких кругов общественности. Например, до моих школьных учителей. Или до своих приятельниц, дрессированных зюгановских старушек. Про ФСБ она им до поры до времени не рассказывала, а именвала Патрика просто «проститутка». И эти старухи, равно как и вышедшие на пенсию учительницы, названивали мне на сотовый телефон и долго внушали, что «общаться с проститутками плохо». Я молчал в ответ. Как объяснить им, что это мой звездный час, единственный правильный поступок в моей жизни, что *именно я* — прав, а *они все* — нет. И послать их я не мог: в школе нас учили вежливости.

Продолжение следует.

Георгий КУЛИШКИН

Георгий Кулишкин родился в Харькове в 1950 году. Школу окончил в трудовой колонии для несовершеннолетних. Работал сапожником, служил в армии. С отличием окончил ХГУ (филфак). С выходом Закона «О кооперации» стал одним из первых в стране предпринимателей, основавших дело с опорой на ремесло. По его первой книге «Ближе к рублю» (М., Молодая гвардия, 1989) был поставлен художественный телефильм. Сейчас один из учредителей и главный редактор альманаха «РХ» («Родина — Харьков», «Русский Харьков», «Рождество Христово» — как кому более по сердцу).

РАССКАЗЫ

Рисунок Марины Медведевой

СОН

Что-то настойчиво снилось, оставляя по себе тревогу и — ничего в памяти.

Это мама никак не могла пробиться.

— Какая ты светленькая! — изумился, когда она пришла, одолев завесу.

— Я потом потемнела, уже в Харькове... — сказала она, но не та, которую видел, а взрослым голосом последних ее лет и откуда-то сбоку — словно бы мы вместе глядели на нее, почти еще девочку, по-бабьи накушканную, в сером толстом шерстяном платке, старом, в катышках по ворсу, в теплых «лыжных» штанах и резиновых чунях поверх какой-то обуви, похожих на глубокие калоши, и в ватнике, большом, с мужского плеча, изрядно послужившем спецовкой кому-то, кто работал с железом и смазками.

Платформа вся в буграх и колчах от стоптанного в лед снега подрагивала, как земля под бомбами, и казалось, раскачивает толпу, приступом берущую вагоны.

Мама, сгибаясь под ношею на спине, знала, что ей не сесть, и ничего уже не делала для того, а только держалась за вагон, как за остаток надежды, и чувствовала,

ла, что ее мутит, вот-вот вырвет, и что ей не устоять, не оперевшись.

Паровоз, будто приведенный в ярость кишащей человеческой гущей, рывкнул гудком и, отбиваясь паром, дернул состав.

Борт, которого она держалась, стронулся, и от движения перед глазами приблизил рвоту. Все вокруг в последнем рывке кинулось садиться, потеснило. Чуни, будто шая, скользнули с ледяной кочки, и маму, схваченную лямками вещевого мешка, пошитого бабуней по образцу воинского, однако много вместительней, — маму бросило под поезд, проворачивая, будто разминая боковыми частями платформы и замысловатым поддоном вагона.

Ноги, ища опоры, в панике распахивали пустоту, руки искали, ударяясь локтями и сбив обо что-то костяшки пальцев, а она видела колесо и как ее поворачивает, укладывая под него, словно ломоть под винт мясорубки.

Все, что она думала и что творилось у нее внутри, повторялось и во мне, и от этого виденное было жизнью, проживаемой нами вместе. Ее мысль еще без

испуга, отставшего где-то, всего только удивлялась происходящему и словно доказывала кому-то, что это никак невозможно, чтобы ее сейчас ни с того ни с сего взяло и переехало надвое: ее ждут дома!

Тут мешок, подхватывая ее шлеями, дернулся вверх, но застрял, обдираясь, надрывая ткань, рывками полез в гору и высвободился, подкинул и бросил ее на платформу.

Худая, высокая, как жердь, женщина с глазами, пугающими чернотой, с носом, подбородком и ртом недоброй колдуньи, обессилена припала рядом на корточки, все еще держа намертво вцепившейся рукой, как шиворот пойманного воришки, узел мешка, а другой — поворачивая к себе мамино лицо.

— Як ты? Га?

Мама, только теперь поняв, что с ней было, и испугавшись запоздалым, но жестоким, без скидок, что все уж позади, страхом, вздрогнула побелевшим лицом и, пожалев себя, так близко побывавшую у почти неотвратимой смерти, заплакала.

К угольным глазам спасительницы, глядевшим в мины глаза, поднялась рука с крестьянской чернотой у ногтей и по оврагам разветвленных морщин, чтобы отдалить, прогнав по коже к виску, каплю.

— Беремкувата?

— Не знаю, наверное...

— Беремкувата, бачу. А шо взэзэш?

— Чуни, — шевельнула мама не совсем еще своей после пережитого ногой, показывая на себе. — Менять...

— Гарни. То шо трэба! Якбы ище и на потяг... Додому пиду. А гарни. У нас, у Рожнах, воны... Я б и сама усз взяла. Пидэзэш?

— А что дадите?

— А ты дийдэш? Це до Дэсны!

— Я знаю, нас школой на катере... А что дадите?

— На катере!.. Картопли дам, цыбули. А як допоможэш Паце капут зробить — сальця дам, м'ясушка... На катере!..

— Это — зарезать? — спросила мама, робея.

Та глянула испытующе, прибавила, словно на чашу весов:

— А сало? А м'ясо?.. — И махнула рукой: — Та ты не дийдэш!

— Дойду, я сильная!

— Та вжэ бачу...

— А сколько дадите?

— Скильки утягнешь! — И глянула насмешливо на прозрачные пальцы, которыми мама трогала сбитые косточки на руке.

— Я много унесу, я сильная!

— Бачу, бачу!..

Остро наискось они шли бескрайней заснеженной грядью великой реки по одиноким следам, оставленным накануне той же путницей. Длинная, цыганской расцветки и кроя юбка волочилась по рыхлому снегу подолом, мокрым, как хлющ. В следах не глубоко, но пугающе стояла вода.

Словно коротая дорогу, не та мама, что ступала по вот-вот готовой вскрыться реке, а другая, тридцатью годами старше, присутствуя только голосом, который рядом, говорила:

— Помнишь окно у бабуни? Стены старинные, в сажень толщиной, и подоконник, как стол. Мы с Маней играли на нем, как и вы маленькие. А за окном крыша пристройки. Летом мы прыгивали на крышу, а дядя Лошадь выскакивал нас гонять. И перед самой войной — здравствуйте, пожалуйста! — дядя Лошадь, наш дядя Володя, сватается к Мане! На фронте он скоренько поякшался с доктором, сознательным, как и он. И отстрелил себе палец. Решали, самострел или ранение, врачи. Со свидетельством, что ранен, попал в госпиталь, в Киев, а под немцами пристроился на мельнице носить мешки. А папа, прикрываясь больными легкими, не пошел к немцам кондитером. Он добыл колодки, выкройки, покупал сношенные камеры, бензин, каучук, и мы всем семейством клеили чуни.

— Так я, выходит, потомственный?

— Выходит. А люди, первые — своей волей, поехали в Германию. А после немцы стали гнать силой. И приносят Володя от сознательных, которые в полициях, что не возьмут только больных и беременных. И мы втроем — Маня, мама и я... Я от мальчика, с которым дружила в десятом... Когда подходили наши, немцы погнали всех из Киева, из фронтовой полосы. Твоему двоюродному Юрке был месяц, дяде твоему Валере — вторая неделя. А я десятого октября родила Талочку у дороги. Осенью под открытым небом трое маленьких на нас с папой четверых. Пеленки стирали в лужах, сушили на себе. И всех сберегли.

Села не было. Село угадывалось по дымкам, струящимся из земли. Раскисшим, чавкающим окопом, сдвинув обломок авиафанеры, проникли в темное после дневного света подобие норы, где было очень тепло и душно, как в бане. Из бочонка-печки, прогревшего сбоку насквозь, и из щели над фанерой пробивался свет. Обвыкшись, глаза различили бревна наката над головой, оплетенные тыном стены и полати плетнем, с которых из вороха соломы глядели четыре пары детских глаз.

Хозяйка с глубоким выдохом опустилась на полати, усадив маму, помогла снять мешок. Потом с простотой лошади, осматривающего копыто, приподняла ей

ногу, чтобы разглядеть, как предлагаемая обувка сдюжила путь-дорогу.

— Хоть бы тоби хны! Гарни!

Словно уже за своим, она, послабив удавку и отворив мешок, сунулась к товару, распространившему по жилью острый запах резины и клея. Любопытную детвору строгим взглядом вернула на место и, помедлив в раздумье, подала пару старшему.

Мальчишка лет двенадцати, как капля на каплю похожий на мать, волшебным образом ее черты недоброй колдуньи сменил в себе на неотразимую, царственную красоту. Чернобровый, с агатовыми глазищами, с высокой, по-мальчишески гордой шеей, — он проворно сел рядом, вынул откуда-то рогожные портянки и, ловко запеленав ступни, сунул их в обнову.

С улыбкой конфузливое счастье он прошелся, показывая себя. Мать глянула на остальных, тоже счастливых и за брата, и за себя, и, протянув куда-то в темноту длинную руку, поставила между собою и мамой чугунок с картофелинами, отваренными в мундире.

Скромно касаясь поверхности пахучего постного масла в глиняном черепке, они и детвора уплетали до невозможного вкусную картошку, а хозяйка силилась уговорить старшенького помочь с поросенком.

— Пацю?.. — отозвался он одним словом, но так, будто его подговаривали убить друга. И хозяйка махнула рукой.

Прихватив для крови и внутренностей долбленое корыто и ведра, смастеренные из больших консервных банок, в которых немцы снабжались сгущенным молоком, а также спрятав под борт ватника австрийский, с той еще войны, штык, хозяйка повела по крытому переходу в соседний, более просторный и почти пустой блиндаж с загородью в углу, в которой ожилился, встречая кормилицу, мохнатый и серенький,

словно замаскированный в угоду времени под нечто шинельное, не очень большой и обезоруживающе миловидный свинтус с умнящими, почти говорящими чайными глазками.

Он догадался и так посмотрел на хозяйку, что та, погладив, закрыла ему глаза и, сделав жестокое лицо, с силой саданула штыком под переднюю левую ногу.

Свин вскрикнул на вдохе и, закричав душу раздирающим криком, ринулся между ее ног, напялив себе на голову ее размашистый подол и усадив ее задом наперед на себя верхом. Он кричал и носился, намаывая круги, к которым привык, гуляя отпущенным из загороди в блиндаж. А она, нелепо и смешно, как не вышло бы и у самого лучшего клоуна, перепуганная, беспомощная скакала на нем спиной вперед, отчаянно ухватившись за штопор хвоста и, словно джигит, размахивая штыком.

Наконец он остановился и, будто запыхавшись, устав бегать, припал на колени.

Ранним-ранним утром она, гримируя под старушку, испачкала маму сажей и проводила ее до тропки, протоптанной ими по Днепру. Там перевесила на маму доугою и тяжкую, как жизнь, запечную кладь. Мама в полусне покорствовала ее рукам, гадая, откуда в ней такая сонливость — от раннего ли часа или от подзабытой сытости, навеянной шкварками.

Когда она уходила по равнине реки, хозяйка в спину перекрестила ее.

Я проснулся, помня сон лучше, чем если бы увиденное пережил сам. Никогда и ничто не снилось мне так прежде, и, чувствуя утешительную влагу в дыхании, какая бывает после слез, я подумал, что это, как хозяйка маму, — мама меня благословляет на что-то этим сном.

ШАРИК

Кто-то принес, или он сам приبلудился, но у нас на площадке Шарик возник, когда ему было месяца полтора от роду. Пушистая трехцветная шубка, делавшая из него округлый комочек, предопределила имя. Не пятнами, а вперемежку кремовыми, бежевыми и каштановыми кудельками, его шерстка была необычайно мягкой и выглядела такой чистенькой, что его, выхватывая друг у друга, мы таскали на руках и без усталости чмокали в кожаный, как у игрушки, нос и выпуклый шелковистый лобик... Кто-то из старших помог соорудить для него конурку на нашей лестничной площадке, которая служила

местом сбора для десяти детей, обитавших в трех квартирах.

Двери не запирались — мы вольно мигрировали из жилья в жилье и в большой, загадочный, обживаемый нами как нечто географическое двор. Он отграничивался пятью похожими двенадцатиквартирными домами, которые составляли квартал, обнесенный высоким зеленым забором — прозрачным благодаря широко, штакетником, отстоящим одна от одной планок, с просветами вместо ворот в местах проезда и проходами вместо калиток на пути тротуарных дорожек.

Дома строили пленные немцы. Они разрушили наши города — они же в искупление пять лет с арийской обстоятельностью помогали их отстроить.

Полтора десятилетия отделяло нас от войны, а главной детской игрой по-прежнему оставалась она. Да, пожалуй, нынче никто бы и не назвал это игрой. Мы стреляли из рогаток и арбалетов. Атакуя соседние ба-раки, везли за собой тачку с боевым припасом — камнями. Залпом палили из самопалов с серой со спичек вместо пороха и шариками из подшипников в качестве пуль. И не помню, чтобы кто-то из взрослых пытался нам это запретить. Они сами еще не отболели войной, еще не откашливали ее и принимали наши опасные забавы за своего рода учения, где можно притерпеться к страхам и отпробовать отваги.

Нет, нет, она еще сидела в людях, переживших ее, она хозяйничала в душах детей, родившихся после нее. И наши дома, построенные пленными. И бомбоубежища под домами — просторные, прочные, с электричеством, с удобствами, с таинственными ходами сообщения и общим аварийным лазом в центре двора. Никто не посчитался, что убежища отнимут труда и материалов больше, чем само жилье, — такая война была за плечами. И то, как теплым вечером все выходили во двор, как заполнялись беседки и лавочки... Еще оставалось чувство родства, внушенное войной.

Чтобы не выпадать из игры, ребята хватала дома куски и жуя бежала во двор, где первым делом каждый звал: «Шарик, Шарик, на, на, на!» И лоснящийся от сытости Шарка чертушкой прилетал на голос, чтобы одним глотком прикончить угощение.

Вскоре этот зов сменился свистом, повторявшим мотив той же фразы: «Фифу, фифу, фью, фью, фью!» Чуть позже этим же свистом стали вызывать на улицу друзей. Шарика давным-давно не было на свете, а меня, отслужившего армию, запросто могли кликнуть так из дому те, кого и я, не задумываясь, вызывал точно так же.

Смекалистый и с хитринкой, как и положено дворнягам, Шарка сам собою выучился ползать с нами в разведку и помалкивать, когда нужно молчать. В атаку он бежал последним, зато первым, поджав хвост, драпал, когда мы отступали. За это его поднимали на смех, а он влюбленно улыбался, дразня языком, и иногда казалось, что он нарочно ломает из себя шута и труса, чтобы за трусость не доставалось никому другому.

Общий всему двору, хозяевами Шарка считал Кесого, его старшего брата Куню и меня. А любил больше всех детдомовца Стаську, навещавшего на каникулах тетю Мотю и носившего прозвище Стася-Мотя.

И вот в присутствии Шарки, который со Стаськиных колен очарованно заглядывал нам в лица, пере-

росток Харя принялся однажды обучать Кесого, меня и Стаську игре в преф. Харя был старше года на четыре, если не на все пять. Плоским, необычайно широким лицом он походил на ноздреватый блин. Помните, тетя Мотя, торговавшая, сидя у подъезда на низенькой табуретке, семечками, которые для вкуса опрыскивала при жарке изо рта подслащенной водой, проворчала:

— Смáлился! У самого морда — за три дня не объе-
дешь, а туда же!..

Вызывая в нас зависть и восхищение, Харя сыпал игроцкими присловьями. «Под игрока — с семака!» — заходил он. «Под вистующего — с тузующего». «Валет для дамы!» — прибирал к рукам взятку. «Пас денег не даст!» — высмеивал осторожных.

Когда под первое понимание игры в нас, словно апетит, проснулся интерес к ней, Харя собрал колоду и, струйкой пустив слюну между зубами, со скучливым видом поднялся.

— Уходишь? — скис Стаська.

— Задарма играть — только время терять.

— А на деньги? — деловито прищурился Кесый.

— Копейка вист — поехали.

Свою мощну с медным содержимым Кесый таскал с собой, мой капитал хранился за надломленной половинкой кирпича, которая вынималась из стены в подвале. А Стаська припрятывал скопленное под съемной декоративной шишкой в спинке тетушкиной кровати. Мы знали, сколько у кого собрано, и, свято веря, что уж по копейке-то на вист у нас найдется, легко отважились на игру.

Расчертив на новом листке «пулю», Харя перевернул его и, проговаривая вслух, стал писать: «Слово — закон. Карте — место. За неверный снос — два в гору...»

Правилами, условленными «на берегу», заполнилась почти вся страница. Последним его каракулями было накорябано: «Все, что останусь должен, — сдохну, а отдам».

Закончив, Харя расписался и повернул листок для подписи Кесому, потом Стаське и мне.

С первого же кона мы полетели в проигрыш, как в пропасть. Остановиться, пока не закрыта пуля, было нельзя, и каждый только и думал с тоской, хватит ли у него для расчета. Шарка, понимая по нашим лицам, что надвигается какая-то небывалая, еще не изведенная нами беда, беспокоило ерзал и глядел без слез плачущими глазами.

Мы отдали Харю все, что имели, и остались должны: Кесый — семьдесят две копейки, я — рубль двадцать четыре, а Стаська — без шести копеек два рубля.

Это были совершенно немыслимые, неподъемные долги. Никакое, даже самое фантастическое везение не могло выручить нас.

Харя картинно и многозначительно прибрал листок с нашими подписями и сказал, показав на Шарика:

— Не отдадите — он за вас ответит!

Не оставалось ничего другого, как прятаться. Мы стали отсиживаться у себя на площадке или в подвале под домом. Простак Дыня, навеваясь, то и дело повторял, разводя у щек руки:

— Харя с мордой приходил, вас спрашивал...

Дни вынужденного затворничества тянулись мучительно долго, и нам хотелось только одного — чтобы как-то это наконец разрешилось. И это разрешилось.

Поздно вечером Харя поднялся к нам на площадку, доверчивого Шарку, погладив, крепко прихватил за ухо и с оглядкой, чтобы не попало на руки, облил его бензином. Потом чиркнул зажигалкой и, когда вспыхнуло, прыгая через четыре ступени, сбежал.

Крик, потрясший гулкий подъезд, выгнал всех из квартир. Не Шарик — шар пламени, кричащий человеческим голосом, скатился вниз, пронесся ко второму подъезду и там через распахнутую дверь влетел к Стаске на кухню. Тетя Мотя как раз открыла, чтобы выгнать чад от подгоревших семечек. Перепуганная, сама не понимая, что делает, таз с замоченными к стирке вещичками она выплеснула на Шарика, сбив пламя.

На вате, покрытой марлей, он лежал у себя в углу на площадке. Не обгорела только голова, а все остальное... Вместо пушистой шерстки была сплошная смоленая рана.

Наученные тетей Мотей, мы без конца смачивали обожженное Шаркино тельце тампоном, напитанным постным маслом.

Шарик жил. Не жалуясь, не плача, он благодарно принимал процедуры и пил молоко, боком опуская в миску рот и неловко лакая словно бы заплетающимся языком.

Подсохшее трескалось на нем от движений и оттого, что дышал. И все сильнее пахло гнилым, мертвым мясом.

Его глаза любили нас все преданней, а ушел он тихо, словно уснул.

Не помню, встречался ли нам Харя — не помню, он нас больше не искал. И только освободившись по малолетке, когда вдруг сказочно много стал зарабатывать в сапожниках и когда те из приятелей по двору, что сделались выпивохами, начали караулить у рундука мое возвращение с работы, чтобы разжиться на пиво, я встретил в их кругу и Харю. С искательством попрошайки он тоже лыбился мне — старому знакомцу.

— Так мы же тебе должны! — злобно порадовавшись, воскликнул я. — Там около четырех было с нас, с троих. Держи вот пятерку — с процентами!

Не веря в удачу, Харя принял мятую синенькую.

— А Шарика помнишь?

Улыбочка присохла к круглой, блином, его личине. От плюхи он шмякнулся под дощатую стенку рундука, прикинувшись, что в отключке. Я только-только освободился, за мной висели два условных года, но как же, господа, как хотелось добавить с носка!..

Прошло столько лет... Пожалуй, это единственный человек, которого я не могу простить.

НАГРАДНОЕ ОРУЖИЕ

Мама с папой и дядя Володя с тетей Маней ушли в кино, оставив Аню и меня на старших — на нашу сестричку Талочку и привезенных тетей Маней двоюродного Юрика и дядю Валеру. Дядей Валера приходится нам по родственной принадлежности, а так они с Талой и Юркой — ровесники из ровесников. Они родились осенью сорок третьего с разлетом в датах всего на несколько дней. Еще очень нескоро мы узнаем, что ими наша мама, бабушка и тетя Маня спаслись от угона в Германию, проведая в занятом немцами Киеве, что не тронут больных и беременных.

С первой минуты их встречи мы, и я, и Анечка, чувствуем, что они — не разлей вода. Причиной тому обстоятельства их появления на свет или равенство прожитых годков и дней — не нашего ума дело. Однако столь

очевидное их единение заставляет нас, маленьких, и липнуть к ним и их расталкивать.

Валерик привез бабушкину фотографию, которая расчерчена поверх снимка на одинаковые прямоугольники. (Для него-то, конечно, фотография мамина, но для нас — бабушкина.) И большой картонный лист с гладкой белой поверхностью, на котором ровно столько же прямоугольников, увеличенных, однако, раз в пять. Карандашом с мягким грифелем он переносит контуры лица с прямоугольника на фотографии в соответствующий прямоугольник большого листа, и мало-помалу на картоне начинает возникать бабуня.

Что-то таинственное, что-то волшебное чудится мне в этом. Я ближе всех к его руке, я мешаю, но он не отталкивает, он обнимает меня и прорисовывает бабушкин портрет уже будто бы вместе со мной. Однако

теперь моя голова заслоняет перемены, происходящие на картоне, от Юрика, который остался в стороне и которому обидно, что внимание всех захвачено Валеркой. Он чувствует настоятельную необходимость немедленно что-то предпринять. И вот, ради пущей болезненности ущевив ногтями самую малую чуточку кожи, он щиплет за руку кудрявую, как кукла, пятилетнюю Анечку. Она вскрикивает от неожиданности и жгучей боли, а он, изобразив на лице безобидное заигрывание, проговаривает, сюсюкая:

— Сцип!

Талочка втискивается между ним и Аней. Он глядит с чистейшим простодушием и, незаметно протянув руку, так же въедливо прихватывает и ее.

— Сцип!

Талочка отвечает атакующим яростным щипанием.

— Ты что, фашистка?! — изнеженно и возмущенно кричит он. — Из человека мясо рвать!

— А ты?

— Я по чуть-чуть!

— Ага, «по чуть-чуть»! Потому и по чуть-чуть, что так больней всего!

На этом перепалка исчерпывается, все снова наблюдают за превращениями, которые производит Валерин карандаш.

— Жорка, не сопи! — находит новую зацепку Юрок, которого по-прежнему берут завидки, что всем интересен не он, а Валера.

— У него носик сломан! — вступает за меня Тала, а Юрка тут же подхватывает, с удовольствием пользуясь тем, что не им затронута запрещаемая взрослыми тема.

— А что с тобой случилось, когда ты упал? — коварно спрашивает у меня.

— Я потелял соснение, — произношу я с подменной еще не освоенных звуков и чувствую кружение в голове, которое возникает всякий раз, если вспомнить, как я упал и зашибся, и что-то похожее на подступающую тошноту.

— Ой, посмотри, как у бабуни глазик начал светиться! — преувеличенно громко восклицает Тала, стремясь поскорее меня отвлечь.

Валера, заштриховывая темным, оставил белое пятнышко, и глаз бабуни словно бы ожил. Это так

удивительно, почти невероятно, но все же я чувствую затылком Юркину ухмылку. Мне представляется его лицо с раздвоенным сверху вниз кончиком носа, с этой его бубкой, вдавленной посредине и разделяемой тем заметнее, чем ехиднее он улыбается. И я начинаю думать, что «двуличный», как сказала ему нынче Тала, означает именно эту раздвоенность его носа.

— Валерка, ля, какая муха жирная на окне! — находчиво объявляет донимаемый ревностью Юрок. — Спорим, что не поймаешь!

Круглый, как у совы в книжках, глаз Валеры смыкается в щелку. Он горделиво фыркает:

— На стекле? Да легче легкого поймать!

— Только живьем! Мы ее — в упряжку!

Муха, зудя и ударяя, тычется в прозрачную преграду и скользит по ней вправо и влево, но не дальше брусков рамы, ограничивающих стекло. Валера загоняет ее в угол, прижимает ладонью, которую просвечивает солнце. Несколько настороженных пасов — и муха у него в щепотке.

— У-у, какая! — восхищен Юрок. — Лапищи, брюхо!..

— Бомбардировщик! — похвально добывает Валерка.

— Не! У нас она будет тяжеловозом!

Из накладного кармана курточки, раздутого содержимым, он уже выудил, на ощупь просеяв пальцами бесценный для него скарб, выгнутую из одного кусочка тонкой проволоки крошечную колесницу с двумя кружками-колесами, осью и оглобелкой с загибом в виде крюка. Этой закорючкой он прокалывает брюшко мухи и так, уже запряженной, пускает повозку на стол.

В попытке взлететь муха производит низкое гудение и, приподнявшись на вершок, пролетает сантиметров двадцать, волоча за собой проволочную брчку.

— Глиссер! — сипит Юрок придушенным от восторга голосом.

Муха еще и еще раз, словно пропеллер, запускает крылья, но уже не поднимается, а только гудит, оставаясь на месте. Отняв у Валеры карандаш, Юрка понукает ее, тыкая концом грифеля. Со сложенными крыльями она убегает, быстро увлекая за собой повозку. Юра правит, орудуя карандашом, и мне начинает казаться, что мы едем в этой брчке — как в таратайке, запряженной пони, когда нас катали в зоопарке.

Но вот муха взбегает на лист с неоконченным портретом. Изображенные загибом проволоки колеса упираются в ступеньку из картонного среза, лапки мухи начинают проскальзывать по мелованной поверхности.

— Подсади! — говорит Валера, но Юрок колет заточенным грифелем под основание ее крыльев.

Муха взбадривается, отчаянно, но вхолостую роет конечностями с остро сломенными коленками.

— Подсади! — повторяет Валерка и тянется, чтобы поддеть мизинцем оську колесницы.

— Сама пускай! — сбивает его руку Юра и тычет острым в прокол на брюшке.

Вздернувшись на дыбы, муха одолевает преграду и ползет по подбородку бабуни.

Мне хочется, чтобы она ушла с лица, но Юрка сталкивает ее правее и правее. Она кружит, ступая по бабуниным глазам.

Становится заметно, как что-то беловатое и мокрое выдавилось из ее проколотой задней половины и тащится, оставляя след на рисунке. Анечка брезгливо морщится, отворачивая личико, а Тала говорит:

— Хватит! Отпусти! Ей же больно...

— Мухе?! — поднимает ее на смех Юрка. — Мухам больно не бывает!

— Одному только тебе бывает! — порывается Талочка забрать у него карандаш.

Но он увертывается и тупым концом карандаша метко и быстро раздавливает переднюю половину мухи в круглую кляксу. А повозку с остатками брюшка на крючке, словно бы нам в отместку, забирает и прячет в карман.

С гримаской отвращения Анечка косится на этот карман и так подается в сторону, будто оттуда скверно пахнет.

Но еще большую брезгливость и неудовольствие вызывает у всех мерзкая клякса, оставленная на портрете бабушки. Бросив в нашу сторону презрительный взгляд, Юрка, задрвав нос, с независимым видом покидает компанию. В начале коридора он суется в кладовую.

— Гля! — зовет оттуда. — Инструменты!

— Не лезь! — запрещает Тала. — Это нельзя трогать!

— Нельзя, нельзя! Все у вас нельзя!

Он сворачивает в широкий коридор-прихожую.

— А это что? — кричит оттуда.

Вслед за Талочкой, которой отвечать перед взрослыми за все, что у нас будет не так, мы, держась тесным кружком, смещаемся в прихожую.

— Это антресоли.

— А как туда залезть?

— Никак туда лазить не надо. Там елочные игрушки, и ничего там больше нет.

— А давайте там спрячемся! — таинственно шепчет Валера. — Наши придут, а нас нет...

— Они испугаются... — не очень решительно возражает Талочка, которой тоже показались заманчивыми такие прятки.

— А мы тогда объявимся!

Талочке представляется, что это действительно будет забавно. С загоревшимся интересом она спрашивает:

— А как мы — туда?

— Стул подставим! — живо откликается Юрка.

— Со стула не дотянешься.

— А мы на стул — второй стул!

— И стулья останутся? Спрятался, называется!

— А где у тебя бельевая веревка? — с интригой в голосе спрашивает Валерик.

— Вережка?..

— Вережка! Мы их — за спинки. И утянем потом за собой!

Я еще не знаю, что боюсь высоты. Мне делается муторно, когда Юрок вскарабкивается на верхний стул, который придерживают Валерик и Талочка, чтобы он, едва уместившись ножками на нижнем, не соскользнул и не сковырнулся. Мое дыхание, удушливое, неверное, сбегает куда-то вниз, и что-то толкает меня под колени, поразив ноги противной дрожью. Юрок распахивает выкрашенные белилами дверцы и, толкнувшись от стула, ныряет в отворенную темноту.

— Ух и простору! — слышится оттуда. — Жить можно!

Настороженно сохраняя равновесие, взбирается и пошатываясь проверяет устойчивость пирамиды под собой Валерик. Талочка, подхватив подмышки, подает ему меня — он принимает, ставит рядом с собой.

— Стласно! — с дрожью, которая из-под коленок отдается в голос, произношу я и цепляюсь за рукава его «бобочки».

— Тебя как зовут? — ни к селу ни к городу спрашивает Валерик.

Не выговаривая же и «эр», я отвечаю удивленно:

— Зоя.

— Вот! — откликается он, будто на неоспоримый довод. — А Жорикам страшно не бывает, Жорики все храбрые! — И, гипнотизируя круглыми, словно циркулем прочерченными глазами, из рук в руки передает меня Юрке.

Я пчусь подальше от края, в полумрак, и касаюсь стены, которая пахнет побелкой. На антресоли передают Анечку. Она не боится, ей весело и уютно, она прохаживается, не пригибаясь, как Юра, и вместе с ней уютно и не так уж страшно становится и мне.

Взбирается Талочка, берет меня под крылышко. Из-под ее руки, сместившись ближе к бортику, я, расхрабрившись окончательно, смотрю, как влезает Валерик, как втягивает, выбирая веревку, стул, затаскивает второй.

Приятная теснота уютного обиталища. Мы чувствуем себя как зверушки в родной норке и не можем не

улыбаться. Фанерный, былой посылки, ящик с елочными игрушками Талочка для сохранности сдвигает в дальний угол, и под ним, у самого бортика, обнаруживается полевой офицерский планшет из потертой и размятой пахучей кожи. Он не тонок, каким обязан бы быть, а перекошенно раздут спрятанным в нем чем-то тяжелым. Валерик послабляет ремешок, чтобы расстегнуть пряжку на верхнем клапане. Если бы это делал бесцеремонный Юрка, Талочка непременно одернула бы его. Но Валерик так деликатен и так симпатичен. Вскрытый планшет сам собою раскладывается на три части, и из того места, где хранилось тяжелое, выскальзывает... пистолет. На его рукояти привинченная золотыми винтиками золотая же пластинка, на которой отчетливо вырезанными красивыми буквами что-то написано. Поворачивая к свету мерцающую плоскость, Валерик, не вдруг разбирая витиеватую вязь, произносит запечатленные на сверкающем металле слова, из которых явствует, что мой папа герой.

Все замолкают, и мне кажется, что это из-за исходящей во всех одинаковой перемены в отношении к моему папе. Из-за понимания, что он отличается от папы Юрика — дяди Володи, и от дедушки, и ото всех, живущих рядом, и это отличие так же весомо, таинственно и значимо, как спрятанный здесь пистолет с табличкой из золота.

Кто-то затрагивает распавшийся на части планшет. Там, в глубине, еще что-то. Юрка тянется запустить руку, но Талочка сбивает ее проворным шлепком. За неведомым устремляется рука Валерика. Небольшой пузатенький увесистый коробок из грубоватого ворсистого картона появляется на его ладони из-под кожаной перепонки планшета. За снятой крышечкой коробка — тонкая, пропитанная темным маслом бумага, а под ней — завораживающе одинаковые, блестящие, гладенькие, упитанные, как пупсики, патроны.

Валерик находит в нижней части рукояти защелку магазина, извлекает порожнюю обойму. Действия его рук не могут быть иными — они предписаны наличием оружия и зарядов, предназначенных ему. Руки, как зачарованные, сами берут патрон, сами прилаживают его к полости в обойме.

— Наоборот! Наоборот! — повелительно шипит Юра не Валерке, а подпавшим под чары оружия этим рукам. Одушевленные отдельно от Валерки заколдованные пальцы переворачивают патрон. Скользнув, он проваливается в приемник, и что-то ловит его там, отсекая путь назад.

Когда полный магазин уходит в рукоять и пружинно срабатывает защелка, за входной дверью, расположенной точнехонько под нами, возникают голоса родителей.

Талочка и Валерка шикают в нашу с Аней сторону и старательно притворяют дверцы антресолей, погрузив нашу засаду в полный мрак.

— Дети! — зовет вошедшая мама.

— Детюхи! — вторит тетя Маня.

О чем-то своем оживленно переговариваются, разуваясь в прихожей, отец и дядя Володя.

Успев заглянуть в обе комнаты и кухню, мама и тетя Маня догадываются, что это игра, и погромче, для нас, дают диву:

— Ой, да где же они?! Пропали!..

Слышно, как они отправляются на поиски, как заглядывают в ванную, в кладовую. Потом раздается писк открываемого шкафа, кто-то нарочито побряхтывает, заглядывая под кровать.

— Да где же они? — уже с тревогой спрашивает тетя Маня. — Неужели на улице? Мы же настрого запретили! Ох, и получит Юрка у меня чертей!

— Дети! — зовет мама встревоженно.

— Ку-ку! — негромко отзывается Талочка.

Взрослые замолкают, вслушиваясь.

— Вот негодники! — ругает нас тетя Маня с нотками восхищения.

— Показывайтесь! — зовет мама. — Мы сдаемся!

Под громкое «Ку-ку!» Талочка распахивает дверцы антресолей.

Родители, потрясенные и озадаченные тем, куда и как мы забрались, все вчетвером оторопело разглядывают наши счастливые рожицы, когда Валерик в довершение картинки приставляет дуло пистолета к моему виску.

Я счастлив тем, как ловко мы их разыграли. Мне кажется, что разительная перемена в лицах взрослых — их небывалая похвала нашей изобретательности.

Утром, зажав сердце в кулак, отец отнесет наградное оружие в военкомат и сдаст его там.

г. Харьков

Мик Стернер СЕНТ-ПОЛ

Рубрику ведет
Евгений Никитин

Мик Стернер Сент-Пол (1894—1972) — американский полковник и писатель. Автор рассказов для детей, научно-фантастических произведений, в том числе сборника рассказов «В Замбоанге у обезьян нет хвостов», романов «Барабаны Тапайоса» и «Трояна». В «Юности» (№ 10—12 за 2016 год) печатался его рассказ «В космос». Рассказ «Ужас морей» был опубликован в журнале *Astounding Stories of Super-Science* за декабрь 1930 года.

Евгений Никитин родился в 1992 году. Заведует отделом зарубежной литературы журнала. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года. Лауреат премии зеленого листка в номинации «Начинающему автору» журнала за 2013 год. Печатался также в «Независимой газете», журнале «Плавучий мост». Выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета по специальности «перевод и переводоведение», учится в магистратуре Российского государственного гуманитарного университета.

Продолжение. Начало в № 3, 4 за 2018 год

УЖАС МОРЕЙ

«Миннеконсин» отчалил из нью-йоркской гавани и взял курс на Лоуэр-Бей. На палубе судна лежала огромных размеров сфера, нижняя часть которой была сделана из какого-то темно-матового материала, зато верхняя была кристально прозрачной. Через ее стенки можно было разглядеть множество установленных на дне агрегатов. Двое механиков из Бюро стандартов заканчивали сборку одного из аппаратов, напоминающего присоединенный клапаном к электромотору бак. От бака отходили четыре полые трубы диаметром в полтора дюйма каждая. Эти трубы пронизывали оболочку двадцатифутовой сферы и торчали из нее дюймов на тридцать. Доктор Берд стоял неподалеку, беседуя со старшим помощником капитана, и время от времени отвлекался, чтобы дать механикам краткие указания.

— Она надежнее, чем кажется на первый взгляд, — объяснял собеседнику ученый. — Во-первых, она сделана не из обычного стекла, а из витрилена — совсем недавно изо-

бретенной в Бюро и внедренной на экспериментальной основе пластичной разновидности стекла. Витрилен намного прочнее и малочувствителен к ударам. Кроме того, он идеально пропускает ультрафиолетовые лучи — даже лучше горного хрусталя и плавленного кварца. Во-вторых, стенки, как вы могли заметить, очень толстые, в четыре дюйма толщиной. По моим расчетам, эта сфера способна выдерживать давление в 3500 атмосфер на глубине в 20 миль. Она без проблем выдержит нагрузку в 6000 тонн, ее практически нереально проломить. Сбросьте ее с небоскреба Вулворт-билдинг, и она просто отскочит.

— Трудно поверить, что она способна выдерживать такое давление.

— Мои цифры, возможно, даже занижены. По расчетам Ламбертсона выходила еще большая прочность, но мы сделали скидку с учетом того, что витрилен — экспериментальный материал, впервые применяемый в таких объемах.

— Но что если трос оборвется под многотонной тяжестью? — возразил флотский офицер.

— Как вы можете заметить, нижняя часть оболочки состоит из свинца. Благодаря особой конструкции плотно закупоренный аппарат весит в воде совсем немного, так что его может поднять трехдюймовый канат, не говоря уж о стальном тросе. Кроме того, я предусмотрел дополнительные меры безопасности: если кабель все-таки порвется, я могу сбросить свинцовую часть оболочки, и тогда она сама взлетит к поверхности, как ракета.

— А как долго можно находиться под водой?

— При необходимости до недели. Внутри есть кислородные баки и очиститель углекислого газа. Сфера освещается электричеством и обогревается, если потребуется. В случае порчи или обрыва телефонного кабеля я могу связаться с вами по радио. Не думаю, что спуск в этом аппарате рискован: во всяком случае, это куда безопаснее, чем в субмарине.

— Могу я поинтересоваться, зачем вам погружаться на дно?

— Чтобы сделать снимки и исследовать обломки, если получится. Сфера оснащена большими прожекторами и высококачественными фотокамерами. Многие люди не могут добиться выплаты страховки с кораблекрушения, мы должны им помочь.

— Вы упомянули, что собираетесь исследовать обломки. Из этой конструкции можно выходить под водой?

— Да, внутри есть специальный шлюз. Если человек в водолазном костюме зайдет туда, то отсек заполнится водой. Когда внутреннее давление сравняется с внешним, водолаз сможет выйти наружу. Соответственно, по возвращении он закрывает внешнюю дверь шлюза, оставшийся внутри член экипажа заполняет шлюз сжатым воздухом, и потом открывается внутренняя дверь. Работает по тому же принципу, что и торпедный отсек субмарины.

Их беседу прервал громкий звон; «Миннеконсин» замедлил ход. Капитан Лоренс подошел к поручню и резким голосом отдал приказ стоящему на мостике штурману. Звон повторился, двигатели заглохли.

— Мы находимся почти над оставленным катером буюм, доктор, — сообщил капитан.

Доктор Берд кивнул, повернулся к механикам и заговорил с ними. Те закончили настройку аппарата и вылезли на палубу, после чего ученый шагнул внутрь.

— Давай сюда, Карнс, — позвал он. — Передумывать уже поздно.

Карнс с бледной улыбкой на губах последовал за доктором.

— Все в порядке, ребята, можете нас закрывать.

Механики водрузили внешнюю дверь на место подъемным краном, запечатав спускаемый аппарат. Створки были обиты мягкой резиной и оснащены множеством шурупов, которые встали точно в соответствующие отверстия сферы. Доктор закрутил их тяжелым гаечным ключом, затем с помощью Карнса приподнял маленькую внутреннюю дверь, вставил на место и тоже закрепил. После этого Берд подошел к телефонной трубке.

— Спускайте на воду.

Со стрелы установленного на палубе корабля крана спустился широкий стальной кабель и защелкнулся на кольце из витрилена, выступающем из верхушки сферы. Затем трос натянулся. Подводный аппарат был поднят с палубы и медленно опущен в воду. Когда воды океана сомкнулись над их головами, Карнс невольно вздрогнул и зажал рот рукой, сдерживая тошноту, чем вызвал у доктора смех:

— Посмотри наверх, Карнс.

Детектив посмотрел и выдохнул в изумлении: сверху простирался огромный пласт воды. Доктор снова рассмеялся и переключил внимание на телефон:

— Все в порядке. Продолжайте спуск.

Металлический шар погрузился в морскую бездну. Становилось все темнее и темнее. Вскоре сферу освещал лишь тусклый сумеречный свет. Неподалеку виднелось нечто большое и черное. Берд включил прожектор.

— «Аретуза», — указал он.

Злосчастный корабль лежал на боку. В нем зияла огромная дыра с зазубренными краями.

— Паровые котлы взорвались, — пояснил доктор. — К счастью, под «Аретузой» твердое дно. Давайте посмотрим, обитают ли здесь морские змеи Митчелла.

Продолжение следует.

Перевод с английского Евгения Никитина

Мало известен цикл рассказов Дойла о пирате Джоне Шарке. Из этого цикла мы публикуем два рассказа, в них для усиления их значимости — и фабульной, и характеристик персонажей, — внесены эпизоды из других рассказов этого цикла-повествования о знаменитом пирате. Названия рассказов изменены, слишком длинные — они, не в пример названиям рассказов о Холмсе, раскрывают сюжеты наперед.

Артур Конан Дойл (1859—1930) — автор многих исторических романов и научно-фантастических повестей, его рассказы о сыщике Шерлоке Холмсе читают во всем мире.

Артур
Конан Дойл

ДВА РАССКАЗА О КАПИТАНЕ ШАРКЕ

ШАРКЕ И КАПИТАН СТИВЕН КРЭДОК

1

Если обычно морские разбойники лишь грабили (гибли те, кто сопротивлялся), то судьба команд и пассажиров судов, захватываемых пиратами Шарке, предопределялась уже самим названием его судна — «Счастливое избавление»! Команда этого судна (барка) — пятьдесят-шестьдесят таких же отщепенцев рода человеческого, как и их капитан, — «избавляла» от жизни всех своих пленников, топила вместе с их судами.

Черный барк Шарке (окрашен был в черный цвет) черным смерчем взлетал над горизонтами почти всех американских морей — от Новой Англии до Нового Света¹.

Вдруг стало известно: Шарке — на острове Ла Ваш. Охотится на быков.

Охота на этих животных опасна. Ведь это лишь поначалу переселенцы из Европы шутили, что в Америке охотятся на коров. И самка («корова»), будучи раненной, бросается на охотника.

О поединке Шарке с быком рассказал матрос из его команды:

— Он только ранил — и бык на него! Так он, капитан, будто он тореро, увернулся и — кинжалом в бок... По самую рукоятку! Мясом капитан, свежим, всегда обеспечивает команду.

С восторгом заливался допрашиваемый об охотничьих подвигах своего главаря. А сам от него — сбежал... Рассказывал:

— С собою капитан взял четверых матросов. И я первым увидел быка. Выстрелил. Промахнулся. Ну и что — бывает же. И ведь знает капитан, как я стреляю! Всегда берет меня на охоту. А тут... Ну да, промахнулся, бык убежал. Так как же — бил! Так бить — за промах в какую-то корову! Вот я и решил... Да нет, стерпел бы — куда ж деваться? А только, я слышал... Еще раньше, нечаянно, услышал разговор капитана с Нэдом. Что, мол, к югу, милях в десяти, валят сосны. На мачты. И я... В первую же ночь — туда.

¹ Новой Англией англичане в XVII веке называли северный материк Америки. Новым Светом поначалу называлась (приблизительно) территория современной Бразилии, так ее назвал пилот (штурман) португальской экспедиции Америго Веспуччи. Имя которого затем и стало основой названия «Америка»: он первый понял, что Колумб открыл не Индию, а другую (западную) половину всего нашего Света.

Как раз там загрузили судно. Барк. Порт назначения — Кингстон. А мне — хоть куда...

— А кто у вас этот Нэд?

— Нэд — квартирмейстер! Нэд Гэллуэй. Это он сказал капитану о том месте. Сказал, что приходят туда лесовозы и, мол, не стоит ли нам навеситься туда?

А капитан ему: «Нет! Отправишься на Эспаньо-лу¹. Пора нам кренговать². Там, на северном побережье... Помнишь, возле того индейского селения чистить лучше, чем где-либо. Потом, на обратной дороге — ведь через все Карибы! — нагоните какого-нибудь купца. А то что же, пока я охочусь, вам — лодырничать у берега? Так что... Я — за быками, вы после кренгования — за купеческими корытами!»

Показания матроса отвечали действительно-сти. В самом деле, только член команды Шарке, а не кто-то извне, мог знать, что и где будут делать его сотоварищи. Да и сам этот матрос, давая эти показания, мог сомневаться лишь в том расстоянии от земли, на которое будет вознесен в случае их лживости...

2

Губернатор Ямайки сэр Эдвард Комптон, горбоносый ирландец (если о его кельтском происхождении свидетельствовала огненно-рыжая шевелюра, а цвет носа — об известном пристрастии, то пламенный темперамент, возможно, происходил от итальянцев Юлия Цезаря, как известно, явившихся на острова Туманного Альбиона гораздо раньше англосаксов), встретил эту новость в соответствии с объемом своей громадной фигуры — с громовым восторгом! А именно в таком настроении и ожидали увидеть-услышать своего губернатора жители Кингстона. Главного на Ямайке поселения вчерашних европейцев.

И сразу же стали приходить к губернатору со своими предложениями — как «не упустить такой случай»!

Однако уже вскоре огненную голову сэра Эдварда охледила осознаваемая реальность. В са-

мом деле. Пехоты, достаточной, чтобы в поисках Шарке прочесать Ла Ваш (не такой уж и маленький остров), в его распоряжении не было. Ну да, так: можно было бы перехватить барк Шарке в проливе между Эспаньолой и Кубой — в видимости там одного корабля с другого... Но, увы, в гавани Порт-Ройала стоял на якоре лишь один корабль, притом такой, какому не устоять перед двадцатипушечным Шарке. Конечно, тотчас послал он этот корабль к материку. Но пока тот туда доплывет, пока снарядят там настоящие боевые корабли, пока они достигнут Эспаньолы... Пираты... Что? Ожидать, что ли, будут эти корабли в этом проливе...

Секретарь доложил губернатору, что явился Крэдок. Доложил некорректно, просто Крэдок. Будто тот какой-нибудь плотник или жестянщик.

— Мистер Крэдок! Рад вас видеть, — сказал вежливо сэр Эдвард. Впрочем, из-за стола не поднялся (он тоже помнил, что мистер Крэдок был когда-то пиратом). — Садитесь.

Но тот все стоял. Еще далеко не старый, крепко сложенный, суровый лицом; был он, Крэдок, даже капитаном пиратского судна! Однако лет восемь-девять назад явился с повинной — и тем в Кингстоне, чьи суда когда-то ограбил, отдал еще больше. Судья же настолько был им доволен, что отказал требованиям губернатора Виргинии выдать его для тамошнего суда, только попросил священника-пуританина взять его под свою опеку³.

— Что ж... — начал мистер Крэдок разговор.

Но, встретив не очень-то приветливый взгляд губернатора (ну да, конечно, сэр Эдвард, губернатор, вспомнил о его, Крэдока, прошлом), умолк.

— Сэр! — заговорил все-таки. — Вы можете мне поверить. С помощью преподобного Джона Саймонса я стал другим человеком. И если на вашем, сэр, высоком поприще потребуется духовная помощь, советую вам обратиться к Джону Саймонсу. Преподобный слышит глас Божий, он поможет и вам!

Однако стать другим человеком сэр Эдвард не хотел.

— Мистер Крэдок! Мне доложили, что пришли вы...

¹ Так поначалу переселенцы из Европы называли остров Гаити.

² Кренговать — значит очищать дно судна от морских растений и ракушек. И если обычно это делали в доке, то пираты, заведя судно в какую-нибудь узкую бухту, ставили его на якорь (так что во время отлива судно оставалось на сухом), крепили к нему блоки, тали, наклоняли его, клали на бок. И надо было успеть очистить дно до прилива.

³ Пуритане призывали к очищению англосакской церкви от влияния католицизма, к особо строгой морали в повседневной жизни.

— Да, сэр, я пришел с предложением, как остановить этого разбойника. Уж слишком он вознес рог беззакония! А я сегодня услышал духоподъемную проповедь Джона Саймонса. И мне открылось, как подсесть рог злодея. Что ж! (Собственно, это восклицание «что ж» — любимое присловье Крэдока.)

Высказанный Крэдоком план — не просто уничтожения Шарке на месте, а счастливой возможности лицезрения его на виселице, — вдохновил губернатора Комптона. К тому же он, сэр Эдвард, был не лишен спортивного задора (каковой он испытывал, например, во время устраиваемых им сражений бойцовых петухов). А тут... Состязание в хитрости между действующим и бывшим пиратами. Больше того, между их капитанами!

Так что, выслушав предложение мистера Крэдока, губернатор уже несколько по-другому посмотрел на этого своего посетителя. Ибо теперешнее весьма немалое свое состояние обрел тот вполне законно, перепродавая владельцам сахарно-тростниковых и хлопковых плантаций доставляемых им из Африки чернокожих рабов. Нет, теперь жизнь Крэдока — это жизнь верноподданного короля, человека, соблюдающего установленный порядок. И сэр Эдвард вспомнил даже имя мистера Крэдока:

— Стивен! Вы, как я понял, решаетесь сами исполнить вами задуманное. Но вам ли не знать... Извините, вам ли не понимать, какой опасности подвергнете свою жизнь? Ведь этот Шарке хитрее самого дьявола!

На что Крэдок — Стивен Крэдок, мистер Крэдок! — заявил:

— Что ж! Если постигнет меня конец... Пусть сама моя гибель — во имя общего дела! — изгладит воспоминания обо мне как о дурном человеке. Что ж... Но, сэр, осечки быть не должно.

«Какое самоотвержение человека! — Сэр Эдвард был взволнован. — Достойным станет имя, которое этот бывший пират передаст своим детям».

И он, сэр Эдвард, губернатор Комптон, взволновался еще больше, чем даже тогда, когда его любимый бойцовый петух, уже было припавший на крыло в схватке с петухом мистера Кодрингтона, поднялся и нанес смертельный удар своему противнику. «К тому же, — подумал он, — все надо подготовить. А это все сможет лишь тот, кто обладает властью. В случае же успеха... Имя того, кто все это устроит, конечно же, прозвучит первым».

— Что ж! — проговорил он. И хотя это слово было лишь присловьем в речи автора плана, утвердил его на своем губернаторском столе ударом кулака, будто печатью на приказе о повешении разбойника. Характером своим он, сэр Эдвард, несомненно, был похож на сегодняшнего своего посетителя.

А и впрямь: кто, как не он, губернатор, смог бы уговорить мистера Кодрингтона одолжить его судно во имя общего дела?

Дело же могло быть свершено только потому, что в свое время это судно мистер Кодрингтон заказал на судовой верфи в паре с точно таким же трехмачтовым барком¹. И суда были настолько одинаковыми, что когда одно из них входило в гавань Порт-Ройала, сомневались даже моряки: «Белая...» это или «Черная роза»? То есть розы «цвели» в названиях обоих этих судов.

Чтобы они не сомневались — им помог Шарке!

То есть команда одного из этих судов (а именно «Черной розы») сдалась пирату потому, что на его, Шарке, судне (тогда еще бригантине²) были пушки, а на их барке всего лишь мачты. (Мистер Кодрингтон поставлял их многим верфям.)

Как впоследствии поведал один из матросов «Черной розы» (почему, по каким причинам кого-то оставлял Шарке в живых, рассказать придется в другой раз), их заставили помогать в перетаскивании пушек с бригантины на барк, и они уже подумали, что их отпустят домой на этом судне. Нет, затолкали в трюм, задвинули люки — и расстреляли свою бригантину со своего нового судна, с барка. Который и переименовали в «Счастливое избавление».

Так что хлопотами губернатора и автора плана светлые борта «Белой розы» стали черными, закоптили и мачты, и реи. А на самый большой парус нашили черную заплату в форме ромба. На которой — белым по черному — разумеется, был изображен череп!

А он, Крэдок, опять ставший капитаном пиратского судна (нет, конечно, всем, кто пришли-приехали на пристань Порт-Ройала из Кингстона, было ясно, что теперь он пирата играет), в помощники себе взял штурмана «Белой розы» Джошуа Гирда.

¹ Барк, 3–5 мачт, с косыми парусами на кормовой (бизань-мачте) и прямыми на остальных.

² Бригантина — прообраз брига. Оба судна двухмачтовые. Но если у первого прямые паруса на передней мачте (фок-мачте) и косые на задней (у двухмачтовых судов это не бизань, а грот-мачта), то у брига — только прямые паруса.

Тот у него был помощником во времена их настоящего пиратства и не мог отказать своему бывшему патрону участвовать в затейной тем игре. «Не стоит, — сказал ему капитан Крэдок, — торчать тут без дела, когда твое судно будет в деле, которое, увы, нам с тобой знакомо...»

А игра эта, как вполне по-своему выразился всем известный в Кингстоне карточный игрок, стояла свеч. Игрок этот несколько лет назад служил на том корабле, который однажды настиг барк Шарке. Так что теперь, подойдя на пристани к губернатору, решил он объяснить, почему тогда, после трехчасового боя, его корабль отступил:

— Потому, сэр, что во все время боя возле каждой их пушки стояло по ведру рома! И каждый их артиллерист после каждого своего выстрела... Сэр! После каждого... Хватал из ведра по целой кружке!

Разумеется, с таким объяснением отваги сэр Эдвард согласиться не мог и уже хотел отвернуться от простака.

— Сэр! — поспешил тот со своим мнением. — Я свидетельствую, что «Белую розу» вы с капитаном Крэдоком преобразили не хуже, чем Шарке «Черную». Я, сэр, как увидел сейчас это ваше «Избавление», опять в него выстрелить захотел.

Сэру не очень понравилось, в компании каких преобразователей он оказался, но простодушие очевидца было налицо. И, похлопав бывшего артиллериста по плечу, сэр Эдвард сказал:

— Считайте, старина, что выстрелили вы сейчас в самого Шарке!

3

Едва в море успевали рассмотреть этот черный барк, метались от него суда, будто форель от сачка повара.

Ветер оказался попутным, и уже на четвертое утро беглый матрос показывал то место в Черепашьей бухте Ла Ваша, где, прежде чем уйти на Эспаньолу, стоял его барк. Да, так, капитан Крэдок подумал за капитана Шарке: выйдя из леса, тот увидит, что его вернувшийся с кренгования барк поставлен на то же место.

Бухта широкая, но до берега мелководье, встали за полмили.

На шлюпке сплавляли на берег. Да, Шарке на острове! Возле кострища, на ветвях пальм, — мясо, кусками... Прожарили и ушли за новым.

Крэдок приказал забрать мясо на судно: Шарке, увидев в бухте свой барк и не увидев здесь мяса, это одобрит. А его шлюпку (она была оттащена от приливов) оставили на месте, в кустах.

Смотрели, ждали. Каждый на судне — по-своему... Ведь вместо матросов «Белой розы» (они от игры в пиратов отказались) пришлось Крэдоку набрать новых. Эти моряки были в прошлом пиратами настоящими, но их, отбывших свои сроки в тюрьмах, брали на торговые суда неохотно. Увы, что поделаешь: завели семьи — их надо кормить. И нанялись — в пиратов играть! Так что теперь, высматривая на берегу тех, кем в море были когда-то сами, пребывали они в расстроенных чувствах: будто сейчас сами — охотники и дичь одновременно. Нечто подобное испытывал и помощник капитана Джошуа Гирд.

А вот Крэдока все это уже не волновало, он свое прошлое изжил давно и хотел доказать это на деле. Теперь у него вместо бездомной сумятицы той поры — семья, дети, церковь...

Смотрели — все! На прибрежные, в полукольце бухты, пальмы: вот-вот проявятся там они сквозь их перистые одежды. Потом должны через эту серебристую полосу песка протаскать лодку к воде. Чтобы плыть на «свое» судно...

Ну да, все бы так! А только...

И на второй день... Никого!

А время идет. Крэдок заволновался. Уже, может, там, в Эспаньоле, окончили кренгование, поставили паруса... Разве что потом узрят в море наживу, погонятся...

Как бы там ни было, а время упускать нельзя.

«Что ж, не поймать — так уничтожить! — решил Крэдок. — Конечно, что говорить, в море я против него, Шарке, может, и не устою, а вот на земле... На земле — еще посмотрим! Прежде всего — найти их охотничий лагерь. И устроить засаду».

С пятью горожанами-добровольцами (уверили, что мушкетом владеют, — и назвал их бойцами) спустился в шлюпку. Подумав, крикнул Гирду, чтобы отрядил с ним матросов: они шлюпку вернут на судно. Потому, если Шарке выйдет здесь к морю первым, должен он увидеть не только вернувшийся с кренгования барк, но и одну на берегу — только одну — свою шлюпку. В таком случае игру здесь доведет до конца Гирд. С матросами.

Как раз эти матросы обладали столь необходимым преимуществом перед матросами «Белой розы» — умели обращаться с мушкетами! И половине из них оружие было выдано. Но это все

здесь — в ожидании возвращения Шарке на «его» барк. В то время как все надо торопить! Не здесь — так там!

После целого дня блужданий наконец по какой-то тропе вышли к индейской деревне. Спросили... Нет — и уже давно — белых людей не видели.

И опять — сквозь заросли, через гряды скал!

Ночевали под деревьями, промокли под дождем.

Вдруг увидели хижину — большой крытый корой шалаш. А ведь старались идти потише, чтобы не оказаться перед Шарке вместо быков. Так что обитатели хижины выскочили, когда они уже были рядом. Двое, мужчина и женщина. Побежали от них...

Но женщина бежать не смогла, задышавшись, остановилась.

Крэдок, велел своим бойцам стоять на месте, отдал им мушкет и, подняв руки с обращенными к женщине ладонями, подошел.

Увы, язык белых людей индианка не понимала.

Но Крэдок знал: их мужчины язык белых пришельцев уже освоили. И заговорил нарочно громко:

— Оружие у нас — против таких же, как мы, белых людей! Но они... не хотят жить в мире ни с какими людьми. Они здесь, у вас, охотятся на быков. Может быть, вы их видели? Их — четверо... — И Крэдок загнул один палец и поднял руку.

Что последовало затем? То есть что именно закричали откуда-то в ответ, Крэдок не понял: видимо, на своем языке. Но когда индеец вышел, вернее, выскочил из-за деревьев, кричал он слова, удивившие и Крэдока, и его спутников:

— Убить! Плохой люди... Убить!

— Кто — плохие? Почему надо — убить? — Крэдок, показав себе на лоб, развел руками.

И оказался прав: язык белых пришельцев индеец более или менее знал. Успокоился и рассказал, что охотился вместе с женой. Ведь ни у кого в их деревне не было мушкета, а у него был! Уже было темно, когда на их костер вышли белые люди (индеец тоже загнул один палец). Они подстрелили теленка, мясо поджарили, поделились. Как вдруг мушкет его разобрали, а его самого связали, оставили под дождем. А жену у него забрали на ночь. А утром ушли. И, как он понял из разговоров, ночевать вернутся. Так что они с женой решили уйти домой. Только вот не сразу после такой ночи...

— Охотничий лагерь! — обрадованно обернулся Крэдок к своим бойцам. — Как раз то, что мы искали. Что ж, устроим здесь лагерь и мы...

А охотники те заночевали, видимо, под деревьями.

Но к вечеру следующего дня (а сами не спали — вдруг явятся? С добычей, нет ли, а в шалаше, на перекладах, еще много мяса) небо заволокло тучи, и Крэдок подумал, что возвратятся в шалаш из-за дождя.

Лежали, вслушивались... Шаги? Какой-то шорох... Будто раздвигают там ветви, что-то там — особенно почернело. Мушкет — поудобнее... Палец — на курке!

А дождя... нет. Звезды... вместо туч.

Нет никого!

А уже стало светать.

— Все! — сказал Крэдок, будто выдохнул все свое терпение. И проговорил зло, будто охотники те виноваты сами, что заночевали под деревьями: — Слишком, значит, уже далеко они от шалаша. Мы теперь скорее увидим быков...

Встали, было пошли. Прошли милую-другую... А идти предстояло немало, а не спали двое суток! Пришлось и самим опять — под деревьями...

4

К морю вышли уже на другой день.

Увы! Шлюпка с барка Шарке — на том же месте, в кустах. Значит, не переплавлялся он, капитан Шарке, на барк.

Вытащили из кустов шлюпку.

И ведь вот не имел Крэдок такой привычки — досадовать на себя при всех, а тут:

— И не поймал. И не уничтожил. Эх!

Горожане (бойцами теперь их Крэдок не называл) гребли молча. Вдруг один из них предложил:

— А что если вернуться? Шлюпку — на то же место и...

— Что ж, заманчивая идея! — Крэдок горожанину кивнул. — В самом деле: вернутся же они к своей лодке. Но, — вздохнул, — если б знать, сколько еще они будут гоняться за быками. Мы... возле этой лодки, а вдруг их барк — с Эспаньолы? Войдет в бухту, а здесь еще одно «Счастлирое избавление»! И что же? Эта бестия, Гэллуэй — наше — и осчастливит. Так что скорее отсюда! Только и в утешение нам эта их шлюпка. То есть, конечно, не сама шлюпка... Придется же им пострелять, поорать на берегу, когда появится в бухте их барк.

А к своему — уже подплывали...

Веревочный трап спускал сам Гирд. «Вместо матросов, — признательно подумал Крэдок. — Увидел, что в шлюпке Шарке — ни живого его, ни мертвого, хотя бы так посочувствовать захотел. Но... Главная-то неудача здесь, на судне, все на нем оказалось напрасным! Вся эта чернота, все эти пиратские знаки, даже вон — череп на парусе!»

Вдруг... Крэдок вздрогнул: показалось... череп оскалится на него!

— Гирд, забирай якорь! Отдавай паруса! И — с глаз долой все эти разбойничьи причиндалы.

Гирд, однако, свесив к нему тощую свою бороденку, вместо обычного «Слушаюсь, капитан!» спросил:

— Что, не удалось найти капитана Шарке? — Голос какой-то необычный, прерывистый. — Вы, мистер Крэдок, поднимайтесь.

— Уж, наверное, Гирд, не о чем теперь, что ли, говорить.

— Поднимайтесь. А они... — И уже он, Гирд, чуть ли не приказным тоном добавил: — Они пусть остаются в шлюпке.

— Что?! — в недоумении спросил Крэдок. — Что это вы, мистер Гирд? Мне, капитану, разрешаете подняться на борт моего судна? Спутникам моим приказываете остаться здесь... Да ты, Джошуа, в себе ли? Что ты там несешь? Болван! — И быстро, поймав ногой веревочную петлю трапа, поднялся.

Но... Только перевалил через фальшборт... Рванули со спины мушкет! Ремень полоснул лицо, сорвал шляпу...

Кто?!

Да нет, этот вопрос потом, вначале — кулак! Его, Крэдока, железный...

И только потом — еще его, Крэдока, шляпа, соломенная, с высокой тульей, покатила и только еще замерла у ног матросов (стояли перед ним толпой), — только тогда, растирая костяшки пальцев, взгляделся...

Наглец, посмеявшийся такое (рухнул бы на пол, если б не на руки этой толпы), какой-то корявый человечешко — косоплечий, с ничтожной, испитой физиономией кабацкого завсегдатая, — глянул дико из-под сваленных на глаза рыжих лохм... А как одет! Наверное, тот аристократ со Старого Света — барон, а то, может, даже маркиз, — тот, кто свои занятия конным спортом собирался продолжить в Новой Англии, очень бы удивился (если б уже не лежал на морском дне),

какой дикарь влез в его костюм — длиннополый, ярко-красного цвета, для верховой езды! Откуда такой? Такого, в таком наряде, он, Крэдок, не видел...

Впрочем, уж так спешно вместо команды «Белой розы» набирал матросов (пришлось этих бывших пиратов), так что сейчас, в этой толпе, отличить одного из них от другого не мог. Меж тем, конечно, нельзя было не признать, что чем пестрее была одежда тех, кто притворялся на его судне теми, кем они когда-то действительно были, тем лучше было для его плана. А только сейчас... Так — смотрят! Неужели?.. Неужели сейчас — не притворяются? Что? Опять пустились в разбой! А где Гирд? Неужто и он за старое...

5

И уже он, Крэдок, хотел бросить этой толпе гневное (капитанское) «Бунт!», как услышал вдруг из-за спин бунтовщиков:

— Ядра! Сюда... В шлюпку! Пробить дно — и пусть в ней же и захлебнутся...

Но тотчас другой голос, глухой, будто из-под воды:

— Нельзя! Отменяю приказ! Шлюпка-то наша. Расстрелять! Из шлюпки потом вытряхнуть!

Услышал затем быстрые, гулкие шаги, и голос — все тот же, властный:

— Так... Посмотрим теперь на главного их мошенника.

Того, кто встал перед ним, Крэдок узнал не сразу — не успел тот добриться, даже забыл в руке бритву, одна половина лица отскоблена, другая — в волосах... И между этими половинами — мертвенно-бледной и буро-серой — длинный, крючковатый нос. Будто клюв вóрона. Глаза — голубовато-мутные, бегающие: на него, Крэдока, на мушкет (оружие на полу!), на этого, в красном костюме... Как раз тот вместе с красным — выхаркал на пол зуб...

Посмотрел на того, одобрил:

— Отличный удар! Узнаю вас, Крэдок. Все еще вы в силе. — Но тут же: — А только, Крэдок, сильные — не обманывают! Вы же — смошенничали. И ведь кого захотели надуть? Э, да вы, я вижу, еще не поняли. Капитан Крэдок! Вы — на барке капитана Шарке!

Крэдок, еще даже не войдя в свое положение, недоверчиво обвел взглядом всю бухту

— А мой... Где — мой?

— На дне. Со вчерашнего вечера.

— А... люди?

— Там же. Отправитесь туда и вы.

Шагнул ближе. Нос... Клюв вороний! Будто — на мертвечину... Поднял руку. С бритвой. Взмах! Сверху вниз... По куртке. Куртка была застегнута — раскрылатилась до полы. И все это — молча.

«Это — пока, — понял Крэдок. — Показательно! А — задел... Обожгло... Нет, кажется, не очень...»

Однако Шарке заговорил!

То, о чем заговорил этот мерзавец, обжигало — уже по-настоящему:

— Даже если я вас, Крэдок, отпущу, там вас не поймут. Ну как же! Были... Наверное, уже были у этих бедолаг, ваших матросов, семьи. Ждут! С заработком... А капитан к ним — один! Жив и здоров. Стыд! За судно — спросит владелец. О главном же, о чести, спросит губернатор: «Мистер Крэдок! Где ваша капитанская честь? Явились без судна и без матросов?»

Шарке это сказал. И молчали теперь оба...

«Все так... — Крэдок склонил голову (свинцовой вдруг стала голова). — В самом деле... С чем возвращаться?!»

Вновь заговорил — дьявол... Дьявол-искуситель:

— Только, Крэдок, что я на все это скажу. То есть — я, а не эти сухопутные крысы! Крэдок, все это... Совесть, стыд, честь — ханжество обитающих на берегу. Тех, кто боятся жить с самими собой: обнаружить себе, что на самом-то деле готовы делать, жить не по закону, а по обстоятельствам. Так что, — взгляд Шарке воткнулся в глаза, в душу, — Крэдок, предлагаю... раскрепоститься! Среди нас, рыцарей свободного моря, жить вам будет опять... свободнее. Предлагаю — договор! Мне нужны знающие мореходы, не все же нам с Нэдом торчать на капитанском мостике. Договор, Крэдок! Ваш помощник уже подписал. И это единственное, что теперь может вас спасти. И здесь, и там.

Вот так: «И здесь, и там!» Крэдок обеими руками стиснул виски. Куда теперь — от всего? Остаться с этим чудовищем? Нет! И все в нем, Крэдоке, взвыло: «Тогда уж... Не надо тогда было заводить дом, семью!»

И потом... Он, Крэдок, уже — верил! Верил, что не все кончается на земле. Надо только отрицать в себе все неподобающее Ему и, сколько Он позволит, быть на земле человеком.

И уже он, Крэдок, хотел, решил уже именно так ответить душегубу...

Как вдруг — выстрелы, крики! Значит — и тех, в шляпке...

— Избавляем, — пояснил Шарке. — Кто они у тебя были (уже по-свойски перешел на ты), эти горожане? Все равно! На том свете им будет лучше.

И ведь не зря тот беглый матрос сравнил своего главаря с тореро: от Крэдока, от его рук, увернулся Шарке, как от быка!

Нет, пока еще — не убивали. Помнили: поговорить с тем, кто через минуту-другую станет трупом, их главарь любит... Заламывали за спину руки, связывали ноги (чтобы не бил ногами).

Но нет, сегодня разговаривать с обреченным Шарке не захотел. Из клубка тел, в борьбе покотившегося по палубе, выхватил того, в красном костюме, ткнул ему бритву:

— Сначала — подрежь поджилки. И — за борт! Пусть сначала, прежде чем ляжет на дно, поборхается там в своей крови.

Мерзавцами из мерзавцев были подручные Шарке, но даже их страшил он ледяным спокойствием, с каким мучил и убивал сам, с каким приказывал мучить и убивать! Они, зверствуя, свою правоту доказывали руганью, ором... Что, мол, они в какой-то там другой, загробный, свет не верят, а потому — гуляют на единственном, этом...

Но если рядовые пираты, те, кому удавалось избежать тюрьмы или виселицы, растворяясь с награбленным в каком-нибудь из американских котлов народов (например, в Бразилии или в Чили), каких-либо доказательств против себя уже боялись, доживали свой век под другими именами, то он, капитан Шарке (Джон Шарке!), доказывал свое имя всей Америке и славы желал — долгой!

Страшной подчас оказывалась эта его слава!

Например, судьба того матроса (уже его судно было захвачено, а он все защищал своего раненого капитана!). В конце концов, когда с матросом справились, приказал он его обезязычить, бросить в одну из ненужных шляпок, и туда же, к нему, расчлененное тело его капитана...

Или ведь вот... Никто не видел, чтобы его, капитана Шарке, что-то рассмешило, чему-либо хотя бы он улыбнулся. А игры — любил! Так, иногда (после успешного дела кутеж был общий) усаживал с собою за стол двух-трех сообщников и... На какой-то стадии питья опускал вниз, под столешницу, руки с пистолетами, нажимал на курки. Сам вниз не смотрел, не целился, поэтому попадал не всегда (уж это кому как повезет!). И даже после одного из таких застолий захромал квартирмейстер Гэллуэй. Проигравшему, то есть тому, кому

попадал в ногу, тотчас отдавал двойную, капитанскую, долю из захваченного.

Такое — и привлекало! Непредсказуемость главаря страшила и одновременно увлекала мерзавцев!

Вот и теперь...

Наконец, Крэдока распластали (связали руки-ноги, даже придавили голову — чтобы не бил головой). Как вдруг... Того матроса в красном, уже поднявшего штанины Крэдока до колен, Шарке вдруг остановил! Повернулся к квартирмейстеру (тот как раз отделался от трупов в шлюпке):

— Нэд, мне в голову пришел замечательный план! Так что этого — в наручники — и под засов.

6

Капитан Крэдок лежал под скосом судового днища, в парусной. Тело его после отчаянной борьбы — а еще так нещадно волокли, спускали по трапу, — все горело. Но он, суровый северянин, решившись на достойный конец, был спокоен.

Давно уже, судя по скрипу шпангоута¹ и плеску воды, судно было в открытом море, шло под полными парусами. Наручники (на запястьях) связывал ремень, руки на расстоянии друг от друга менее чем в локоть, ноги связаны веревкой. Но делать здесь было нечего — хотя бы вот... удалось на ногах развязать веревки.

И уже, без питья и воды, начались колики в животе, когда проскрипела дверь, полез к нему кто-то по грудам парусов.

— Это я, Гирд! Принес вам воды, сухарей. Капитан, все, что я говорил вам, когда вы были в шлюпке, говорил под ножом! Простите...

— Что ж, трусость... умереть достойно я бы и простил. Но ты теперь среди этих головорезов! Так что... Господь тебе судья! Однако... Каким образом на месте нашего судна оказалось это?

— Капитан, вы там, на земле, допустили ошибку. Зашли в индейскую деревню, а после вас в эту деревню — Шарке! Там он и узнал, что каких-то белых людей ищут белые люди и что у них у всех — мушкеты! И сразу он — к берегу... Увидел в бухте свой барк: прибыл, значит, с Эспаньолы? Я, капитан, слышал, как он рассказывал своим: «Подумал вдруг, что те, кто меня ищут, приплыли же

сюда на чем-то? И где, черт побери, наша шлюпка? Вглядывался все, взглядывался из кустов. Что-то на судне мне показалось не так. И... Разглядел этот рей».

— Какой еще... рей? — Крэдок даже перестал грызть сухарь. — При чем тут — рей?

— Ну да, капитан, в этом все дело! Матрос этот, беглый, о рее нам — ничего... Забыл, наверное, сказать. Оказалось, грот-рей их барка треснул и его скрепили брусом. А на нашем-то барке рей этот невредим! И Шарке насторожился. Стал ждать... Дождался! Гэллуэй привел их барк. Смотрит: а в бухте еще одно «Счастлиное избавление». Он сразу все понял! И — ядрами, ниже ватерлинии... У нас же, вы знаете, была всего одна пушка. Тонуть судно стало быстро. Все бросились в воду. Меня-то Гэллуэй знал давно. Крикнул, чтобы плыл к ним. Других — из мушкетов! А за Шарке с его охотниками сплавали. А шлюпку свою велел он оставить на прежнем месте. Для вас...

— Вот как! — Крэдок в злости хлопнул по парусине. — Ну ладно! Куда ж теперь? Куда направляетесь?

— На Ямайку. Я слышал приказ Шарке: плыть потом, у Ямайки, вдоль берега.

— Зачем?

— Не могу сказать. Вы, капитан, все бы знали... Если бы подписали договор! А я сказать не могу, к управлению пока не подпускают. Вот вас бы, капитан, допустили бы сразу! Если бы вы тоже подписали бы договор.

— Нет! Слишком долго забывал я о спасении души.

— Как хотите, капитан Крэдок. Прощайте!

Сколько прошло времени? Какое там время сейчас?

Здесь, на дне трюма, была только ночь, и не стоит открывать глаза — ночь давила еще больше.

Но вот — Крэдок ощутил — сейчас был день, и, видимо, меняли курс. Понятно это стало по тому, как поднимались и опускались скосы днища. Видимо, пошли против ветра, галсами, ловя его парусами то одного, то другого борта. Скорее всего, входили в какую-то бухту. А чтобы не налететь на прибрежную мель, такие размашистые зигзаги можно делать лишь днем.

Но если и впрямь шли вдоль Ямайки, то что это за бухта?

Вдруг, будто над головой, — пушечный выстрел! В кого?..

И почти тотчас, хотя уже и отдаленно, началась орудийная пальба! Как это понять? Артиллерия на

¹ Шпангоут — поперечное, для жесткости, ребро бортовой обшивки.

Ямайке — только в Порт-Ройале. И что же, Шарке решил устроить бой с целой крепостью? Неужели это хладнокровное чудовище решило развлечься, попугать? Не такой же он дурак...

Больше того, сюда, в глубину трюма, стали доноситься какие-то голоса, что-то протяжное: а-а-а!...

Крэдок, теряясь в догадках, даже встал.

Но вот голоса и здесь! Открыли дверь, осветили фонарем...

— О, он уже на ногах! Распутал веревку. Приготовился — с нами? А шляпа? Где твоя шляпа? Вот она... Надень! (Так с ним, мистером Крэдоком, так грубо не смел до этого разговаривать никто.) Что? Руки?.. Нет, браслеты твои размыкать не будем. Что ж, поухаживаем за королем. Нахлобучим.

— В шляпе решили топить?

— С этим еще успеем. Пошли.

Люк вверх — квадрат дневного неба — ослепил!

Затем, уже на выходе с трапа, ослепило другое... Даже остановился... Остановилось дыхание! Еще бы... Вверху, на бизань-гафеле, сразу два флага — Британии и пиратского «Веселого Роджера». Символ добропорядочности над символом злодейства!

Толчок в спину! На палубу...

И здесь: над капитанским вымпелом — британский флаг!

7

После трех суток пребывания во мраке, в полной оторванности от всего, невозможно понять, что здесь, на свету, происходит. Идут сдаваться властям? Но — помиловать этих? Нет, прав тот военный капитан: голову самого Шарке нельзя доверить даже виселице, и он готов ее засушить на бушприте¹ своего корабля.

Пока же вот он, Шарке, в окружении вестовых (барк слишком большое судно, чтобы приказания, отдаваемые капитаном под грот-мачтой, услышали парусные команды фока и бизани).

Впереди, на берегу, — белая россыпь домов Порт-Ройала, серый прямоугольник казармы, красно-кирпичные форты крепости. Над последними то и дело вспыхивают клубы дыма. Стреляют? Но в бегущих навстречу волнах — ни булька-

нья, ни шипенья ядер... Достать до судна пока еще невозможно.

Все непонятно и здесь, на палубе... Весь левый борт (повернули в правый галс) облеплен теми, кто не участвует в управлении парусами (управляют сейчас с палубы, фалами), и все кричат. Почему так радостно?

Нэд Гэллуэй, квартирмейстер, поставил его рядом с предателем. Тот здесь тоже — изображает какой-то восторг, машет...

А, таки, пришлось обратиться к ренегату:

— Что у вас здесь происходит? Радуетесь палубе из крепости?

Гирд, вместо ответа, махнул в другую сторону.

Там, в проходе из гавани Кингстона, между скалами, двигалась шхуна. Это была, Крэдок сразу ее узнал, шхуна губернатора. Совсем небольшое суденышко, а видно, столько сейчас на нем народу! Кричат, кажется, тоже, но их крики теряются в здешнем оре. Приветствуют? Кого? Мелькают над головами руки, шляпы...

Крэдок вгляделся. Сказать — «протер глаза»... Что?! Не веря, не желая в это поверить... Однако в ужасе начало доходить: встречают его, Крэдока! Неужели? Ну да, видимо, так...

И нельзя было их не понять — то, как они здесь подумали: мол, от этого, черного своего обличья, «Белая роза» сможет очиститься только дома. И даже... еще теперь интереснее им посмотреть на барк после того, как пойманный Шарке — в этом здесь, кажется, уже уверились, — принял его за свой.

Шарке же в этом им только помог — в их уверенности, что его поймали и теперь доставляют на этом, на своем «Счастливом избавлении». Вот, значит, почему так долго и, наверное, как можно ближе к берегу вел он судно вдоль Ямайки: чтобы увидели на его мачтах британские флаги! Чтобы подготовились к встрече. Что ж, подготовились...

И вот уже там, на палубе шхуны, группа (конечно же, это офицеры гарнизона) взорвалась особенно видимым восторгом — наверное, в подзорные трубы, разглядели его, Крэдока...

Шарке (он, чтобы не разглядели его, вскинув к глазам подзорную, стоял под вантами грот-мачты) на эти приветствия отозвался тотчас:

— Нэд, пусть капитан Крэдок помашет им в ответ шляпой!

И тут же услышал Крэдок его другой приказ, с которым вестовой помчался вниз, к артиллеристам:

¹ Бушприт — брус для закрепления носового паруса судна.

— Без команды — не стрелять! Амбразуры откроем, только если не удастся подойти для абордажа. — И опять этому своему квартирмейстеру: — Нэд, если зацепимся, губернатора беру на себя!

В Крэдоке все заледенело!

Барк, хотя и в галсах, продвигался вперед — а главное, легко и радостно мчалась вперед шхуна. И — Эдварда Комптона, его крупную, в красном плаще, фигуру Крэдок уже различал среди офицеров. Шляпу губернатор то ли снял сам, то ли ее сорвал ветер — огненно-рыжая голова победно высилась над частоколом офицерских фигур (петухи всегда о своих победах горланят на заборах). Но ведь он, сэр Эдвард, он, губернатор! И сделал он все, чтобы осуществился его, Крэдока, план поимки пирата Шарке. Сейчас же, по этому же плану, пират может пленить его самого. Губернатор — пленник Шарке! Такое станет вершиной славы этого всесветного разбойника! Что же делать? Руки — связаны, держат за локти... Крикнуть? Но там слышат лишь этот их ор...

А вот голос сзади, от грот-мачты, жестяной голос Шарке, услышал не только его квартирмейстер:

— Нэд! Что-то там засомневались, взялись за фалы... Почему он у тебя не приветствует? Воткни в него сколько надо... Чтобы помахал шляпой.

Нэд выхватил свой нож-кинжал. Тут Крэдока осенило:

— Чем же? Браслетами этими махать? Смогу!

И оказался прав: во всей этой кутерьме Гэллуэй не взял ключ от наручников. А время ли за ним бежать в каюту?

— Сейчас — помашешь, — осенило и его, квартирмейстера. — Расставь руки, натяни ремень...

Едва успел он, Нэд Гэллуэй, разрезать на руках Крэдока ремень... От взмаха этих могучих рук отлетели в стороны и он сам, и те, кто на время этой операции отпустил руки пленника.

«Взлетел! «Взмахнул! Вскочил!»

Каким образом Крэдок вскочил на фальшборт? Такое можно объяснить разве что бешен-

ством, какое подчас преображает даже слабого, неловкого человека. А уж — Крэдока!

Но и вопрос: сколько времени можно просто-мя на отнюдь не широком поручне фальшборта?

Крэдок простоял на мгновение больше, чем потребовалось всем онемевшим от неожиданности на барке прийти в себя.

Онемели и на шхуне, увидев капитана Крэдока стоящим на фальшборте с какими-то обрывками на руках. То есть простоял Крэдок ровно столько, чтобы в наступившей тишине успеть крикнуть:

— Берегитесь! Это — барк Шарке!

И, согнув (спружинив) ноги в коленях, оттолкнулся от фальшборта так, чтобы оказаться как можно дальше от корпуса судна.

Нет, конечно, участь его, Стивена Крэдока, была предreshена. Пираты готовились к бою, мушкеты уже были у их ног — да и в кого им теперь оставалось стрелять? Ведь тем, на шхуне, Крэдок все если не сказал, то — показал... Фалы, которые там еще держали матросы в нерешительности, немедленно были задействованы для поворота парусов. И — повернули штурвал!

Между тем Шарке спас свой барк! Если бы и он сейчас заразился захватившей всех страстью застрелить беглеца (однако ведь и не сразу попали в того, кто, хлебнув воздуха, опять и опять плыл под водой — сначала расстреляли слетевшую с его головы шляпу), если бы он, Шарке, допустил продвижение судна хотя бы еще на два-три кабельтовых (в поле досягаемости пушечного огня), то в крепости опомнились бы от такой превратности и начали бы стрелять уже не холостыми. Однако капитан Шарке не только умел держать себя в руках (поражаясь его хладнокровию, вспоминали холодную рыбью кровь), но и обладал реакцией акулы (хотя бы и рыбы тоже): парусная команда грот-мачты тотчас услышала его самого, а к фок-и бизань-мачтам помчались вестовые...

Впрочем, развернуться еще быстрее удалось потому, что судно поворачивало в очередном галсе.

Окончание следует.

О переводчике. Юрий Сенчуров после окончания Литературного института и до своего шестидесятилетия — литературный редактор в издательстве «Художественная литература», в редакциях журналов «Огонек», «Октябрь». Его переводы и статьи — в составленных им собраниях сочинений иностранных писателей. Пишет и для детей.

Составление и перевод с английского
Юрия Сенчурава

Эльчин ЭФЕНДИЕВ

Окончание. Начало в № 5, 7, 8, 10, 11, 12 за 2017 год, в № 1, 2, 3, 4 за 2018 год

Автор посвящает этот роман
памяти Ильеса Эфендиева

ГОЛОВА

Рисунок Марины Медведевой

РОМАН

... **В** том видимом измерении была полночь. Держа в каждой руке по пистолету, майор Лисаневич вбежал в залитый лунным светом двор летней резиденции Ибрагим Халил-хана и, открыв огонь по растерявшимся от внезапности охранникам, челяди, крикнул:

— Стреляйте в них!.. Рубите!.. Этим предателям нет пощады!.. Рубите их!..

Заполнившие вслед за Лисаневичем двор солдаты, войдя в раж, расстреливали, пронзали штыками проснувшихся, мечущихся в ужасе по двору, коридорам, лестницам, молящих о пощаде мужчин, женщин, детей.

ОН не хотел слышать плач детей, вскрики женщин, но это от НЕГО не зависело, плачи, эти вскрики стали откровенно душить свободу, самостоятельность ЕГО бесплотной и невесомой субстанции, словно хотели вывести, выволить ЕГО из этой бесплотности и невесомости. Но ОН ничего не мог поделать.

Майор Лисаневич стремительно взлетел по ступеням лестницы, ворвался на веранду второго этажа.

Вышедший из спальни в ночной рубашке Ибрагим Халил-хан оказался лицом к лицу с майором Лисаневичем.

Мелкие, серые, еще большие посеревшие при лунном свете глаза майора, казалось, готовы испепелить хана. «Ну что, старый лис, — крикнул он дрожащим от ярости голосом, — это ты тайно призывал Аббаса Мирзу в Карабах? Ну и как? Думал, что я не прознаю, подлец?! Где теперь твои Каджары?! Где Фатали-шах? Отчего они не придут и не спасут тебя?!»

И майор Лисаневич, не дав открыть рот хану, чьи глаза от ужаса, казалось, готовы выскочить из орбит, одним выстрелом уложил Ибрагим Халила на землю и, глядя на хрипящего и истекающего кровью хана, сказал:

— Ну как? Как поживаешь, наш новоиспеченный генерал-лейтенант? Поглядите на этого нашего генерал-лейтенанта! Получай!

И майор Дмитрий Тихонович Лисаневич выстрелил из второго пистолета прямо в сердце Ибрагим Халил-хана...

...Затем ОН медленно вернулся в свою бесплотную и невесомую субстанцию, и в ней родилась трепетная надежда, что смысл всего происшедшего прояснится позже. Если какая-то сила притягивает ЕГО к себе, ОН обязательно туда (куда?) полетит, тогда там все и прояснится. Но то видимое измерение не отпускало ЕГО, словно не желало, чтоб все стало ясно, однако...

...Но только там (где?) будет ли все ясно?..

Фатали-шах, мягко ступая, приблизился к спальне, а евнух, что стоял у входа, устремив желто-зеленые, напоминающие кошачьи глаза, как всегда, ждал указаний властителя, но еще до того, как шах открыл рот, опыт долгих лет подсказал скопцу: шах задумчив и эту ночь проведет один.

И правда, приблизившись к дверям, не глядя, буд-то и нет такого существа, как евнух Абдул Рахман, шах бросил как бы в пустоту:

— Буду спать один. — Затем, чуть придержав шаг и добавив: — Пусть с утра Акбари-Азербайджани будет здесь и ждет моих указаний! — прошел в свою спальню.

Да, таковы grimасы судьбы, вот и конец Наместнику Цицианову.

И в эту зимнюю ночь он вытащил из кармана своего шелкового халата Коран — поцеловал, поднес, по обычаю, книгу к глазам, положил ее под подушку — этот небольшой, в ладонь, Священный Коран, переписан Сеидом Мир Багиром Шабрани — любимым переписчиком Ага Мухаммед-шаха Каджара, и подарен самим шахом Баба-хану; со дня восшествия на престол Фатали всегда носил его с собой, а ложась спать, клал под подушку.

Да, мир полон подобных неожиданных поворотов, ибо сам этот мир — изначальная тайна.

В эту ночь — всего полчаса назад — гонцы Аббаса Мирзы привезли весть: Гусейнкули-хан организовал у ворот Бакинской крепости покушение на Цицианова и отправил отрезанную голову Наместника в Тегеран.

В Тегеран, то есть к нему — Фатали-шаху.

Шах, не раздеваясь, присел на краешек ложа.

Игра теней от свечей на столе посреди комнаты отражалась на стене, и сидящий напротив Фатали-шах, глядя на блики, никак не мог понять, как Гусейнкули-хан, человек по нраву опасливый, осторожный, как гусь, из тех, что, как говорится, обжегшись на молоке, дует на воду, мог решиться на столь страшное дело? Весьма возможно, что Гусейнкули-хан поставлен перед фактом своими же приближенными, но как бы то ни было, подобное коварство — сначала объявить, что принимает российское подданство, всячески уверять Наместника в безопасности, а затем организовать на него покушение, — не к лицу Гусейнкули-хану.

А где были мозги Цицианова, что он отправился за ключами Бакинской крепости один, без сопровождения? Причина, конечно же, не в клятвенных заверениях Гусейнкули-хана, истинная причина — в чванливости, безудержной надменности, спеси, но главное то, что Наместник глядел сверху вниз, чуть ли не с седьмого неба, чуть ли не как небожитель на все ханства по ту

сторону Аракса, на грузинских принцев, дагестанских царьков, в целом на весь люд Кавказа.

Будешь глядеть сверху вниз — таким и станет твой конец!

Но что даст смерть Цицианова, неужели русские, как и тринадцать лет назад, выведут войска? Фатали-шах улыбнулся этой простодушной мысли: за три с половиной года Наместник сотворил на Южном Кавказе такое, что хоть мир перевернется, но Россия не станет отводить войска. Цицианов присоединил к России, можно сказать, почти весь тот берег Аракса, разве Александр такой, как его покойный отец, недоумок, чтобы вывести войска? Нет, Александр отнюдь не безумен, одна надежда, что новый Наместник окажется беспомощней, слабей, не таким хватким, решительным и дерзким, как убитый Цицианов.

В то время, ровно семь месяцев назад, в весенний день Фатали-хану сообщили, что его тесть — Ибрагим Халил-хан, приняв российское подданство, сдал Карабахское ханство Цицианову; он воспринял эту недобрую весть, как и другие подобные новости, внешне хладнокровно, чего только не происходило в последнее время, но внутренне был потрясен. Северный Кавказ, как и Грузия, уплывал из рук, принятие Карабахом после гянджинских событий российского подданства откроет настежь, без сопротивления, ворота и других ханств — в этом Фатали-шах нисколько не сомневался, и его предположение подтвердилось. Не прошло и месяца, как подобострастно приняло российское подданство Шекинское ханство, безо всяких условий Мустафа-хан вручил Цицианову Ширван, и то, что вскоре Бакинское ханство так же безропотно падет в объятия русских, было ясно Фатали-шаху как божий день: Гусейнкули-хан не станет, подобно незабвенному Джавад-хану, бодаться с русскими.

Разумеется, подобное малодушие и ненадежность азербайджанских ханов сказывались на Фатали-шахе, он гневался, порой даже выходил из себя, впрочем, что могли поделать ханы? Они оказались лицом к лицу с таким исчадием, как Цицианов. Судьба Джавад-хана черной горой висилась над ними — на видимую гору проводник не нужен, — они видели и то, что русская армия более современна, дисциплинированна, ее управляемость более совершенна, и каким способным бы ни был Аббас Мирза, в какие тяжкие ни пускался бы, ему не совладать с русской армией. Сила надломит.

Если бы эти мысли произнес кто-то иной, Фатали приказал бы вздернуть его на виселице как предателя и изменника Родины, сам же все отлично понимал... Но что делать? Вытянуть руки по швам и ждать, когда русские перейдут и на этот берег Аракса, подомнут и его под себя?

Франция и Англия схватились друг с другом не на шутку, но в отношении к России они едины: стараются вовлечь его, Фатали-шаха, в войну с Россией. Будто Фатали не понимает, что и Англия, и Франция делают это не из любви к его серым глазам, всяк играет свою игру, дудит в свою дуду. С одной стороны, каждый хочет видеть в России союзника, с другой — исподволь стараются перегрызть горло русскому медведю. Все это им, Фатали-шахом, прочитывается спокойно, но что поделять, он тоже старается, используя Европу, преградить путь русской армии. Впрочем, где то вооружение, боеприпасы, снаряжение, что щедро обещали и французы, и англичане?

Правда, четыре года назад Фатали-шах, подписав договор с Англией, получил от нее немало оружия и снаряжения, якобы для противостояния афганским племенам, совершающим набеги на Индию, но русские отлично знали, что на том берегу Аббас Мирза воюет именно этим английским оружием. Верно, тем самым оружием Аббас Мирза стремится защитить интересы своего государства, но одновременно, желает того или нет, служит и интересам Англии в Индии.

Это политические игры — пусть будет так, но и оружие устаревает, выходит из строя, у Европы нынче своих проблем выше головы, она не снабжает ни оружием, ни боеприпасами, сейчас этим арсеналом европейцы уничтожают друг друга. Наполеон осыпал ядрами всю Европу, но даже если это было не так, он, Фатали-шах, совершенно убежден, что европейцы не протянут настоящую руку помощи, ибо они более жадные, чем русские, сами, небось, зарятся на Каджарское шахство, всячески стараются втянуть Фатали в войну с Россией, чтобы и Россия ослабела, и перешибло дыхание самому Фатали-шаху.

Но и без их науськиваний у Фатали нет иного выхода, чем ввязаться в войну, а вот ее-то он явно проигрывал, и главная причина — отставание, в том, что не способно идти в ногу со временем. Современные открытия — те, что позволяют год от года обновлять все, начиная от ружей и пушек, кончая кораблями, создавать мощные армии, что ведут нацию вперед, — совершались в Европе. Даже то, что когда-то было изобретено на Востоке, нынче, совершенствуясь, применяется Европой, — обо всем этом Фатали-шах размышлял с болью в сердце. Сегодня Европа, и в первую очередь Наполеон и Англия, стремятся перекроить карту мира. Англичане вслух не говорят об этом, но опасаются продвижения России на Восток, вдруг те доберутся до Персидского залива, Индийского океана, так можно потерять и Индию. Думаешь, Наполеон не мечтает о захвате Стамбула? Хотя провозглашает: «Радости и печали Османов — радости и печали Франции». Фатали-шах и тут был совершенно

уверен, что на деле в планах Наполеона — взятие Стамбула, проникновение в шахство Каджаров, а затем и захват Индии, — об этом он ни от кого не слышал, но о многом говорила интуиция. У него и в Англии, и во Франции имелись платные агенты, в основном обедневшие английские и французские аристократы, но присылаемая ими информация часто бывала ложной, недостоверной, хуже того — примитивной.

Правда, после того как Наполеон объявил себя императором, Султан Селим не только признал этот факт, но даже указом осчастливил корсиканца саном падишаха, — Фатали-шах улыбнулся одними губами, конечно, это было смешно, — но что мог поделаться Султан Селим? В этом году после договора¹, подписанного Османами с французами, Франция стала соседствовать² с Османами, и Фатали-шах не сомневался, что если Франция подтянет к границе войска, то Наполеон не только не защитит Султана Селима, но в любой момент может, перейдя границу, пойти походом на Стамбул. Что с того, что Селим — враг? Он человек умный, все понимает хорошо, поэтому вынужден делать, что скажет Наполеон. Селим не случайно взялся за реформы, но чем это кончится? Бог его знает! И Осман³ начинал проводить в армии проевропейские реформы, но приближенные сами свергли, бросили его в темницу Семи башен, затем, прикончив, торжественно предали бедолагу земле в мечети Султан Меджида, а те реформы пошли по ветру.

Но на свете происходят такие неожиданные события...

Фатали-шах все сидел на краешке кровати, глядя на блики на стене от горящих в серебряном подсвечнике свечей, раздумывая, как все же странна жизнь. Голову Наместника Цицианова, которого он ни разу не видел, но чье имя все эти три с половиной года слышал едва ли не каждый день, везут к нему... Гусейнкули хочет продемонстрировать, доказать свою верность, но и Фатали, да и сам Гусейнкули отлично знали, что в мире политики слово «верность» не стоит и ломаного гроша, в мире политики нет понятия верности; в политике человеку, который не знает этого и, ударяя себя в грудь, восклицает: «Я — верный!», делать нечего.

Да, русская армия современна, дисциплинирована, имеет совершенную управляемость, но мог явиться командующий, который свел бы все это на нет, а мог быть прислан полководец, такой как, например, Цици-

¹ Имеется в виду заключенный в 1806 году между Францией и Османской империей Пресбургский договор.

² После Пресбургского договора Хорватия и Далмация вошли в состав Франции, таким образом, Франция и Османский султанат стали соседями.

³ Речь идет о Султани Османе II.

анов, кто умело и со знанием дела использовал эти преимущества. В день, когда Фатали-шаху сообщили, что и Ширванское ханство приняло российское подданство, он, будучи человеком верующим, но совершенно равнодушным к любому суеверию, больше того, считающим магов и колдунов мошенниками, внезапно вспомнил евнуха Абдул Рахмана: тот рассказывал о чудесах, которые творит некий человек, преподающий в одном из тегеранских медресе, — будто никто не может противиться его колдовству, его заговоры, словно точно пущенные в цель пули, разбивают все происки дьявола, если прицелился — нет сомнений, угодит в десятку.

И Фатали-шах, сам того не ожидая, — вероятно, это было результатом внутреннего потрясения, — словно гневаясь, мстя самому себе за то, что дела в Северном Азербайджане достигли такого предела, потребовал к себе евнуха:

— Как звали того учителя, который, как ты говорил, способен на различные чудеса?

В минуты внутреннего напряжения Фатали-шах часто говорил не на фарси, он переходил на азербайджанский, вот и на сей раз задал вопрос по-азербайджански.

— Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани, — тоже на азербайджанском, запнувшись — у него пересохло горло, — ответил евнух.

Скопец хорошо знал, что подобные внезапные вызовы и вопросы часто добром не кончаются.

Фатали-шах, глядя прямо в желто-зеленые, напоминающие кошачьи глаза евнуха Абдул Рахмана, приказал:

— Скажи, чтоб привели его ко мне.

И в тот же день Фатали-шах некоторое время молча разглядывал невысокого, тщедушного — кости да кожа — голубоглазого человека, преподавателя медресе, Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани, затем — и на сей раз по-азербайджански, спросил:

— Говорят, своими заговорами ты способен преодолеть любые происки дьявола. Это так?

— Верно говорят! — ответил с не соответствующей его телосложению жесткой уверенностью Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани.

Этот человек впервые в жизни оказался во дворце, впервые лицезрел сурового шаха, но ни на его лице, жестко обтянутом кожей, ни в голубых глазах не было и намека, что он тушует, робеет, и эта его незави-

симось говорила: его способности — не чепуха, не вздор, на самом деле все куда серьезней.

Фатали-шах, как всегда сузив глаза, еще раз внимательно посмотрел на приглашенного:

— Как ты думаешь, врагом нашего государства движет воля дьявола?

— В этом не сомневайтесь! — с той же решимостью отвечал Мирза Мухаммед.

— Ты слышал имя Наместника Цицианова?

— Будь он трижды проклят! Как не слышать?

— Его... — Фатали-шах сделал паузу, словно в этот момент сам застыдил за себя и за слова, что произнесет, добавил: — Сможешь, заговорив, устроить его смерть?

Не успел Фатали-шах произнести эти слова, как Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани выпалил:

— Сделаю так, что ему отрежут голову!

Воцарилось молчание, казалось, быстрые и решительные ответы и сам вид этого преподавателя бог знает какого захудалого медресе создали атмосферу какой-то растерянности, и наконец Фатали-шах спросил:

— А как ты сам ценишь собственную голову?

— Да, — снова мгновенно ответил тот. — Мне дорога моя голова.

Фатали-шаху подумалось, что рука этого человека, вероятно, крепче, сильнее его хилого, тщедушного тела, и он спросил:

— Что тебе для этого необходимо?

— Мне надо сорок дней, больше ничего.

Фатали-шах, еще больше сузив взгляд, снова испытующе глянул на Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани, затем с особым ударением спросил:

— Говоришь, больше ничего?

— И еще, пусть в эти сорок дней никто не встречается в мои дела. Я отправлюсь в город Рей и сорок дней пробуду там, в мечети Шах Абдул Азима. Главное, пусть никто не вмешивается в мои дела. Все!

— Все?

— Да, все!

Фатали-шах снова внимательно зыркнул на преподавателя медресе:

— Знаешь, у меня хорошая память!

— И у меня тоже, — ответил Мирза Мухаммед, и в этот момент евнух Абдул Рахман, стоящий поодаль, еле удержался, чтоб не приблизиться и, потянув за подол, не сказать грубияну: «Эй ты, чурбан, сын чурбана, что себе позволяешь в присутствии самого шахиншаха?»

В ту ночь Фатали-шах спал очень беспокойно, то дремал, то просыпался, и в этом состоянии, между сном и бодрствованием, перед его глазами стояло лицо — кожа да кости — Мирза Мухаммеда и его голубые глаза. Еще с ранней юности Фатали-шах — тогда он

еще звался Баба-ханом — пролил столько крови, по его повелению было казнено столько людей, вздернуто на виселице, но никогда он не переживал подобного, как в эту ночь, смятения. Он совершенно не верил, что Мирза Мухаммед посредством магии, колдовства, заговора сможет покончить с Наместником Цициановым, и у него возникло такое чувство, будто, призвав к себе этого тщедушного, никчемного человечка, он совершил нечто непотребное, погрузился в какие-то нечистоты.

Стыд от того, что он заказал этому голубоглазому существу смерть Наместника Цицианова, унижал его в собственных глазах. И, желая преодолеть это чувство стыда, он подумал, что через сорок дней, сказав «Вот и все!», несмотря на все отговорки и оправдания этого преподавателя медресе, осмелившегося плутовать в присутствии самого шаха, прикажет вздернуть его на виселице, чтоб это было уроком невежественному люду, да чтобы и скопец тоже не позволял себе нести подобную ересь.

Дело не в том, что он заказал убийство Наместника Цицианова, а в том, что Священный Коран повелел: «Нельзя несправедливо казнить людей, чью казнь Всевышний сочтет за грех, будь то мусульманин или иноверец»¹.

За Наместником Цициановым числилось столько грехов, что снести его голову никак не могло считаться грехом, но то, что правитель такого большого государства, самодержец такой страны — Фатали-шах — прибег к помощи какого-то колдуна, проходимца, опустился на его уровень, конечно же, никак не красит его.

После беспокойной ночи занялось новое утро, повседневные заботы и хлопоты государства увели в непроглядную недостижимую даль то чувство огорчения и постыдности. Фатали-шах отправил евнуха к Аббасу Мирзе — никто, кроме него, не доложил бы обстоятельно о положении на том берегу Аракса, а тщедушный человек вспомнил ему только раз, когда местные соглядатаи сообщили, что Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани занимается в Рее в мечети Шах Абдул Азима богослужением, часто удаляется в какую-нибудь келью, отрывает головы восковых фигур и из-за страха перед шахом никто не смеет прогнать его из мечети.

Теперь прошло не сорок, а тридцать с чем-то дней, и к нему, к Фатали-шаху везут не самого Наместника, а его голову.

Фатали-шах встал, вышел из спальни. Увидев его, охранники вытянулись, ожидая указаний.

¹ Имеется в виду 151-й стих суры Корана: «Не приближайтесь к явным или скрытым худым делам. Не допускайте смерть существа, которую Аллах сочтет грехом (не казните невинно мусульман или иноверцев)».

Иногда, особенно в последнее время, Фатали-шах мог внезапно, посреди ночи, явиться из спальни, чтобы проверить бдительность охраны, но в этот раз он не вернулся к себе и, не дожидаясь утра, отправил гонцов в Рей, чтобы нашли Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани в мечети Шах Абдул Азима и привезли к нему.

Когда этого тщедушного голубоглазого человека снова ввели в тронный зал, от внимания Фатали-шаха не ускользнуло, что внезапный ночной вызов обескуражил Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани, тот явно был в смятении. И подобная обескураженность, смятение никак не увязывались с его уверенностью и заносчивостью во время первой их встречи.

— Ну, говори, я слушаю! — сказал Фатали-шах.

Мирза Мухаммед уже не скрывал своей растерянности:

— Ведь еще не исполнилось сорока дней... — сказал он взволнованно. — Я же говорил, что результат будет через сорок дней. Прошло всего тридцать четыре дня.

Этот человек и знать не знал о судьбе Наместника Цицианова! Он и ведать не ведал, что Голову уже везут в Тегеран.

Фатали-шах помолчал, и, не зная, как расценить это молчание, Мирза Мухаммед с явным страхом в голосе произнес:

— Еще рано! Я не закончил свою работу...

Фатали-шах встал с трона, сказав «Можешь идти!», и покинул тронный зал.

Шах повелел не трогать Мирзу Мухаммеда, только выдворить из страны. Рассказывали, что он устроился в Самарканде и прославился там как крупный маг и чародей.

А в Тегеране люди меж собой судачили, что, опасаясь магических чар Мирзы Мухаммеда, Фатали-шах навсегда удалил его из Ирана.

* * *

Заснеженные сибирские поля окутала вьюга...

Ветер поднимал с земли снежную россыпь, бил в лицо вытянутых в вереницу, словно утиная стая, закованных в кандалы, одетых в тряпье узников, сопровождаемых конными конвоирами.

Один из узников, чьи длинные космы слились с бородой, а брови и ресницы тоже заляпаны снегом, на минуту придержав шаг, подняв голову, голосом, напоминающим волчий вой, крикнул: «Я — Атилла», и эхо его крика в том видимом измерении слилось с завыванием вьюги.

И в тот же миг подскакавший конвоир огрел его кутом по спине: «Пошел!.. Пошел!..»

И ЕГО память тотчас, конечно же, узнала того узника: тринадцати-четырнадцатилетний племянник Гусейнкули-хана, стоя в стороне, наблюдал за учебой солдат на плацу Бакинского гарнизона, и начальник гарнизона генерал-майор Цицианов читал в глазах внимательного юнца интерес и откровенную ненависть, но, не желая обижать Гусейнкули-хана, не стал прогонять его любимого племянника — Махмуд-бека...

Закованный в кандалы Махмуд-бек снова придержал шаг, подняв голову к небу, тем же голосом, напоминающим волчий вой, крикнул: «Я — Божий бич!»¹, и эхо того крика слилось с порывом вьюги заснеженных сибирских полей.

Едущий впереди, явно начальник конвоя, обернувшись к конвоиру, что был ближе других к Махмуд-беку, крикнул: «Заткни глотку этому безумцу!.. Слышишь?! Заткни ему рот!..»

На сей раз конвоир огрел Махмуд-бека по спине уже дважды: «Хватит!.. Сказано тебе — не вой!» — а в третий сзади ударил Махмуд-бека по темени...

25

Баяти, что распевали на празднествах, свадьбах в Тегеране ашуги:

Живы в древних городах
Дух Шеки, Ширвана шах.
Тегеран, да будь он раем,
Краше рая Карабах.

Перевод Аллы Ахундовой

Это было любимое баяти живущих в городе азербайджанцев, не только их, но и не очень хорошо владеющих азербайджанским персов, армян, курдов, словом, всех жителей Тегерана. Удивительно, почему это немудреное баяти столь широко распространилось в Тегеране? Может, тоска в нем объяснялась не только тоской по родине, а жаждой спокойствия, безопасности, уверенности в это непростое время, но, конечно, и тем, что его автором была Агабегим — старшая жена Фатали-шаха, которую жители Тегерана называли «госпожой сестрой», и это баяти она пропела как стон, крик души.

События последних лет — возникший после убийства Надир-шаха хаос, жестокая борьба за власть в период правления Зендов — все это осталось в прошлом: Ага Мухаммед-шах Каджар уверенно взял власть в свои

¹ В Европе турецкого полководца и правителя Атиллу, создавшего в V веке нашей эры гигантскую империю от Волги до Рейна, называли Божьим бичом.

руки, наконец-то в государстве установилось относительное спокойствие и относительная безопасность. Но спокойствие и безопасность, после долгих лет гибельных потерь, нужды и страданий не даровали жителям Тегерана любви и милосердия. У Ага Мухаммед-шаха не было супруги, в детстве он был оскроплен Зендами, у Фатали-шаха имелся гарем, а жители Тегерана обрели любовь, сострадание и милосердие в лице дочери Ибрагим Халил-хана — Агабегим, когда, сосватанная Фатали-шахом, она прибыла из Карабаха.

Когда Ага Мухаммед-шах Каджар был убит в Шуше, вернувшийся в свою столицу Ибрагим Халил-хан со всеми почестями и приличествующими траурными церемониями отправил его останки в Тегеран. Фатали-шах остался доволен этим поступком Ибрагим Халил-хана — карабахцы могли проявить неуважение, даже осквернить память его родного дяди, — желая подтвердить прощение, он отправил в Шушу людей, сватаясь к Агабегим, о которой был много наслышан. И Ибрагим Халил-хан был вынужден отправить любимую дочь в чужие края, в Тегеран — во дворец, гнездо интриг и раздоров: что делать, следовало защитить, обезопасить Шушу и в целом Карабах от Каджаров. Тем, что останки Ага Мухаммед-шаха со всеми высокими почестями были отправлены в Тегеран, вопрос не был закрыт. И понимая, в какой ситуации находится отец, Агабегим, всей душой привязанная к Карабаху, не смогла отклонить это сватовство.

Среди тегеранцев ходили слухи — кто знает, правда это или нет? — что Агабегим была влюблена в Мухаммед-бека, сына ее дяди по отцу Мехрали-бека. И эти толки о несчастной любви внесли в отношения «сестры» с тегеранцами особую задушевность. Даже у женщин, втайне, меж собой судачивших об этой неразделенной любви в Тегеране — и стены имеют уши, и эти пересуды могли дойти и до дворца, — влажнели глаза, и они еле удерживали себя, чтобы не заплакать... Эта несчастная любовь «сестры» уже превратилась в устах тегеранцев в прекрасную и трогательную легенду.

Агабегим была опорой и надеждой простых тегеранцев, особенно женщин; каждая, у которой в семье имелся больной, убогий, кто страдал от голода, у кого пропал сын, брошен в темницу муж, чаще обращались с прошениями к ней, нежели к шаху. Она стремилась оказывать посильную помощь всем и часто добивалась своего — шах высоко ценил ее не только за красоту, но и за ум, образованность, сдержанность, рассудительность — ей удавалось отменить чей-то приговор, кому-то помочь деньгами из казны, освободиться из плена, быть помилованным; какой-то счастливчик благодаря ей избегал неминуемой казни. Тегеранцы слышали, что еще девушкой в Шуше, когда ее отец, осерчав на что-то, в ярости приказал сбросить прови-

нившегося со скалы Хазне в каменистую пропасть, она упростила его, спасла бедолагу от неминуемой гибели.

Она была ученицей покойного визиря Ибрагим Халил-хана — известного поэта и политика Моллы Панаха Вагифа, знавшего наизусть все до единой суры Священного Корана, пишущего стихи не только на азербайджанском, но и на фарси. Агабегим, изучив в совершенстве арабский, французский, русский языки, переписывалась с супругой Наполеона Жозефиной и с супругой императора России Александра Елизаветой. Ее Величество Елизавета в одном из посланий Агабегим писала: «Моя уважаемая госпожа, Ваша одаренность — путеводная звезда судьбы шаха». Все принцы Каджаров, да и отпрыски азербайджанских ханов, знали, что деспотичный Наместник Цицианов ни за что не хотел отпускать попавшего в плен на том берегу Аракса к русским Гасан-хана — брата эриванского хана Мухаммеда, и только после того, как Агабегим обратилась с письмом к Елизавете, Гасан-хан был освобожден. И о другом случае передавали из уст в уста: в Тегеране был арестован и брошен в застенки некий ботаник Андре де Форш, прибывший из Парижа. Он собирал в степях и на холмах различные цветы и растения. Его заподозрили в шпионаже, и он ожидал своей казни, но к Агабегим обратилась, по слухам, известная во Франции мадам де Сталь, она подтвердила письмом, что Андре де Форш на самом деле является известным в Европе ученым-ботаником, просила не пожалеть усилий для его освобождения. Французский посол Франсуа де Лафонжен — его родной брат Жерар де Лафонжен работал в посольстве Франции в России и был своим человеком во дворце Александра — во время встреч с шахом несколько раз покорнейше просил освободить ботаника, даже передал специальное письмо министра иностранных дел Франции, князя Талейрана. Но Фатали-шах, несколько не доверявший послу, зная, под какими личинами могут скрываться шпионы, больше года держал ученого в заточении, и этот несчастный француз — являлся ли он шпионом или нет — был освобожден после просьбы мадам де Сталь к старшей жене шаха. Выйдя из темницы, боясь открыть глаза от слепящего света, до самого отъезда в Париж, ученый, плача, повторял:

— Je vous remercie beaucoup votre majeste, Agabeyim Aga!.. Je vous remercie beaucoup votre majeste, Agabeyim Aga!..¹

С Андре де Форшем связана еще одна занятная история: придя к Агабегим перед отъездом попрощаться, он сказал, что очарован ее стихами, хотел бы издать их в Париже и будет предельно благодарен, если она передаст ему небольшую их подборку.

¹ Я весьма и весьма благодарю вас, ваше величество, госпожа Агабегим (фр.).

— Господин де Форш, — сказала Агабегим, — насколько я знаю, ваш народ любит петь, танцевать, смеяться. Не верю, чтоб мои стихи им понравились, в них они не найдут ничего оптимистичного.

— Ваше величество, осмелюсь сказать, что наш народ любит не только оптимистические стихи. Он умеет ценить истинную поэзию, и я абсолютно уверен, что ваши стихи найдут дорогу к сердцу французского читателя.

Агабегим сама сделала подстрочный перевод выбранных ею стихов, вручила ботанику и через пять-шесть месяцев получила новое письмо от мадам де Сталь, где, поблагодарив ее за усилия по освобождению Андре де Форша, писательница добавила: «Ваше величество, я посылаю Вам только что напечатанные стихи Андре де Форша. Он писал эти стихи, будучи в заточении в Тегеране. Я несколько не сомневаюсь, что Вы почувствуете тонкую печаль, мастерски воспроизведенную в этих прекрасных стихах, высоко оцените их поэтичность. Прочтя в печати эти стихи, я сразу же решила послать их Вам, чтобы Вы знали, что способствовали освобождению не только большого ученого-естествоиспытателя, но и выдающегося поэта. За это я выражаю Вам свою глубокую благодарность и признательность».

Прочтя стихи Андре де Форша, Агабегим увидела, что это те же самые стихотворения, переданные ею французскому ученому, он только зарифмовал подстрочники. Агабегим не стала никому, и в первую очередь Фатали-шаху, говорить об этом, но и отвечать мадам де Сталь тоже не сочла нужным.

Во время переговоров с европейскими политиками и военными, желая многое хранить в тайне даже от дворцовых толмачей — время такое, что никому до конца верить нельзя, — Фатали-шах часто привлекал в качестве переводчицы свою жену Агабегим. Ее манеры, поведение, четкое знание иностранного языка, произношение, как правило, сбывали скрытую или явную спесь европейских посланников.

...И через пять месяцев после смерти Цицианова в один из летних дней по Тегерану разнеслась страшная весть: русские солдаты Шушинского гарнизона поздней ночью по приказу своего начальника внезапно ворвались в летнюю резиденцию отца Агабегим — Ибрагим Халил-хана, расстреляли, перебили саблями хана, его жену, сестер и братьев Агабегим — 6, 8, 10, 12 лет, других близких родственников, дворцовую челядь¹. Эта

жуткая весть всколыхнула весь город. Люди — мужчины и женщины — группами бросились к ханскому дворцу, выражая сочувствие горю Агабегим. В этом многолюдье было столько траура, печали, сочувствия, что даже охранявшие дворец сарбазы не решились разогнать толпу. С того дня Агабегим проводила большинство времени в небольшой келье склепа святого Касума в Тегеране.

Среди жителей Тегерана бытовала версия, что русские солдаты пришли в ужас от содеянного ими и позже, плача, говорили, что дьявол, околдовав Лисаневича, запер его в подвальном помещении гарнизона, а солдаты, выполняя волю дьявола, принявшего облик майора, растерзали Ибрагим Халил-хана, его жену и детей.

...После того как Гурд Керим привез и сдал Голову, которую умело покрыл воском врач Салахаддин Сальяни, по приказу Фатали-шаха ее хранили во дворце, и умеющий тоже все просчитывать, тонкий политик Фатали-шах думал: кто знает, всякое может случиться, и наверняка придет время, когда надо будет возвращать Голову императору Александру.

Голова тайно хранилась в одной из дальних комнат дворца, вход туда был запрещен, только лишь вернувшийся с другого берега Аракса евнух Абдул Рахман имел право посещать в эту комнату, чтобы проверить, не попортилась ли Голова.

И в одну из ночей Агабегим наконец смогла увидеть Голову.

Несмотря на то, что в анфиладах дворца горели свечи, евнух Абдул Рахман двигался впереди, держа в руке подсвечник с горящей свечой, за ним Агабегим и еще, чуть отставая, двое слуг... Приблизились к потайной комнате, и скопец сообщил сарбазам, стоящим по обе стороны от двери:

— Есть разрешение его величества.

Сарбазы поначалу в замешательстве переглянулись, но, видимо, властный вид Агабегим, да и авторитет евнуха во дворце сделали свое дело — сарбазы расступились, и скопец, вытащив из кармана расшитого блестящими халата ключ, отворил дверь. Хотел было шагнуть в комнату, но Агабегим знаком остановила его, взяла подсвечник из рук скопца, не говоря ни слова, передала его одному из слуг, кивнула головой в сторону двери.

Слуга, войдя в комнату, поставил подсвечник на маленький столик у двери, вернулся назад.

— Я желаю остаться одна, — сказала Агабегим и захлопнула дверь перед носом Абдул Рахмана.

Агабегим скинула на плечи чадру.

Золотые пуговицы ее кумачового платья сверкали при свете одинокой свечи.

Голова покоилась на серебряном подносе на круглом столе посреди комнаты. На нее был накинут шелковый платок.

¹ 21 июля 1906 года начальник Шушинского гарнизона майор Дмитрий Тихонович Лисаневич с отрядом в двести солдат, окружив летнюю резиденцию карабахского хана Ибрагим Халила, удостоенного императором Александром I звания генерал-лейтенанта, в ханском саду в четырех километрах от Шуши предал смерти хана, его жену, детей и слуг — всего 21 человека.

Шагнув вперед, Агабегим сняла платок.

Голова глядела на Агабегим правым, расширенным от ужаса глазом, и левым, в муке прищуренным.

При свете свечи глаза блестели стеклянным.

Агабегим, стоя напротив, какое-то время молча глядела на Голову, затем вдруг опустилась на колени и со страстью, вырвавшейся из глубины души, подняв вверх руки, громким, мученическим голосом так, что натянулись жилы ее нежной шеи, взмолилась, нацелив палец в сторону Головы:

— О, Всемогущий! Он — ни при чем!.. Он только исполнитель!.. Отомсти за Шушинскую бойню его государю! Слышишь меня?! Всю свою жизнь, день и ночь буду молить Тебя, чтобы на глазах друг друга российский император был расстрелян вместе со своими детьми и женой!.. — Агабегим повысила голос — в нем больше повеления, нежели просьбы, мольбы: — И Ты это сделаешь! Ты слышишь меня?! Ты это сделаешь!

Голова, сверкая стеклянными при свете свечи глазами, глядела на Агабегим, словно желая что-то тоже вымолвить. Важное и не менее мучительное.

Агабегим поднялась с колен, взяла подсвечник и стремительно вышла из комнаты. Покрытая воском, невысказавшаяся Голова осталась в одиночестве в этой темной, потайной комнате дворца Фатали-шаха.

Злодеяние, кем бы оно ни было содеяно, никогда не приносит ни удовлетворения, ни тем более счастья ни одной из сторон — даже через века...

* * *

...В раннюю, прекрасную пору весны нежный, хрупкий, желтогрудый соловей, подлетев к раскидистому тутовому дереву, чьи тонкие зеленые листья только-только стали прорастать, огласил своей прекрасной трелью то видимое измерение.

Впервые за все это время видимое пространство не принесло ЕГО бесплотной и невесомой субстанции какую-то отчужденность или некое внутреннее несоответствие. От страстных трелей того желтогрудого соловья по всей округе стали разливаться волны, на раскидистых ветвях тутового дерева замреяла пьянящая, полная радости аура. Молодые побеги, листья явно вдохновлялись этими чистыми волнами, они окатывали молодые листья радостью.

А ОН ясно видел, чувствовал эту радость побегов, листьев тутового дерева. Чуть ниже ветви, на которой переливался желтогрудый соловей, висел еле выделявшийся на фоне листьев сжатый посередке белый кокон, и казалось, под воздействием прекрасных волн, исходящих от желтогрудого соловья, начинал понемногу шевелиться и этот только что зачатый шелковистый кокон.

Нежный хрупкий соловей внезапно перестал петь и устремил глазенки на грушевидный кокон.

На стенке кокона — похоже, от этого взгляда — образовалась небольшая дырочка, и вылетевшая оттуда бабочка раскрыла крылья.

Красные, кофейные, оранжевые, голубые узоры на ее крыльях, казалось, тоже излучали радость, и бабочка своими яркими узорами улыбалась видимому измерению, в котором она только-только открыла глаза.

Та бабочка, чье существо тоже излучало радость, решила впервые вспорхнуть, взлететь в том видимом измерении. Но в тот же миг соловей стремительно сорвался с ветки, клюнул и — проглотил ее.

И тут же видимое измерение стало стремительно удаляться, удалилось и исчезло. И ОН только позже осознал, что удаляется вовсе не измерение. Это ЕГО самого затягивает неведомая сила. То видимое измерение не смогло ЕГО удержать, у измерения не хватило сил, и ОН полетел...

26

27 ноября 1811 года на основании распоряжения, полученного из Санкт-Петербурга новым верховным главнокомандующим, генерал-адъютантом маркизом Пауллуччи, скорбные останки Павла Цицианова были забраны из каменистого пустыря перед Двойными крепостными воротами, перевезены в Тифлис и торжественно погребены в церкви Священного Сиона, рядом с могилой генерала Лазарева.

Останки не имели головы.

И дальнейшая судьба Головы неизвестна.

1 октября 2014 года — 12 августа 2015 года

Перевод Азера Мустафа-заде

Рубрику ведет
Наталья Якушина

Наталья ЯКУШИНА

Наталья Якушина родилась в 1975 году в Бресте. Сейчас живет в городе Красноармейске Московской области. Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Член Союза писателей Москвы. Член Содружества писателей-выпускников Литературного института. Прозаик и драматург. Организатор Международного драматургического конкурса «ЛитоДрама», семинара драматургов при театре «Школа современной пьесы». Рассказы опубликованы в журналах «Юность», «Русский пионер», «Кольцо А», газетах «НГ-Экслибрис», «Московский комсомолец», различных сборниках. Внештатный корреспондент газет «НГ-Экслибрис» и «Книжное обозрение».

Дорогой Михаил! Решайте сами, куда Вам ехать! Но помните: писатель должен быть голодным и злым!

Недавно я посетила литературный фестиваль «КУБ» в Красноярске и вернулась под впечатлением, ощущения самые приятные и позитивные. Радует, что в Красноярске набирают обороты рестораны традиционной сибирской кухни. К сожалению, они писателям не по карману, поэтому даже не знаю, чем там кормят. Представляются отбивные из медведя, клюква в сахаре...

Мы же ходили за рыбой в магазин «Таежный», который находится недалеко от Литературного музея и от дома, в котором жил В. И. Ленин перед ссылкой в Шушенское. Всякий раз, заходя в магазин, я приветствовала продавщицу и говорила: «Посоветуйте хорошую рыбу, вы всегда мне хорошую советуете». И продавщица, расцветая, советовала рыбу масляную, от которой мы, писатели, были все в восторге, она таяла во рту, а внешне похожа на сало... В очередной раз продавщица уже встречала меня так: «Привет, рыбная душа! Сегодня у нас сиг отличный».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая Наталья! В Корее Северной трудно с едой, в Корее Южной еды переизбыток. Куда Вы посоветуете мне поехать, чтобы найти золотую середину?

Михаил Пак, писатель

В одном из прошлых номеров читатель упрекал меня в том, что я только ем. Ну а как не есть-то... Только железный духом удержится, я не из таких.

Но на фестивале питалась и духовной пищей. Например, была приглашена в качестве члена жюри на финал по сторителлингу в детскую библиотеку. Юные писатели города Красноярска соревновались в сочинительстве и рассказывании историй. И это такие талантливые дети, что когда они вырастут, они не то что потеснят всех нас, современных писателей, они нас сметут с книжных полок. И я хочу представить в рубрике «Кулинариум» сказку про сыр, да не простой, а наверняка санкционный, очаровательного мальчика, который всех членов жюри и зрителей поразили своими харизмой, артистичностью, добротой, мастерством слова и стал одним из победителей конкурса. Жаль, что нельзя в журнале продемонстрировать видео, но, надеюсь, все достоинства Павла Петрулевича отразились в небольшой сказке. Полагаю, этот дебют в журнале «Юность» откроет Павлу дорогу в большую литературу.

Наталья Якушина

ПАВЕЛ ПЕТРУЛЕВИЧ

Гимназия № 1 «Универс», 6 «Д» класс, Красноярск

СКАЗКА ПРО СЫР

В одно кулинарное шоу «Съешь меня» попал сыр с плесенью. Родом он был из Франции и звали его Дор-блю. Его не любили за запах и внешний вид, да и разговаривал он как-то так: «Месье огурец, извольте мнэ спросить, откуда ви родом?» Огурец морщился и катился на резку овощей.

Нравился он, кажется, только ножу. Нож хотел порезать сыр, поговорить с ним. И пока он подбирал парадный костюм, сыр готовился к нарезке.

И вот его понесли на резку. Дор-блю вспоминал, как он лежал во Франции в магазине месье Симелье на

самом видном месте. Все его там любили. Он вспоминал свое рождение, как налили свежее французское молоко, потом добавили бактерий, которые его щекотали...

Шоу начиналось. Все были готовы. Повар уже замахнулся ножом, как вдруг прибежал шеф-повар и сказал: «Стоп, ты какой сыр режешь, я сказал резать ДОН-блю! А ты какой режешь? Брось этот сыр в суп!»

Сыр бросили в кипящий суп. Там он встретился с маслом. Оно сказала ему: «Обнимашки!»

И они растворились, любя друг друга.

Татьяна МЕДИЕВСКАЯ

Татьяна Медиевская — член Союза писателей России, москвичка в четвертом поколении. Окончила МХТИ имени Д. И. Менделеева, Патентный институт, Высшие литературные курсы Литературного института имени А. М. Горького. Работала тренером по фигурному катанию, инженером на строительстве Токтогульской ГЭС, патентоведом в научно-исследовательских институтах и на часовом заводе. Публикуется в журнале «Юность», альманахах и коллективных сборниках. Автор книг стихов, прозы и пьес. Дипломант международных литературных конкурсов.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дать пеструю картину мира несколькими штрихами пытались многие. Иногда удачно, часто — не очень. Хотя есть в жанре этом и свои классики... Писатель Татьяна Медиевская вступает на трудный путь, а мы попробуем поддержать похвальные стремления, отдавая ее зарисовкам целую рубрику.

ЦИРКОВАЯ ЛОШАДЬ

Представление в шапито заканчивалось под несмолкаемый шквал аплодисментов.

Бартабас — владелец и режиссер труппы, статный, за пятьдесят, с гладким черепом, обрамленным пышными бакенбардами, черты лица тонкие, взгляд иссиня-черных глаз пронзительный, весь в черном, — придирчиво оглядывал себя в зеркале, нервно сжимая в руке телефон. Ждал известий из Фонтенбло. Вся труппа артистов и лошадей шествовала по манежу с поклонами.

Вбежал помощник с радостными возгласами:

— Ваш выход, маэстро! Слышите, как неистовствует публика. Мы покорили этих русских! Они просят вас!

— Как я выйду без Зингаро! Я без коня как без ног! — зло выкрикнул Бартабас.

— Маэстро, но публика не знает, что вы всегда на поклонах гарцуете на Зингаро. Возьмите любого коня! Доставьте счастье хотя бы першерону. Какой триумф! Мы гвоздь театрального фестиваля Чехова. Труппа в восторге от усадьбы Коломенское!

Бартабас слушал эту тираду вполуха. Его мысли были заняты Зингаро, чьим именем он назвал конный театр, покоровший весь мир уникальными балетными постановками с лошадьми.

— Повторите для публики финал! — распорядился Бартабас.

Перед гастролями его роскошный вороной жеребец сломал ногу. Бартабас недоумевал, почему на вопрос: «Как Зингаро?» — он получал какой-то невнятный ответ: «Произошло заражение, не заметили, но все под контролем».

Бартабас вспомнил, как все начиналось. Он сбежал из семьи в цыганский табор, а потом появился на Авиньонском фестивале с конем и крысой, выступление странной троицы имело сногшибательный успех, после чего организаторы предложили поставить для фестиваля спектакль.

Послышались финальные звуки оркестра. По манежу под оглушительные рукоплескания вихрем пронеслась убранная цветами цыганская кибитка с невестой. Не успели концы длинного шлейфа фаты белым облаком растаять над свадьбой, как покатились повозка с гробом. Музыка резко оборвалась, как жизнь героев. И вот зазвучал вальс, и уже на манеже с непостижимой грацией, будто нимфы из балетов Петипа, танцует без всадников шестерка лошадей сказочной красоты: нежно-персиковые с золотистыми, пушистыми и легкими, как вуали балетных пачек, гривами и хвостами. Чудесным образом с купола низвергнулся водопад, искрясь и сверкая в лучах разноцветных прожекторов. Зрелище уносило зрителей в мир грез,

счастья и тоски о бренности всего сущего, о краткости жизни.

Телефон маэстро подал сигнал о сообщении: «Конь умер». Бартабас нажал сброс с такой силой, что, казалось, треснет экран, потом размахнулся, чтобы швырнуть телефон об пол, но сдержался и, аккуратно положив его на стол, тупо уставился на свои сапоги.

Вбежал помощник.

— Маэстро, пора!

Бартабас появился на публике, прошел, как робот, по манежу несколько кругов с вымученной улыбкой. Ноги вязли в песке. Он почти оглох от горя и оваций. Бартабас казался себе карликом среди лошадей.

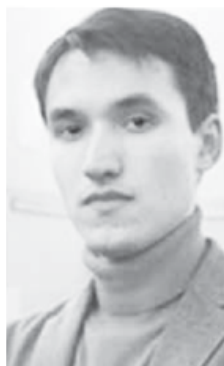
Мысль, что он никогда больше не выйдет на арену с Зингаро, казалась невыносимой, жгучей, отвратительной, тошнотворной. Эта мысль впиалась в него, как змея.

У входа в гримуборную Бартабаса толпилась стайка возбужденных корреспондентов. Маэстро сообщил, что даст только одно интервью, и наугад невидящими глазами выбрал светло-русую красавицу.

Когда красавица вошла в гримуборную, она увидела спину маэстро, сотрясающегося от рыданий. Она нерешительно помялась, кашлянула, но потом вышла, тихо затворив за собой дверь и бросив на прощание:

— Извините...

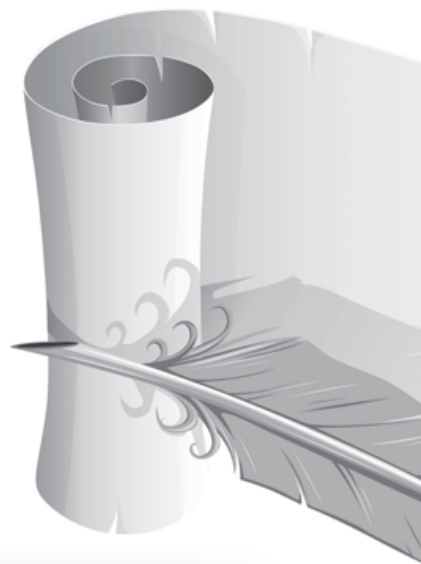
Ратмир ЛУТФУЛЛИН

Ратмир Лутфуллин родился в 1994 году в Санкт-Петербурге. Окончил Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (режиссер кино- и телефильма, педагог); мастерская народного артиста РФ К. Лопушанского.

Художественные фильмы, снятые Лутфуллиным в студенческие годы, были отмечены многими международными наградами, в их числе — первое место на международном кинофестивале в Мадриде, а также включение в шорт-лист студенческого «Оскара» в 2017 году в Лос-Анджелесе.

Профессиональная биография Лутфуллина началась с работы в составе жюри международного кинофестиваля в г. Поградец (Албания). После этого он в течение года преподавал режиссуру художественного фильма в одной из детских киношкол города и в Санкт-Петербургском государственном институте кино и телевидения.

В 2017–2018 годах Лутфуллин работал с разными видеопродакшенами Петербурга и Москвы, снял большое количество музыкальных клипов, рекламных, презентационных, корпоративных и имидж-роликов. В данный момент ведет несколько сценарных проектов, готовится к съемкам художественного фильма.

НЕЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОМАНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Один из самых первых и известных романов в жанре эпического фэнтези — «Властелин колец» — оказал значительное влияние на восприятие и развитие этого жанра во всех культурных сферах: на теле-

видении, в кинематографии, анимации, настольных и компьютерных играх во всем мире. Даже театрализованное шоу на открытии летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 году, рассказывающее краткую

историю Британии, прошло с помощью эпических инструментов Толкина. Наше сегодняшнее представление мрачного, сказочно-волшебного мира в сеттинге условного Средневековья во всем

обязано английскому филологу и писателю.

Но дело даже не в развитии жанра фэнтези. Если рассмотреть роман Толкина вне этого контекста, он все равно остается произведением, оказавшим влияние на культуру в целом. Парадоксально, но ведь непосредственно высоких литературных достоинств у романа нет. Ни для кого не секрет, что Толкин фактически искусственно создал эпос Британии, как в свое время Элиас Лённрот собирал «Калевалу» (карело-финский эпос) и Мухаметша Бурангулов описал уральский эпос «Урал-Батыр». Как произведение художественной литературы, «Властелин колец» вызывает много вопросов у большинства исследователей. По этой причине Толкин не получил Нобелевскую премию в 1961 году, несмотря на многочисленные хлопоты его друга, также писателя, творившего в жанре фэнтези, Клайва Льюиса. Премию в том году присудили югославскому писателю Иво Андричу.

Сам Толкин также называл свой роман лишь поводом, «плацдармом» для большого языковедческого исследования. Множество языков и наречий были созданы автором, в том числе две разновидности эльфийского языка (кенья и синдарин), которые проработаны практически на 100 %, их можно выучить и использовать независимо от книги. Эльфийский язык стоит на первом месте по популярности среди художественных искусственно выведенных языков.

Второй целью Толкина было создание совершенно иного мира, продуманного до мель-

чайших деталей: эпос со своим подэпосом. Языки, мифы, легенды, кухня, застольные песни, анекдоты — эти абсолютно достоверно продуманные элементы делают «Властелина колец» уникальным памятником литературы, притом что художественных достоинств (конфликтов, драматургии, рефлексии героев и пр.) ему недостает.

За счет всех этих деталей (от дизайна пуговицы до собственных легенд о происхождении мира) «Властелин колец» стал идеальным источником для переноса его сюжета в нелитературные формы творчества. Достоверность нуждается в мелочах, их у Толкина очень много. Подробная детализация стоит на первом месте, опережая сюжетообразующие элементы вроде конфликта, событий, перипетий и узнаваний. Известно, что сюжет далеко не всегда базируется на первоисточнике. По тем или иным причинам, руководствуясь законами кино или видеоигр, его приходится видоизменять. И в этом случае в купе с пустым сеттингом связь произведения «А» и «В» абсолютно теряется. У «Властелина колец» другая история: здесь сеттинг важнее истории, именно благодаря ему мир Легендариума хорошо узнаваем (Легендариумом принято называть все литературное наследие писателя, относящееся ко вселенной Средиземья).

Популярность этой культовой книги породила множество подражаний. Множество авторов бросились создавать свои произведения по мотивам вселенной «Властелина колец», так как она открыта для лю-

бых фантазий, притом что ее законы остаются неизменными из поколения в поколение. Так уже почти полвека создаются произведения — наследники Легендариума.

Исходя из эпического масштаба самого романа, любые произведения по его мотивам требуют такого же размаха. Поэтому всегда, когда мы говорим о нелитературном наследии «Властелина колец», мы имеем дело с большим количеством технических инноваций и в целом с дорогим и масштабным производством.

Например, создание нового сериала-приквела к «Властелину колец» от Amazon studios потребует рекордный миллиард долларов.

Первый бум толкинизма пришелся на 1960-е годы XX века, главными его читателями по всему миру стали хиппи. Эскапизм, сказочность, романтизм и беззаветная борьба со злом до последней капли крови — эти принципы «Властелина колец» нашли отклик в сердцах разношерстной публики, которая вряд ли задумывалась над вопросом о том, как должна выглядеть настоящая эпическая сказка. Сегодня мы живем в мире, сконструированном поколением, всецело воспитанном на «Властелине колец». По этой причине, если в XXI веке речь заходит о сказочно-эпическом сеттинге, произведения многих авторов несут на себе явный отпечаток эпигонства. Все они учились на единственном на тот момент источнике.

Например, такие слова, как орк (падший эльф, сказочное существо, схожее с гоблином), варг (чудовищный огромный волк), хоббит

(недомерок с большими мохнатыми ногами), митрил (волшебный и очень прочный металл), стали практически всеобщепотребимыми в контексте любого фэнтези и не только. А придумал их в свое время Толкин.

Получается, что Толкину удалось создать с нуля не то чтобы эпос Британии, но — интернациональный англо-саксонский эпос. Матрица Толкина сегодня принимаются за норму, и далеко не все вспоминают, что абсолютно каждая деталь современного фэнтези была придумана профессором филологии Оксфордского университета.

Становится понятна и причина популярности Легендариума в первую очередь в США, так как Новый Свет фактически, за малым исключением — индейского, не имеет своего эпоса. Зато фэнтези является заменой старинным легендам и мифам.

Роман Толкина стал самым влиятельным литературным произведением XX века, когда речь идет о нелитературном наследии. В этой статье мне хотелось бы раскрыть в отдельности разные пласты культуры, которых бы просто не было в современной для нас форме без романа «Властелин колец» и всего Легендариума Толкина.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Как случается довольно редко, образный ряд фэнтези во многом сформировали иллюстрации первых изданий романов Толкина. Работы сразу нескольких художников сегодня принято считать каноническими, так как впоследствии произведений, основанных

исключительно на рисунках только какого-то одного иллюстратора, не было.

Книжные иллюстрации к работам Толкина уже стали самостоятельным жанром в истории изобразительного искусства. Все они разные, некоторые одобрял сам Толкин. Однако ранние рисунки характерны тем, что все они берут свое начало от традиционной классической английской иллюстрации XIX века.

Считается, что первые иллюстрации были выполнены английским художником Ворвиком Гоублом к роману «Хоббит, или Туда и обратно». Сам Толкин также не остался в стороне от иллюстрирования собственного детища. После Второй мировой войны галерею Легендариума дополнили такие художники, как Грег и Тим Хильдебрандты и, самый известный, Алан Ли. Именно его работы легли в основу эскизов к будущему фильму Питера Джексона «Властелин колец».

Популярность романа в буквальном смысле перешла все границы, породив национальные варианты его издания. Например, в Финляндии иллюстрации к «Хоббиту» выполнила знаменитая писательница и художник Туве Янссон, автор знаменитых «Муми-троллей». Советское издание «Хоббита» иллюстрировал художник Михаил Беломынский. Бильбо Бэггинса он изобразил похожим на актера Евгения Леонова.

В целом иллюстрации строго делятся на два типа: эпические (мрачные, волшебные, с отголосками традиций художников-прерафаэлитов) и детские, для «Хоббита».

АНИМАЦИОННЫЕ ФИЛЬМЫ

В 1977 году вышел мультфильм «Хоббит» (реж. Джулз Басс), в 1978 году — «Властелин колец» (реж. Ральф Бакши), в 1980 году — «Возвращение короля» (реж. Джулз Басс). Художники-мультипликаторы при создании персонажей основывались на творчестве канонических иллюстраторов, авторам фильма оставалось грамотно выстроить нарратив, мизансцены, драматургию и характеры персонажей.

Работы Басса и Бакши весьма различны, но их объединяет общий мрачный стиль мира Средиземья и сюжетная напряженность. Неудивительно, что «Властелин колец» стал первой работой Тима Бертона в качестве одного из аниматоров. Мультфильмам удалось широко представить зрителю весь разнообразный мир Легендариума, позже их наработки лягут в основу будущих фильмов и игр. Поэтому говорить о самостоятельности романа в качестве источника для гейм-дизайнеров не приходится.

Мир Легендариума очень сложный и материально затратный для экранизации или любого иного воплощения, поэтому режиссеры вынуждены были решать большие задачи, требующие настоящего технического чуда для их успешной реализации. Например, во «Властелине колец» Бакши использовал тогда новейшую технику ротоскопии — совмещения рисованного изображения с отснятым на киноплёнку. Таким образом авторы добивались невероятных для

того времени эффектов. Чаще всего это технику применяли для создания массовых сцен сражений.

КИНО

Любопытно, что первая отечественная экранизация Легендариума была воплощена в жизнь в Ленинграде («Сказочное путешествие мистера Бильбо Бэггинса, хоббита» — телеспектакль, 1985 год, реж. Владимир Латышев, «Лентелефильм», СССР). Выбор пал именно на «Лентелефильм», так как эта студия считалась наиболее оснащенной в стране. Спектакль снимался с применением модной тогда рир-проекции, когда во многих сценах актеры играют на синем фоне, который потом заменяется любым другим при помощи компьютера. Стилистически фильм Латышева больше тяготеет к классической советской киносказке, а не к мрачному европейскому эпосу.

Финский телесериал объединил в себе сюжеты «Хоббита» и «Властелина колец». При этом он является наиболее каноническим экранным произведением по Легендариуму, так как остается максимально близок к тексту Толкина («Хоббит, туда и обратно» — телесериал, реж. Тимо Торикка, Финляндия).

Оба фильма объединяет, к сожалению, очень маленький бюджет. Но несмотря на это, картинам удалось оставить след в истории: они стилистически выверены, герои — яркие и запоминающиеся, как и в книге. В ленинградской постановке роль волшебника Гэндальфа исполнил актер Иван Краско. Опыт двух

этих постановок продемонстрировал, что во «Властелинах колец» есть большой кинематографический потенциал, но он требует невероятного, заоблачного бюджета и более свежих компьютерных технологий. Время киноэпопеи Питера Джексона еще не пришло. Но когда оно настанет, новозеландский режиссер многое позаимствует из финского сериала, превратив тем самым свой фильм в настоящий гимн постмодерну. В трилогии Питера Джексона нет абсолютно ничего оригинального, кроме музыки Говарда Шора. В качестве художника режиссер пригласил самого Алана Ли, одного из авторов канонических иллюстраций к книге.

К концу 1990-х «Властелин колец» приобрел статус настоящей легенды. Историю переложили множество раз для кино, мультфильмов и компьютерных игр. Какие-то факты из книги опускались, изменялись, забывались. «Властелин колец» стал настоящим постмодернистским котлом. Желая создать что-то новое по мотивам этого сюжета, авторы уже не могут откреститься от опыта предыдущих постановок. «Властелин колец» стал один из важнейших романов всего XX столетия, потому что он абсолютно интернационален и обладает метасюжетом. А его экранизация («Властелин колец», 2001–2003 годы, реж. П. Джексон, New Line Cinema) смогла завоевать рекордное количество «Оскаров», обозначив новую веху развития кино.

Я склонен считать фильм Джексона прекрасной лебединой песней постмодерна. Как я уже упоминал выше, этот

фильм вобрал в себя абсолютно весь опыт осмысления Толкина. Даже сама манера съемки приближается к документальной, что чрезвычайно важно. Если сравнивать его с другим эпическим произведением, например с сагой «Звездные войны», то это две противоположные истории. «Звездные войны» — космическая опера, практически древнегреческая трагедия, которой надо любоваться в роскошном театре. «Властелин колец» же — это полное погружение в авторский мир. Это — «Илиада», во всех подробностях описывающая кровавые бои на полях Средиземья.

Следующая трилогия Джексона — «Хоббит» — вышла настолько неудачной, что сегодня о ней даже не принято говорить. Для многих остается загадкой, почему при почти том же составе съемочной группы фильм получился совершенно провальным? В этой кинокартине используется гораздо больше компьютерной графики в ущерб реальным декорациям или моделям, из-за чего теряется правдоподобие — главное, о чем следует помнить всем авторам, занимающимся Толкином. «Хоббит» Джексона вышел глянцевым, «вылизанным», кадры словно скопированы со страниц модных журналов. Потому что авторы фильма хотели уйти в сторону красивой сказки, каким изначально и был «Хоббит» до появления «Властелина колец». С выходом второго романа Толкина отношение к «Хоббиту» изменилось, так как он стал приквелом к довольно мрачной истории. Сейчас их сложно воспринимать отдельно друг от

друга — то же самое произошло и с фильмами.

ИГРОВОЕ НАСЛЕДИЕ

Непрямым наследником «Властелина колец» выступила настольная игра «Подземелья и драконы» (1974 год, авт. Гэри Гайгэкс). Это очень важно для понимания значимости «Властелина колец» для игровой индустрии, поскольку сегодня структура «Подземелья и драконов» лежит в основе абсолютно всех фэнтезийных игр в жанре «адвенчура» («приключение»).

«Подземелья и драконы» основываются не на сюжете Легендариума. Игра заимствует только сеттинг мрачного сказочного мира. Произведение Г. Гайгэкса — это настольная игра, где множество участников общения должны спуститься в подземелье, чтобы найти сокровища и победить чудовищ. Это группа воинов разных рас, обладающих разными умениями, заклинаниями и оружием. Отдельный игрок выступает в роли рассказчика и судьи, он ведет игровой нарратив и следит за правилами. Таким образом, каждый спуск в подземелье — это уникальный игровой и сюжетный опыт, истории никогда не повторятся.

Однако история не стоит на первом месте в играх, только если речь не идет о визуальных новеллах того или иного рода. Гораздо важнее в игре — обжить окружающее пространство. И в мире «Подземелья и драконов» встречается очень много от Легендариума. Визуализация героев и чу-

довищ (дизайн пластиковых фигурок) напоминает первые иллюстрации «Властелина колец». Название рас, арсенал оружия и заклинаний также имеют точки соприкосновения.

Пошаговое изучение враждебного фэнтезийного мира, поиск артефактов, система улучшения персонажей, взаимовыручка игроков при совместной игре и боевка — это лишь немногие принципы геймплея «Подземелий и драконов», которые переняли абсолютно все будущие компьютерные игры-адвенчуры. Это прежде всего и элементы механики. Визуальные аспекты игры Гайгэкса также легли в основу всего того сказочного мира компьютерных игр, который мы знаем сегодня, начиная с *The Legend of Zelda* (1986) и заканчивая *Dark Souls* (2011).

Итак, первым переложением «Властелина колец» из области литературы в иную культурную сферу стала именно игра (!), а не фильм. Это говорит о том, что в Легендариуме заложены все ресурсы, необходимые для создания очень качественной игры. Пришло время поговорить об этих ресурсах подробнее. В первую очередь рассмотрим исключительно жанровые литературные особенности эпического фэнтези.

1. Большой масштаб событий и продолжительный временной период

Этот принцип позволяет играм расширять свою вселенную, то есть выйти за рамки оригинального сюжета, что дает возможность создать несколько канонических игр

либо делать неканонические спин-оффы.

2. Множество сюжетных линий

Благодаря этому принципу сюжет игры может стать более разнообразным. В целях достижения единого результата множество героев выполняют те или иные квесты. При сохранении логического и целевого единства мы можем переключаться между персонажами, тем самым осваивая специальные способности каждого из них, изучать новые локации и т. п. Игра не становится монотонной, она оказывается очень событийно насыщенной.

Кроме этого, запускается принцип действия банды, то есть одновременного функционирования группы героев. Это один из элементов RPG-игр, когда один игрок может управлять некоторым коллективом воинов. Используя возможности каждого из них, он должен привести всех героев к конечной цели.

3. Описание превалирует над действием

Создавая эпос, автор в первую очередь продумывает не сюжет, а наполнение того мира, о котором он будет рассказывать. Это очень важно для игры, по сути это ее будущий сеттинг. Толкин фактически писал английский эпос, основываясь на историях Ирландии, Исландии и Скандинавии. Поэтому наполнение мира сказочной страны Средиземья выполнено с необычайной точностью: описание костюмов, архитектуры, оружия, заклинаний, кулинарии, создание эпоса внутри эпоса и многое другое.

Теперь рассмотрим особенности не всего жанра, а «Властелина колец» в частности, чтобы понять, почему эта книга так хорошо трансформируется в игру.

1. Фрагментарность сюжета

Сюжет книги и, соответственно, игры состоит из микросюжетов, разбитых на те или иные события или места действий. Единственное, что связывает их воедино, — это путь Макгаффина (Кольца) к Роковой горе. Поэтому роман образует не цельную фабулу, а, скорее, сюжетное полотно, призванное со всех сторон показать ужасы войны. Для того чтобы показать войну, литература и кинематограф прибегают к помощи эпической манеры повествования. Многие авторы исповедуют идею, что на войне не может быть сюжета. Война — это боль, страдания и разрушения. В этом плане «Властелин колец» (как книга, так и фильм Питера Джексона) близок советской эпопее «Освобождение» (1968–1972 годы, реж. Ю. Н. Озеров, «Мосфильм») или, если рассматривать более свежие примеры, фильму «Дюнкерк» Кристофера Нолана (2017 год, Syncopy films).

Такая фрагментарность сюжета хороша и для игры. Разработчики не привязываются к необходимости использовать многочисленные кат-сцены (внутриигровое видео без элементов интерактива) для передачи сюжетной части, не нужны длинные диалоговые окна. Поэтому можно смело выстраивать впечатляющую боевку и сцены сражений вообще.

2. Метасюжет

Сюжет «Властелина колец» выделяется своей мифологической однозначностью. Идет тотальная война добра со злом. Цель — это всегда физическое уничтожение противника. Это несложно трансформировать в видеоигру. Игроку всегда будут понятны его цели и задачи, потому что он имеет дело с метасюжетом, который не нужно разгадывать в процессе геймплея.

3. Механика эпизодов

В романе Толкина чередуются разнообразные по механике эпизоды. Где-то превалирует боевка, где-то персонажу надо добраться от пункта А до пункта Б незамеченным. Где-то герои атакуют, где-то защищаются и т. д. Это играет на руку разработчикам: появляется возможность создавать нескучные и разнообразные по механике миссии. Например, играя за Фродо Бэггинса, нужно незамеченным пройти мимо Хранителей кольца. А играя за Арагорна, игрок наоборот вправе показать им всю силу своего персонажа и вступить с ними в открытый бой.

4. Система улучшений

Немногие игры обходятся без прокачивания персонажей. Улучшения позволяют игрокам открыть новые возможности в играх, проходить трудные места, которые раньше были недоступными, и т. п. Во «Властелине колец» эти улучшения прописаны в источнике, они логично вписываются в сюжет как книги, так и игр:

— трансформация Гэндальфа Серого в Гэндальфа Белого;
— волшебный королевский меч, скованный из обломков

Нарсила, который Элронд отдает Арагорну;

— подарки эльфов — набор артефактов, которые эльфы Лоризна отдают членам Братства кольца, чтобы облегчить их миссию (плащи-невидимки, волшебный хлеб Лембос, эльфийская веревка и пр.).

Как видим, «Властелин колец» — идеальная книга для создания настольной или видеоигры. Однако она никогда не выступала единственным источником вдохновения для гейм-дизайнеров. Вкупе с текстом всегда пользовались спросом и канонические иллюстрации и уже с конца 1970-х — анимационные фильмы.

Первая компьютерная игра на основе «Хоббита» вышла в 1982 году, после множества мультфильмов. По жанру это была текстовая адвенчура, выпускалась она для многих тогда платформ ПК, как с использованием примитивной графики, так и вовсе без нее. Версия без графики — самая простая, выпускалась на аудиокассетах. С помощью специального периферийного устройства кассета воспроизводила на экран монитора только текст.

Для создания игры разработчики использовали новейший для тех времен синтаксический анализ текста, который был очень важен для текстовых игр 1980-х годов. Отныне игроку было дозволено вводить сложные игровые запросы. Если раньше они ограничивались набором фраз из инструкции, вроде «Пойти направо», «Пойти налево», то теперь программа выполняла более сложные команды, к примеру: «Пойти к Гэндальфу и спросить, куда пошел Торин».

1980-е для «Властелина колец» стали периодом взросления и возмужания. С развитием технологий количество игр в жанрах адвенчуры и RPG увеличивалось, они становились более яркими, сложными и интересными, захватив просторы ПК (на консоли игры по «Властелину колец» не выходили, если не считать единственной невыпущенной игры для Atari-2600).

Для истории игр важен тот факт, что «Властелин колец» стал первым европейским фэнтези. Если учесть, что американская игра «Подземелья и драконы» также вдохновилась творчеством Толкина, то фэнтези в мир видеоигр попал исключительно благодаря Легендариуму. Более того, играм по мотивам «Властелина колец» всегда удавалось сохранить некую европейскую сказочную аутентичность на фоне остальных вариантов фэнтези 1980-х. Американские разработчики все больше углублялись в стилистику «Подземелья и драконов», где геймплей в основном строился на прохождении опасных лабиринтов с чудовищами. Японские разработчики развивали национальную традицию RPG-игр, истоки которой идут от приключений странствующих монахов-буддистов в феодальной Японии. «Властелин колец» же, не важно, европейский вариант или американский, всегда оставался исключительно европейским эпосом.

Технологии XXI века наконец позволили во всем великолепии воплотить мир Средиземья. Как и в самом начале пути, первой вышла настольная игра «Властелин колец» (Германия — Голландия,

1999 Games, 2002 год), которая получилась настолько удачной, что была удостоена премии «Лучшая настольная игра по книге». В этой мультипользовательской «настолке» игроки управляют хоббитами. Сообщая они должны преодолеть все препятствия и донести кольцо до жерла Роковой горы. Игроки, управляющие силами зла, должны помешать им.

Этот элемент действий сообщая очень важен с точки зрения детской психологии. Само определение «Братства кольца» демонстрирует игроку философию единства: необходимо держаться вместе, друг за друга, не бросать друзей в трудную минуту (если речь идет о многопользовательских играх). Если мы говорим о классическом файтинге, то нет ничего страшного для здесь и для ребенка. Как и в эпопее «Звездные войны», во «Властелине колец» насилие показано несколько игрушечным, завуалированным, постоянно напоминая нам о том, что мы смотрим или играем в сказку. Более того, антагонистами в игре всегда выступают омерзительные и уродливые существа, которые в сознании ребенка никак не коррелируются с реальной жизнью. Поэтому по всем показателям игры по «Властелину колец» безопасны для детей.

В одно время выходят игры на основе сюжета «Хоббита» и «Властелина колец» (2003 год). «Хоббит» станет последней видеоигрой, основанной не на фильме Питера Джексона. Это адвенчура, 3D-платформер, где присутствует качественная боевка и стелс (миссии на скрытность), а также очень сложное

разгадывание загадок — еще одна неотъемлемая часть Легендариума. С точки зрения дизайна игра многое заимствует у мультфильма Басса.

После выхода в прокат «Братства кольца» Джексона авторы фильма поняли, что добились успеха на кинематографическом поприще, теперь его можно расширять в сфере видеоигр, ведь впереди еще два фильма трилогии. Поэтому студия New Line Cinema заключила контракт с Electronic Arts на создание игр по мотивам фильмов «Две башни» и «Возвращение короля».

В итоге получились замечательные адвенчуры от третьего лица с элементами RPG. Студия даже выпустила серию видеороликов, которые можно сложить в целый документальный фильм о том, как создавались игры по этим фильмам. Актеры и моушен-дизайнеры фильмов по договору должны принимать участие и в создании компьютерных игр.

New Line Cinema не ограничилась созданием компьютерных игр. За ними последовала настольная игра «Властелин колец», выполненная совместно с британской компанией Games workshop. Игра вышла в 2005 году и объединяла в себе элементы игры, хобби и коллекционирования. Фигурки юнитов (боевых единиц) для сражений игроки должны были сами собирать, склеивать и раскрашивать. По жанру это уже не квест, а настоящая масштабная военная стратегия, в полной мере соответствующая фильму. Вместе с настольной стратегией «Властелин колец» от той же студии Electronic Arts вышла компьютерная военная стра-

тегия, которая также пользовалась большой популярностью у геймеров.

С появлением фильма Питера Джексона абсолютно все игры базируются на основе этой кинотрилогии, как визуально, так и юридически. Выпустить игру с совершенно иным подходом к анализу романа сегодня не представляется возможным, слишком велико культурное влияние фильма. Поэтому перед создателями игр встает новая проблема: как же обходиться с сюжетной частью? Это вводит новую классификацию игр по миру Средиземья:

1. Игра следует за фильмом Джексона.

2. Игра следует за фильмом плюс добавляет что-то каноническое (взятое из литературного первоисточника Толкина). Например, в настольной игре по фильму «Властелин колец» есть персонаж Тома Бомбадила, а в фильме его нет.

3. Игра следует за фильмом плюс добавляет что-то неканоническое.

4. Игра целиком идет по вымышленному сюжету. (К примеру, альтернативный сюжет, когда игроку дают возможность сыграть за силы зла и он одерживает победу.)

Как правило, неканонические элементы игр, сочиненные сценаристами специально для новейших игр на основе вселенной «Властелина колец», описывают события до начала Войны за кольцо или события, параллельные Войне за кольцо, ответвления, боковые сюжетные линии, происходившие одновременно с походом Фродо к Роковой горе.

С появлением неканонических сюжетов у разработчиков появилась возможность экспериментировать и с новыми жанрами. К сегодняшнему моменту «Властелин колец» опробовал на себе жанры «Защита башни» и Online-RPG. В наши дни игровое наследие Легендария также обогатилось многочисленными фестивалями косплеящиков, которые соперничают в битвах, стрельбе из лука или более мирных состязаниях, вроде изготовления самого лучшего костюма Властелина тьмы.

Вывод

Я не зря сделал упор на игровое наследие «Властелина колец», так как об области настольных и компьютерных игр часто забывают, говоря о культурном влиянии того или иного произведения. А в случае с этим романом влияние было колоссальным, что фактически определило современную индустрию гейминга.

«Властелину колец» удалось стать культовым произведением, так как благодаря роману возникла целая субкультура. Скорый выход сериала «Властелин колец» от Amazon studios (2019 год) только подтверждает тот факт, что творчество Толкина — неисчерпаемый источник для новых экранизаций и переосмыслений. Поэтому уже буквально через год нас ждет очередной всплеск толкинизма, вызванного не книгой, а ее наследием.

Литература

1. Китагава Д. М. Религия в истории Японии. Чикаго, 1966. 586 с.

2. Асбьерсен П. К. На восток от Солнца, на запад от Луны: норвежские сказки. Петрозаводск: Карелия, 1972. 160 с.

3. Льюис К. С. Хроники Нарнии. М.: Эксмо, 2005. 768 с.

4. Калевала. Библиотека Всемирной литературы. Т. 12. М.: Художественная литература, 1977. 575 с.

5. Бурангулов М. Избранные произведения. Уфа: Книга, 2008. 488 с.

6. Скандинавские сказания / под ред. Ю. Светланова. М.: Детская литература, 1970. 240 с.

7. Ботерманс Д., Барретт Т., Делфт П. ван, Сплантерен К. ван. Мир игр. Амстердам, 1987. 300 с.

8. Толкин Дж. Р. Р. Хоббит. Сильмариллион. Малые произведения. М.; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 671 с.

9. Босье С. Мифы и легенды народов мира. М.: Махаон, 2005. 127 с.

10. Калашников В. Славянская мифология. М.: Белый город, 2002. 48 с.

11. Хэдленд Д. Мифы и легенды Японии. М.: Центрполиграф, 2012. 384 с.

12. Спенс Л. Мифы североамериканских индейцев. М.: Центрполиграф, 2006. 336 с.

13. Хильдебрандты Г. и Т. Годы с Толкином. М.: АСТ, 2003. 132 с. (перевод книги Greg & Tim Hildebrandt «The Tolkien Years» о совместной работе над толкиновскими иллюстрациями в 1970-х).

14. Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно. Властелин колец. СПб.: Азбука-классика, 2002. 1132 с.

15. Lord of the Ring, The Hobbit (4 books Collection

Boxed Set). London: Harper Collins Publishers, 2012. 1264 с.

16. Экранизации Толкина, забытые и неснятые. Режим доступа: <https://www.mirf.ru/kino/classic-kino/drugie-ekranizatsii-tolkina>. Средиземье, которое мы потеряли. Экра-

низации Дж. Р. Р. Толкина / Н. Караев // Мир фантастики. 2012. № 12.

17. Книжные иллюстрации к работам Толкина. Режим доступа: <https://natalielive.livejournal.com/59184.html>; <https://ozkii.livejournal.com/6557.html>

18. «Хоббит» по-советски // НТВ.Ru. Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/170414>

19. Курсье Н., Эль Канафи М. Zelda: хроника легендарной саги. Париж, 2016. 240 с.

г. Санкт-Петербург

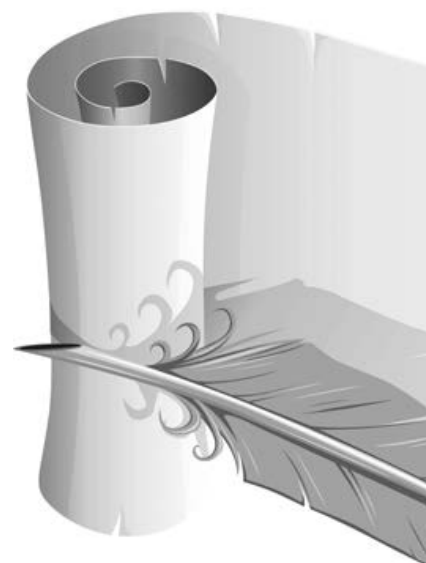

София АГАЧЕР

София Агачер родилась в 1961 году в Белоруссии, в настоящее время живет и работает в США. По профессии врач.

В мае этого года на полках книжных магазинов появится книга Софии Агачер «Рассказы про Ромку и его бабушку». В книгу войдут семь рассказов, напечатанных ранее в журналах «Юность» и «Дон», красочно оформленных уникальными фотоиллюстрациями. Рассказы объединены общими героями и написаны в почти забытом в наше время стиле — они предназначены для доброго семейного чтения.

Окончание. Начало в № 4 за 2018 год

КАНИКУЛЫ В ПУЭРТО-ВАЛЬЯРТЕ

Рисунок Настасьи Поповой

— Мы прилетели сюда, на западное побережье Мексики, и поселились в небольшом отеле рядом с аквапарком. А потом меня стали каждое утро привозить на шоу, которые дельфины и морские львы показывали для детей. Дети катались на запряженных дельфинах, обнимались и кувыркалились вместе с ними. И... вместе с ярким мексиканским солнцем и радостным смехом ребят в мою душу стал возвращаться покой... боль отступала. Чтобы иметь возможность находиться рядом с морскими существами весь день, я устроилась в аквапарк на работу. Я должна была кормить самку морского льва. Ей было тогда три года, и она ждала своего первенца. Вот так я познакоми-

лась с Мариной! И поняла, что она не просто самка морского животного, а удивительно красивое, нежное, умное и милосердное существо, которое своей энергией не только вылечило на моих глазах много исковерканных тел, но и спасло еще больше отчаявшихся душ. Морская львица работает с детьми, страдающими различными неврологическими врожденными заболеваниями. Причем есть случаи не только частичного, но и полного восстановления пораженных функций. Представляете, привозят годовалого малыша с детским церебральным параличом, кладут его на живот почти двухметровой морской львицы, а та лежит на воде тихо-тихо... и скрюченное

тельце ребенка начинает распрямляться прямо на глазах! Знаете, при этом все окружающие впадают в состояние совершенного, всеобъемлющего счастья!

В один из дней у Марины были очень тяжелые маленькие пациенты, и она так устала, что начала плакать и скулить, как маленький щенок. Я легла с ней рядом в бассейне на ее большую надувную подушку, гладила ладонями ее растущий живот, и тогда... меня просто накрыла волна такого чувства любви, ощущение нужности кому-то, что я точно поняла, что должна спасти чьих-то детей! Дальше у меня стали возникать образы могучего леса, зимы, гигантской реки, покрытой льдом, серого

города под черным небом, и я увидела лица двух детей, мальчика и девочки, одетых в пальтишки и мохнатые шапки. Вечером того же дня я пересмотрела сотни снимков в Интернете и отыскала похожий на мои видения город Красноярск в далекой Сибири. После этого я нашла специальную благотворительную организацию, помогающую усыновлять детей с ограниченными возможностями. Причем я точно знала, что хочу адаптировать мальчика и девочку именно из детского дома рядом с Красноярском! Потом неизвестно откуда стали появляться люди, которые помогали мне на каждом шагу, и через шесть месяцев я нашла в небольшом городке под Красноярском своих Питера и Алику. Дети были серьезно больны, но я знала, что Марина поможет мне вылечить их, иначе она бы не послала меня за ними. Вы мне не верите, Софи? Но все, что я рассказываю вам, невероятная, но правда! — выкладывала Сесиль свою удивительную историю, в общем-то, практически незнакомому человеку. Да и кому можно поведать историю своей жизни, не приукрашивая, как не случайной попутчице или знакомой.

— Я так понимаю, Сесиль, что вы рассказываете мне не только о том, как вы обрели новую семью, но и о том, как вы смогли окончательно выздороветь и вернуться к жизни, — задумчиво проговорила Софья, внимательно наблюдая за плавающими мальчишками.

— Вы правы, Софи! — ответила Сесиль и покачала головой. — Морские львицы рожают детенышей приблизительно раз в два года, вынашивая плод почти год, и в это время Марина помогает не только больным детям, но и женщинам, которые

по разным причинам не могут иметь детей. Они приезжают к ней со всего света. И Марина формирует у них чувство материнской любви к своим будущим детям. Ведь мало хотеть иметь ребенка разумом, надо обрести внутри себя любовь к нему... и тогда благодаря вибрации этой любви ребенок обязательно появится. Эти удивительные морские существа учат нас, людей, любви и нежности, они трансформируют наше горе, боль, злобу, жажду наживы — в ощущение счастья! Ни один величайший врач, никакие лекарства, никакие уникальные операции не способны совершить такое!

К примеру, дельфины лучше всего работают с детьми-аутистами. Они прекрасно общаются с такими пациентами в ультразвуковом диапазоне, подтверждая теорию, что те и другие являются остатками давно ушедшего древнего народа.

— То, что я вижу своими глазами, и то, что вы рассказываете, Сесиль, — это потрясающе! Но чем же так заинтересовал вас мой внук? И зачем он вам нужен? Этого я пока понять не могу, — решила задать Софья вопрос, более всего волновавший ее.

— Видите ли... Дельфины, морские львы и киты общаются с людьми не только на эмоциональном уровне, но и телепатически, посылая нам различные зрительные образы. Однако способность к восприятию этих образов развита у взрослых и детей по-разному. Кто-то их не видит вообще, кто-то воспринимает только после многочисленных тренировок, а кто-то, как ваш внук, принимает их очень легко, сразу — на фоне сильных эмоций, вызываемых морскими жителями. Найти такого ребенка — большая удача для исследователя

феномена телепатии морских животных. Я умею общаться телепатически с Мариной, Артуро, иногда у меня это получается даже с горбатыми китами, что зимуют в Пунта-де-Мите, недалеко от острова Мариета. Они заходят сюда рожать своих детенышей. И вот когда я увидела способности вашего внука, у меня возник план. Потренировать телепатические способности Романа в общении с Мариной и Артуро в течение недели, а потом всем вместе поехать на уникальный архипелаг Мариета и послушать песни горбчатых китов. Возможно, ваш внук, слушая песни китов, сможет увидеть и уловить то, что пока не удастся мне. Это будет уникальный биоакустический эксперимент! При том очень интересный и увлекательный! — старательно уговаривала Софи Сесиль.

— А это не опасно? Одно дело — бассейн с морской львицей в окружении большого количества людей и средств защиты, и совсем другое — наблюдать за огромными китами в открытом океане! Страшно мне как-то за внука! — волнуясь, говорила Софья, при этом пытаясь оценить степень риска предлагаемого приключения.

— Это не опасно. Во-первых, до острова Мариета от Пуэрто-Вальярты добираться всего около часа. Это национальный заповедник, получивший свой статус благодаря Жаку Кусто. Любой уважающий себя дайвер старается попасть туда хотя бы один раз в жизни, чтобы поплавать среди многочисленных косяков разноцветных рыб, привлекающих огромное количество дельфинов и горбчатых китов. К середине марта брачный сезон китов практически окончен, и они совсем не агрессивные, даже наоборот: морские гиганты очень любопытны и любят покрасоваться,

поиграть... Мы туда поплывем на специальном научно-исследовательском катере, с которого будем наблюдать за горбатыми китами и записывать их песни. Соглашайтесь, это уникальная возможность, ваш внук никогда вам не простит, если вы упустите такой шанс побывать на островах! — продолжала убеждать Сесиль.

— Хорошо, я согласна, только при условии, что Педро будет с нами, — выдохнула с облегчением Софья.

— Конечно, Педро поедет! Куда мы без него и нашего верного помощника дельфина Артуро, который без Педро ни за что не поплывет за нашим судном. Проведено, и не раз! Спасибо вам! А сейчас мне надо идти работать. До завтра! — попрощалась Сесиль, встала и пошла навстречу женщине с большим ребенком на руках.

Время летело быстро. Утро Ромка и Софья проводили в аквапарке на тренировках с Мариной, а вечером мальчишки плавали на досках в волнах прилива и играли с Артуро.

Через неделю синий катер с белой полосой на борту, где красовалась надпись «Эрика», помчал двух женщин и мальчишек к островам Мариета, что раскинулись изумрудным ковром в водах залива Бандерас в 22 километрах от пляжа.

Ромка и Педро сидели на корме катера в оранжевых спасательных жилетах и смеялись, наблюдая за тем, как дельфин Артуро и его подруга высоко подпрыгивали над водой, ударяясь при этом друг о друга спинами или животами, кувыркались и ныряли, то обгоняя катер, то отставая от него. Мартовское

солнце припекало, аквамариновые волны залива перекатывались друг через друга, подражая шалашим дельфинам, и слепили глаза. Через полчаса на горизонте появилось искрящееся ожерелье из зеленых точек-островков, и теперь дельфинов вокруг прыгало уже с десятков.

— Смотри, Роман, смотри, это друзья Артуро встречают наш катер и показывают дорогу к горбатым китам. Когда мама приплывает сюда без меня, а значит, и без Артуро, поиски китов занимают очень много времени. Потом проходит много часов в ожидании их песен. Когда же с нами плывет Артуро и его друзья дельфины, они приводят нас прямо к китам. И те издают много звуков — прямо как настоящий симфонический оркестр! Я уверен, что дельфины ради нас договариваются с ки-

тами о концерте, — прокричал Педро на ухо Роману.

Дельфины вели катер по направлению к большому острову, вдоль гряды рифов, покрытых разноцветными водорослями и какими-то морскими микроорганизмами, переливающимися на солнце всеми цветами радуги. Берега острова напоминали высокие стены древнего замка, как будто вырубленные человеком из огромной неприступной скалы. На камнях, поросших мхом и какими-то вьющимися растениями, сидели огромные птицы с темным оперением на спинах и белым на брюхе, с большими желтыми лапами и клювами.

— Никогда не видела таких гигантских чаек! — удивленно воскликнула Софья.

— А это не чайки — это маленькие мексиканские пингвины. Архипелаг Мариета — уникальное место обитания самой многочисленной колонии таких пингвинов. Их здесь более тридцати тысяч. Всего же на островах живет около девяноста видов различных птиц, среди которых самые многочисленные, кроме пингвинов, еще морские ласточки, — начала с видом заправского гида объяснять Сесиль. — В прибрежных водах не только много видов различных рыб, но и скаты, осьминоги и, конечно, морские черепахи.

— Ха-ха-ха... И что? Эти неуклюжие панцири на своих коротеньких ножках поднимаются по отвесным скалам?! Черепахи-скалолазы! — рассмеялся Ромка.

— Видишь ли, Роман, ты видел черепаху, медленно ползущую по песку пляжа, вытягивающую свою морщинистую шею, цепляющуюся лапами за скользкие прибрежные камни, скатывающуюся с них и опять упорно двигающуюся дальше к океану. Ветер, глядя на эту несчастную, обычно

посылает ей навстречу волну. Та подхватывает бедолагу и уносит с собой. Черепаха идет быстро ко дну, ударяется о него, подымая облако песчинок, прижимается к песку, а потом вдруг высвобождает шею, взмахивает лапами-ластами и... плывет. Двигаясь совершенно и грациозно, куврякаясь в воде, она наслаждается легкостью, что приобрело в воде ее тело, и наслаждается скоростью! Черепаха попадает в стихию, где она прекрасна и счастлива... Самый большой остров, к которому мы приближаемся, — это гигантская скала, поляя внутри. Туда, через узкий проход в скалах, с приливом попадают черепахи и остаются там греться на песке во время отлива. Через гигантский овал в крыше грота солнце нагревает песок и воду до очень высокой температуры, и черепахи откладывают там летом свои яйца, — рассказывала Сесиль. — Но сегодня наш путь лежит за остров черепахового рая, мы должны спешить и найти китов. Скоро они поплывут в Аляскинский залив или Чукотское море на кормежку и вернутся сюда обратно только следующей зимой, чтобы произвести на свет своих китят, — с большой любовью рассказывала о живом мире этого уникального места Сесиль.

Софья слушала Сесиль и любовалась ею, думая о том, что главное в жизни — это обрести свою стихию. Почувствовать, что ты свободен, уверен, грациозен, силен, счастлив наконец-то. Ведь практически каждый из нас, глядя на другого человека или животное, безошибочно может определить, счастливы они или нет. Счастливые существа прекрасны, они светятся изнутри манящим светом, на который летят другие, пытаясь налюбоваться этой непонятной совершенной красотой.

Обогнув остров, дельфины поплыли медленнее, и катер сбавил обороты. Впереди показались два гигантских китовых хвостовых плавника с неровными краями, они динамично и шумно взбивали пену. Киты выпрыгивали попеременно из воды и с оглушительным всплеском падали вниз. Затем один из них прыгнул за пенный вал и вновь показался на поверхности воды минут через пять, выпустив фонтан брызг в виде огромного куста и издавая низкие урчащие звуки.

— Киты сейчас охотятся на рыбу. Они собираются по две-четыре особи и взбивают воду в пену, тем самым помещая косяк рыб в некое подобие сети из пены. А дальше морские гиганты ныряют за этот пенный вал и кормятся. Звуки, которые издавал кит, напоминают урчание практически любого крупного хищника, удовлетворенного своей охотой. Правда, зимой киты почти не едят, а питаются за счет своего жира, накопленного за лето в холодных морях. Когда эти красавцы выпрыгивали, мы видели, что окраска у каждого горбатого кита уникальна. Спина черная, а бока и брюхо имеют индивидуальный рисунок, состоящий из белых, черных и коричневых пятен. Название же свое киты получили из-за спинного плавника, напоминающего горб, а еще потому, что плавают, сильно выгибая спину, — комментировала происходящее Сесиль.

Кит же, выпустив фонтан, перевернулся на спину, раскинул длинные грудные плавники в стороны и начал качаться на волнах, подставляя свое белое с несколькими коричневыми пятнами брюхо солнцу.

— Смотрите, смотрите, кит загорает! Прямо как я на волнах! Вот умора! — закричал Ромка, размахивая руками. В это вре-

мя из пены вынырнул второй кит, в точности повторив действия предыдущего: перевернулся на спину и тоже стал качаться на волнах. — Этот второй кит намного больше первого, он, наверное, самец?

— Нет, сейчас ты ошибаешься, друг, у китов самки больше самцов, — пояснил Ромке Педро.

Морские гиганты перевернулись, выгнули спины и начали кружить друг возле друга, ныряя, показывая свои горбатые спинные плавники и хвосты. Закончив танец, самка кита издала нежные и грустные звуки, напоминающие звук флейты, и поплыла в сторону большого острова. А самец подпрыгнул, вновь продемонстрировав белое брюхо и плавники, шумно приземлился, ударил хвостом и поплыл по направлению к катеру. Дельфины тут же окружили суденышко плотным кольцом, высунулись до половины тела из воды, начали стрекотать и клекотать на различные лады, подобно цикадам. Кит остановился, но не уплывал прочь, а спокойно лежал на волнах, как будто слушая дельфинов. Дельфины замолкли, продолжая прыгать и кружиться вокруг катера. Ромка вдруг прижался к бабушке и закрыл глаза. Софья обняла внука, испытывая какое-то сильное волнение. Сесиль и Педро вели себя спокойно, зная, что перед песней кита замирает даже океан.

Вначале раздались звуки, напоминающие фыркание гигантского кота. Потом стало нарастать низкое урчание — казалось, что рычал сам океан, предупреждая всех, что он здесь хозяин. Рычание разорвал резкий и визжащий звук лопнувшей струны. Наступила пауза, прерванная сильным трубным звуком, похожим на звучание боевого рыцарско-

го рога. Далее зазвучал целый оркестр — как будто дети очень неумело дули в музыкальные инструменты: каждый свою мелодию, в своем ритме и на свой лад. После финальной партии тромбонов заиграл пронзительный губной варган. Затем раздались гроыхающие звуки, и тут же вступили нежные флейты. Вся песня длилась около пяти минут. Кит нырнул, помахал на прощание хвостовым плавником и скрылся под водой.

Софья слушала песнь кита, как и Ромка, с закрытыми глазами. Она ощутила шум ветра и волнение океана, запах и скрип просмоленных досок. Увидела шхуну под белым парусом, где суетилось с десяток людей. И вдруг она осознала, что это не просто корабль, а она сама и есть шхуна. Она — китобой, а точнее, китобойный корабль, рассекающий своим телом гладь океана и дышащий полными парусами-легкими. Словно птица, взлетала она на гребни волн, скользя вверх и вниз, чувствовала силу и соль океана, качаясь, как ребенок, на его ладнях. Она знала каждый его уголок, звук, вкус и запах. Порой Могучий и Бескрайний играл с ней, как котенок с клубком, а порой готов был разбить ее хрупкий хребет на мелкие щепки, разорвав в клочья паруса-легкие. И она знала, что тогда медленно-медленно опустится на морское дно, став частью его рельефа. Она помнила, как по ночам пробиралась сквозь лабиринт звезд, качающихся на водной глади залива, а днем, как гончий пес, искала следы китов. Люди бегали по ее палубе-груди и жаждали охоты и крови. Огромный человек, разрисованный непонятными знаками, как корабельная карта, точил свой гарпун. Несколько дней тому назад, после неудачной охоты за бе-

лым китом, он наказал ее, вонзив острое жало своего оружия в ее тело. Металл проломил деревянный настил палубы, как бумагу. Теперь она знала, что чувствовал кит, когда рука гарпунщика, не знающая промаха и жалости, вонзалась в его тело. А вот и киты. Она слышала их песни и чувствовала их обшивкой корабля. Они были рядом, близко, но она не будет подсказывать людям, где их искать. Люди самонадеянно думают, что они главные здесь, главнее кораблей и даже китов, и что это их охота. Софья-шхуна знала, что сегодня охотиться нельзя, потому что впереди плывут две самки с малышами, а охраняет их белый кит. Белый горбач протрубил ей отбой и конец охоте, но люди спустили на воду лодку с гарпунщиком на носу. Гарпун был сжат в его огромных ручищах. Длинный линь, прикрепленный к кольцу на конце древка, скручен в бухту.

Нельзя идти в погоню за этим китом, это смерть, надо сворачивать паруса и прекращать погоню. Софья-корабль, почти задохнувшись, задержала дыхание, беспомощно хлопая парусами. Но шустрые матросы мигом вскарабкались по вантам на верхушки мачт, подтягивая нервные струны ее канатов. Она снова стала бойко догонять ушедшие вперед шлюпки. И тогда кит ударил по головной лодке с гарпунщиком, разломав и перевернув ее. Люди пытались спастись, схватившись за обломки, а кит все бил и бил их хвостом. Вкус океана изменился, он стал слаще от человеческой крови. Рядом замелькали плавники акул, отсекая оставшиеся лодки от потонувшей, и они повернули обратно к шхуне.

Софья открыла глаза от того, что Ромка тряс ее за плечи.

— Бášка, бášка, не бойся! Кит уже уплыл! Мне во время его песни тоже было немножко страшно, поэтому я зажмурил глаза и, кажется, уснул... и видел цветной, удивительный сон: как будто большой белый кит бил хвостом по лодке с огромным человеком, который хотел его убить. И мне совсем было не жалко этого страшного человека... потому что кит защищал беби-кита, — задумчиво рассказывал Ромка, как-то вдруг притихнув и на глазах повзрослев.

— Да, интересная и необычная была песня у нашего кита, похоже, что его подруга собралась рожать китенка, и он транслировал нам случай, отпечатавшийся в его генетической памяти. Он предупредил людей о том, что не надо сюда приезжать в ближайшее время и беспокоить китов. Мелководье у островов Мариета — излюбленное место китов для рождения детенышей. Но сколько лет мы ни старались запечатлеть

это событие, так ничего и не получилось. Киты и дельфины охраняют рожающую самку от непрошенных гостей и морских хищников-акул. Удивительно, насколько человек мало знает о морских животных и океане. Ведь киты чувствуют друг друга за тысячи километров и приходят на помощь попавшему в беду собрату. А мы, люди, при крике «помогите» в большинстве своем плотнее закрываем двери своих домов... Ну что ж, эксперимент окончен, я считаю, с потрясающим результатом, и мы можем возвращаться домой! — сказала Сесиль и попросила капитана катера взять обратный курс на Пуэрто-Вальярту.

Через два дня каникулы Ромки закончились. Он попрощался со своими новыми друзьями: Педро, Сесиль, Артуро и Мариной, пообещав вернуться к ним следующей весной. Самолет с Ромой и Софьей поднялся с западного побережья Мексики, пролетел

над Драконьими горами, спускаясь в океан, и взял курс на далекий Чикаго.

Ромка сидел в кресле у окна самолета и смотрел в ноутбук фотографии своих новых друзей, а потом задумался и сказал:

— А знаешь, ба, я уверен, что здесь живут такие фантастические морские животные, потому что когда-то, давным-давно, сюда приземлился космический корабль. Совершил вынужденную посадку, создал цивилизацию морского народа и улетел... Ведь городу Пуэрто-Вальярта всего сто лет, и люди не успели полностью уничтожить потомков этого морского народа. Вот они и остались живы, а сейчас могут учить и лечить нас, людей, только не каждый человек способен их услышать!

Март-апрель 2017 года. Чикаго — Пуэрто-Вальярта

США

Владимир КЛЮЧНИКОВ

Продолжение. Начало в № 2, 3, 4 за 2018 год

ПРЕСТУПЛЕНИЕ С ТОГО СВЕТА

ГЛАВА 10. КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ СОСЕДА

Вольдемару стало противно от происходящего во-круг. Даже не простившись с хозяином квартиры, он покинул жилище Блюрова и отправился к себе домой.

На следующий день, ближе к вечеру, Вольдемар все-таки решился доехать до Анны. Тем более Максим сегодня по графику должен находиться на работе. Отличный повод навестить хорошую знакомую. Вольдемар нажал на кнопку звонка, и дверь практически мгновенно открылась, будто кто-то знал, что он должен обязательно прийти.

— Опять ты! Чего надо?

Дверь неожиданно открыл Максим. Он особенно не церемонился в любезностях.

— Да пошел ты! — Вольдемар брезгливо оттолкнул Максима и прошел в квартиру.

Но героический порыв Вольдемара был остановлен криком Анны:

— Чего тебе здесь надо?! Оставь нас в покое! У нас своя семья, мы сами разберемся.

— Ты же ведь не знаешь, дурочка. В твоём кофе содержатся психотропные наркотические вещества. От этого и возникали глюки с бабкой!

— Ань, что бы мы делали без твоего долбаного институтского товарища! — вклинился в разговор Максим.

— На, смотри! — Анна протянула Вольдемару газету.

Скептически взяв «Коломенские ведомости», Вольдемар увидел на первой полосе пестрый заголовок: «Вместо кофеина розовые слоники». Далее в обширной статье со всеми подробностями описывались истинные действия, оказываемые кофе для похудения на организм человека. Большая часть статьи обличала

наркотические эффекты, возникающие от регулярного употребления такого кофе. Внизу статьи стояла подпись автора: Р. Блюров.

— Ну что, придурок, долго нам еще терпеть здесь твое присутствие? — злорадно спросил Максим.

Вольдемар растерянно молча топтался на месте, его морально осадили и посадили в лужу с дерьмом. Так посадили, что одна голова торчала. Ситуация получилась неприятная. Не зная, куда себя деть, сгорая со стыда, Вольдемар зажмурил глаза. Он с поразительной точностью представил себя со стороны, свою одежду, багровое лицо, медвежью неуклюжесть.

— Вольдемар! А Вольдемар! — Максим продолжал глумиться над поверженным гостем.

— Пошел отсюда вон! — мрачно прошипела Анна и обняла сзади мужа.

«Ну Блюров, ну журналюга! Талант не пропьешь», — с циничным восхищением подумал зажмурившийся Вольдемар.

— Я могу забрать свою камеру? — обратился он к Анне, широко открыв глаза.

— Вон она, в пакетике в углу в коридоре стоит, — ответил за супругу Максим.

Обида жгла сердце, чувство стыда переполняло душу. Тяжкая боль царапала внутренние струнки, глаза наполнились влагой, но слезы — удел слабых мужчин, поэтому Вольдемар держался изо всех сил. Уныние — тяжкий грех, и с ним надо бороться.

Городской вечер пятницы вступал в свои права. По улицам города шарахались пьяные гопники, извергая из ротовых отверстий запахи истощенного перегара. Погода улучшилась, ранняя весна растопила грязный снег, и вода на дорогах достигла уровня щиколотки. Перемещаться без автомобиля и не замочить ноги представлялось весьма затруднительным занятием.

Поэтому Вольдемар закрылся на выходные в квартире. Мама уехала на дачу к подруге, в результате квартира приобрела неприбранный эффект и лишилась жизни. Вольдемар заварил чай пуэр, уселся за ноутбук и принялся усердно просматривать видеозаписи, сделанные на камеру, стоявшую в квартире Анны. Установив на видеокамере шпионский режим съемки, Вольдемар обманул всех, дав повод считать, что никакая съемка не ведется, а на самом деле она осуществлялась все время в скрытом режиме.

Шел час, другой... Изображение на ноутбуке не предвещало ничего интересного. Затем Вольдемар заметил, как в комнату вошел Максим, он лег на диван и включил телевизор, через двадцать минут Максим встал с дивана, походил по комнате, открыл шкаф, порылся там немного... В комнату вошла Анна, она обняла и поцеловала Максима. Возбуждись, самец Максим обхватил ее за ягодицы и с животным инстинктом потащил на диван, снял с капризной Анны шелковый халатик.

Вольдемар нажал на просмотр в ускоренном режиме и, уставившись в одну точку на экране, походил на опытного рыбака, пристально смотрящего на поплавок в ожидании клева. Вдруг на экране мелькнул силуэт, в комнате было темно, виднелись только очертания. Но можно сделать точный вывод, что силуэт не имел никакого отношения ни к Анне, ни к Максиму. Проступающие очертания напоминали больше женские формы, чем мужские. Вольдемар пристально всматривался в изображение: силуэт явно не принадлежал Анне, существенно отличалась фигура, точнее, выступающие части в районе грудной клетки. У Анны эти аппетитные части в разы больше. Вольдемар прилип глазами к экрану, мысленно сравнивая размеры Шевельковой и силуэта. Он тужился, потел, напрягал память.

— Это точно не она, сто процентов, — сказал вслух Вольдемар.

Силуэт опрокинул камеру, изображение на экране затряслось, картинка искривилась, за счет чего угол съемки изменился. Затем кто-то поднял и установил видеокамеру обратно на штатив. Изображение вновь стало стабильным, но силуэт бесследно пропал из кадра. Вольдемар досмотрел всю видеозапись до конца, не обнаружив больше ничего интересного.

* * *

Примерно в ста метрах от дома, где жила Анна, стоял человек с биноклем. Он смотрел в цилиндрические линзы на балкон Аристарха Владленовича. Наблюдая в бинокль, человек делал заметки в блокноте. Видок у шпиона был подозрительный: висящей на ве-

ревочке бинокль, длинный кожаный плащ, тирольская шляпа цвета гнилой картошки и огромные солнцезащитные очки «муха». Очки закрывали добрую половину лица, так что остался виден только гладковыбритый подбородок и смолистые усы. Человек ходил несколько часов вокруг пятиэтажного дома и что-то вынюхивал. Из подъезда вышел Аристарх Владленович, огляделся по сторонам и направился куда-то быстрым шагом вдоль торговых палаток и футбольного поля. Затем Аристарх Владленович зашел в продуктовый магазин. Выйдя из продмага, он быстро сел в подхваченное к магазину такси. Следящий за ним человек замешкался. Тем временем водитель такси свернул влево с примыкающей дороги и выехал на оживленное шоссе, где, вклинившись в плотный поток машин, поехал в сторону Коломны. Следящий человек занервничал еще больше, черные усы ходили ходуном над верхней губой. Он выбежал на дорогу и размашисто замахал руками, пытаясь остановить машину, чтобы начать преследовать такси. Наконец на обочине остановился «запорожец». Глаза у водителя косились в стороны и напоминали миниатюрные мячики для игры в регби. Губы же, наоборот, располагались вертикально, словно у речной рыбы, рот не имел видимых зубов. Загадочный индивидуум за рулем произнес:

— Куды едем? Чо платим?

— Прямо за серебряной «девяткой» с шашечками на крыше. — Следящий человек запомнил приметы и марку машины. — А по деньгам договоримся. Ну что, по рукам?

Водитель кивнул.

Началась комичная погоня. Сидя на переднем пассажирском сиденье, человек в шляпе, в очках и с усами постоянно подзуживал непонятого водителя, чтобы тот быстрее вел машину. Водитель всю дорогу отнекивался и даже брыкался, но через непродолжительное время серебристая «девятка» с шашечками на крыше появилась в поле видимости. «Девятка» завернула в несколько проходных дворов и остановилась у детского садика. Аристарх Владленович вышел из машины, махнул на прощание водителю. Таксист посигналил несколько раз в его честь и уехал на следующие заказы. Осмотрительный Аристарх Владленович открыл ключом калитку и пошагал по асфальтовой дорожке, которая вела прямо в здание детского садика. Человек с биноклем выскочил из «запорожца», но Аристарх Владленович зашел в здание детского садика и скрылся за железной дверью. Человек подбежал к калитке, подергал ручку: проход оказался закрыт. Тогда шпион решил сделать обход вдоль решетчатого забора. Подозрение вызывало то, что на территории детского садика, несмотря на наличие каруселей, качелей, пе-

сочниц, не было ни малейшего намека на детей. Все выглядело безжизненно, мертво и дико. Качели стояли некрашенные и требовали ремонта. Побитая ржавчиной карусель уныло поскрипывала, вращаясь по часовой стрелке, в песочницах не наблюдалось песка. Напрашивался очевидный вывод: нога ребенка не ступала здесь довольно давно. А что на самом деле происходит за стенами детского сада и куда пропали все дети? Это нужно узнать во что бы то ни стало! И какое отношение к этому имеет скрытный Аристарх Владленович? Подобные догадки вызвали бы самые страшные опасения у любого здравомыслящего человека.

— Эй, ты шо? А оплачивать кто будет? Пушкин? А?! — озверело спросил водитель «запорожца», незаметно подкравшись сзади.

— Ой! — вздрогнул человек и выпустил из рук бинокль. — Нельзя же так пугать, в конце концов. — Он выгреб из карманов всю железную мелочь и высыпал в пригоршни водителя.

— Эй! Эй! Эй! Очень мало, прям даже мала.

— Так у меня нету больше.

— Эй, эй, ей! На жалость не дави. Мне какое дело, есть у тебя или нет! А?! — Водитель швырнул в лицо неплательщику полученную мелочь и схватил его за грудки. — Плати давай деньги!

Попытка оказалась тщетной, шпион ударил биноклем водителя по голове, тот завопил и с наскока вцепился обидчику в лицо. Да так, что у того слетели очки, шляпа и усы. Человек с биноклем и в длинном кожаном плаще оказался Вольдемаром.

— Вах! Куды девались усы?

— Я троглодит-мутант, — ответил Вольдемар и, громко клацая передними зубами, добавил: — Я тебе сейчас ухо откушу!

— У... — издал испуганный вопль водитель «запорожца» и убежал в сторону своего автомобиля. — У-у-у!

Подняв с грязного асфальта накладные усы и слегка посплюнявив их, Вольдемар прилепил их на прежнее место и вернул прежнюю маскировку. Опасаясь возвращения свирепого водителя с подмогой, он решил отложить исследовательский обход вдоль забора и сразу перелез через него, неудачно зацепившись и порвав плащ.

По ту сторону забора все было тихо. Постояв некоторое время в нерешимости и оценив местность, Вольдемар на цыпочках стал перемещаться по территории детского садика, вынюхивая новые подробности. Не обнаружив ничего подозрительного, он подкрался к входной двери и увидел табличку, где большими буквами было написано: САЛОН МАГИИ И АСТРАЛЬНЫХ УСЛУГ. Сбоку висел прилепленный на скотч листок

формата А4. Листок гласил: «Внимание! Акция! Скидка 10 % на любой приворот (гарантия 3 месяца)». На табличке находилась еще одна надпись, в самом низу маленькими черненькими буквами: ИП Лгунов А. В.

Так это же Аристарх Владленович Лгунов, получается, — индивидуальный предприниматель, бизнесмен. И швец, и жнец, и на дуде игрец... Мастер на все руки, владелец домов, газет и пароходов. Вольдемар зашел в оккультный салон. Его встретила приветливая девушка на ресепшене.

— Добрый день, вы по записи?

— Нет, просто зашел уточнить...

— Аристарх Владленович без записи не принимает.

— А как тогда записаться к нему на прием?

— Можно это сделать по телефону. — Девушка протянула Вольдемару карту из колоды Таро.

Более внимательно присмотревшись, он увидел, что это оригинальная визитка, в которой магическими фиолетовыми цифрами выведены номера телефонов оккультного салона. На обратной стороне визитки находился извилистый логотип и контакты компании по поставке биологически активных добавок.

— Либо можно записаться прямо сейчас, как вам удобно.

— Давайте сейчас. А вы и БАДами тоже торгуете?

— Нет, данная компания просто является нашим партнером. Можно ваш паспорт? — спросила девушка.

Вольдемар смутился, вопрос сбил толку. То, что в подобном заведении понадобится документ, удостоверяющий личность, он никак не ожидал.

— К сожалению, забыл дома, с собой нет сейчас. Без него никак?

— Боюсь, что нет. Это строгое правило. Просто поймите, нас тоже ругают за отчетность.

— Жаль... Очень жаль. Неужели без паспорта вообще никак нельзя?

— Назовите фамилию, имя, отчество. Суть вашей проблемы, с которой обращаетесь. А паспортные данные впишем задним числом, когда придете на прием.

— Ну хорошо... Давайте так.

— Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

— Сердцеедов Никита Анатольевич, — соврал Вольдемар.

— Суть вашей проблемы? Причина записи на прием?

— Хочу приворожить одну замужнюю девушку. Можно так?

— Да, данная услуга оказывается в нашем салоне.

— Это хорошо.

— Смотрите, на этой неделе у Аристарха Владленовича все расписано. Нет свободных мест. Если на следующей неделе, во вторник, удобно?

— Записывайте.

— Я вам напечатала на листочке реквизиты и сумму к оплате. Вам нужно оплатить в течение трех дней, начиная с сегодняшнего момента.

— А если не оплачу? То что?

— Лучше вам, конечно, оплатить, — улыбнулась девушка. — Понятно, жизнь есть жизнь, и всякое бывает... Но если на наш счет не поступит оплата в течение трех дней, ваш прием автоматически отменяется. Вы попадете в черный список и, к сожалению, не сможете больше воспользоваться услугами нашего салона.

— Ох как у вас строго.

— Вы тоже поймите нас: очень много желающих записаться на прием к Аристарху Владленовичу. Поэтому мы очень дорожим своим временем и временем своих клиентов, а также своей репутацией и высоким качеством услуг.

— Хорошо, я все оплачу. Спасибо, всего доброго.

— Всего доброго. Ждем вас в нашем салоне.

На выходе Вольдемар столкнулся с грузным охранником. Здоровенный бугай по росту превосходил Вольдемара примерно на две головы. Он угрюмо посмотрел на Вольдемара сверху вниз, половина лица в рубцовых ожогах и полосатых шрамах прибавляла дополнительный ужас. Нос у него был раздроблен и сплюснут, будто в него на бешеной скорости влетела хоккейная шайба.

— Как это я вас просмотрел? — грозно спросил охранник.

— А у вас калитка открыта была, вот и вошел, — уверенно ответил Вольдемар.

— Хм... Странно. Очень странно.

В этот момент Вольдемара осенило. Девушка на ресепшене сильно напомнила ему силуэт со скрытой съемки в квартире у Анны.

ЧАСТЬ 2. ОККУЛЬТИЗМ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

ГЛАВА 1. СЮРПРИЗ ИЗ ШКАФА

Анна ходила по рынку, закупала продукты и приглядывала подарок для мужа; намечался праздник «День всех влюбленных». Выбор предстоял трудный, потенциальные подарки не радовали глаз, не наблюдалось в них той отличительной изюминки, которая есть в каждом искреннем подарке, того, что делает его уникальным и указывает на исключительную душевность. Решив по-настоящему обрадовать мужа, она зашла в магазин «Инструменты». Долго ходя между стеллажами с какими-то непонятными железными прибора-

ми и шуковинами, Анна увидела рекламный плакатик: «Шуруповерты! Самая низкая цена!» Подозвав продавца-консультанта, Анна подробно расспросила его обо всех достоинствах и недостатках данного прибора.

Подарок был куплен. И с чистой совестью Анна отправилась домой. С радостным нетерпением она спрятавала подарок в шкаф. Когда Максим полезет в очередной раз за инструментами и увидит приятный сюрприз с записочкой, он обрадуется! А если и не полезет, тогда она сама достанет подарок и торжественно вручит любимому мужу.

Презент в виде навороченного шуруповерта являлся первым шагом к закреплению брачных уз, поскольку вся эта история с призраком бабушки весьма подпортила им нервы, еще и нарисовавшийся Вольдемар заставил бедного Максима ревновать. А Максиму ведь и так сейчас нелегко, работает практически в три смены. Правда, зарплату задерживают, это пустяки, главное, мы вместе и любим друг друга. Анна молилась в церкви перед иконой. Молилась за себя, за Максима, за будущих деток... Она поставила свечку и договорилась с батюшкой об освящении квартиры от бесов и злых духов. Поход в церковь являлся вторым шагом по спасению пошатнувшегося брака. «Кому церковь не мать — тому Бог не отец».

* * *

Вольдемар брел по городу, не зная куда себя деть, куда податься, время тянулось медленно. Любимая команда проиграла в Лиге чемпионов и вылетела из группового турнира. Ученики в школе знали: когда проигрывает любимая футбольная команда Вольдемара Тарановича, значит, все, катарсис, провал, катастрофа — тушите свет! Никому хороших оценок не видать как минимум в ближайшие два дня, в лучшем случае тройка с огромным и длинным минусом. Эмоциональную педагогику еще никто не отменял. Вольдемар Таранович становился мрачнее тучи, придирался по мелочам, постоянно делал необязательные замечания, вследствие чего снижал ученикам отметки. Те сначала обижались на странного педагога, а после привыкли и со смирением воспринимали эмоциональные закидоны учителя.

Прошагав по улочкам зимней Коломны несколько километров, Вольдемар дошел до Бобриневского монастыря. Помолившись в храме, он направился вдоль реки Оки в сторону плавучей гостиницы «Со роковой меридиан». Проходя мимо монастырей и соборов, он увидел вдаль Анну. Обрадовавшись неожиданной встрече, он хотел закричать. Но внутренне встряхнувшись, взял себя в руки и, не издав ни звука,

побрел дальше своей дорогой. «Не дело это — провоцировать женатую девушку. У нее своя жизнь, у меня своя. И нет у нас ничего общего, кроме учебы в одном институте, а остальное иллюзии несбывшихся надежд. Не пойду ни к какому Аристарху Владленовичу на прием, нечего там искать. Дурацкая затея — пытаться найти в темной комнате черную кошку, особенно если ее там нет». Зимний день постепенно клонился к финалу, стало смеркаться.

* * *

Выйдя из душа в шелковом халатике и обмотав голову банным полотенцем, Анна вошла в маленькую комнату, которая служила спальней. Полуболевшись своим отражением в зеркале, Анна прыгнула на диван, залезла под одеяло, нащупала под подушкой пульт и включила телевизор. Глаза медленно слипались. Заснув крепким сном, Анна погрузилась в царство Морфея.

Было три часа ночи. Анна, вся в холодном и липком поту, резко проснулась. Она видела во сне, что идет босыми ногами по снегу и держит в руках окровавленную песью голову. Ей показалась сквозь сон, что в квартире слышен какой-то посторонний шум. Наверное, приснилось или, того хуже, почудилось, внутренне успокаивала себя Анна. А может, кошка Дюся, ночная полуночица, опять цветочный горшок разбила, скачет... И, не придав звукам особого значения, разбуженная Анна опустила голову на подушку и закрыла глаза. Но заснуть второй раз за эту ночь ей не удалось. Анна ворочалась и так и эдак, с бока на живот, с живота на спину, что-то все время не давало ей покоя. Гнетущее чувство опасности, сродни инстинкту самосохранения, нарушило покой и жизненное пространство. Бросив попытки крепко заснуть, она лежала на животе, подложив подушку под грудь, и, дрыгая ногами в воздухе, стучала себе пятками по ягодицам. Пролистывая телевизионные каналы, она думала о Вольдемаре, Максиме, работе, церкви... Эти вещи не давали ей покоя. За стенкой, где находилась большая комната, появился прерывистый шорох. Анна не придавала этим звукам особого значения и снова погрузилась в телевизионную картинку, думая о женских глупостях. Звуки раздались вновь и походили на мышиную возню. Анна встала с кровати и убавила до нуля громкость звука на телевизоре. Посторонние звуки не исчезли. Слегка вспотев, Анна короткими медленными шагами подошла к двери, повернула ручку, выглянула из-за еле-еле приоткрытой двери. Старые дверные петли противно заскрипели и выдали ее с потрохами. Услышав раздражающий скрип, в коридоре появился

призрак. Темный балахон с капюшоном и вытянутая маска в форме черепа... Это была все та же бабушка, вышедшая поздней ночью одна погулять из могилы. Не может она никак успокоиться на том свете! Бессонница у нее.

В руке у привидения находился шуруповерт. Оно нажало несколько раз указательным пальцем на кнопку «вкл./выкл.», и шуруповерт издал страшное жужжание. Анна рванула на кухню. Призрак в маске обычными шагами направился вслед за ней. Войдя на кухню, призрак снова включил шуруповерт. Держа его перед собой на вытянутой руке, как пистолет, стал медленно надвигаться на побелевшую от страха Анну. Сердце ушло в пятки, она крепко зажмурилась и стала молить Бога о спасении. Призрак приближался к жертве. Сверло, вставленное в шуруповерт, жужжало на расстоянии десяти сантиметров от сонной артерии Анны. Ее настигала неминуемая смерть. Не видать ей в этой жизни деток от любимого мужчины, не пойдет она больше завтра на работу в школу, все, кончилась жизнь, такая короткая «зеленая» жизнь. Пролетела в одно мгновение. Эх, жизнь: институт, работа, ученики, оценки, ювелирные магазины, норковая шуба! Где теперь это все? А была ли она, настоящая жизнь?

ГЛАВА 2. СРЫВАЯ МАСКУ

Сверло жужжало в нескольких сантиметрах от шеи Анны. Жизнь висела на волоске. Нащупав правой рукой сковородку на плите (как хорошо, что она терпеть не может на ночь мыть посуду и оставила грязную сковородку на плите до утра, а то бы убрала чистую в шкафчик — и поминай как звали) и крепко сжав ее рукоять, Анна со всей силы ударила исконно женским оружием по голове призрака, ударила так, что слетела маска.

Оглушенное мощным ударом привидение издало нечеловеческий визг. Анна юркнула под кухонный стол и забилась в самый угол. Издавая дикий рев, привидение резко дернулось к дверям, но, не найдя выхода в темноте, врезалось в холодильник. Далее привидение (призрак или черт знает что такое, одним словом, нечто в черном) заметалось по кухне, сшибая все на своем пути, затем, выбившись из сил, оно распахнуло окно и прыгнуло вниз. Анна увидела спину своей обидчицы, на плечи темного балахона спадали длинные волосы. Дрожащая от ужаса Анна просидела под столом до самого рассвета. С первыми лучами солнца она с опаской вылезла из-под стола и со сковородкой в руке тщательно обошла всю квартиру в поисках ночного явления. Но квартира была абсолютно пуста, кроме хозяйки Анны и кошки Муси, которая забилась от

холода под диван, в квартире больше никого не было. Убедившись, что в квартире действительно никого нет, Анна успокоилась. Она почувствовала жуткий холод, исходивший из открытого окна. Февральский морозец трещал на искрящемся снегу за окном и намекал, что до настоящей весны далеко. Внимательно посмотрев на вмятину в сугробе, Анна закрыла окно и судорожно принялась отыскивать мобильный телефон.

Увидев на экране кучу пропущенных вызовов из школы, Анна поняла, что опаздывает на работу. И ведь серьезно опаздывает, первые два урока прошли и начинается третий! Набрав дрожащей рукой номер завуча, Анна услышала в телефонной трубке длинные тягучие гудки, показавшиеся ей вечностью. Наконец раздался голос:

— Анна Витальевна! Что случилось? Вы почему не на работе?

— Понимаете, Инна Анатольевна...

Анна замялась, она начала трезво осознавать происходящее. Что она сейчас должна сказать в свое оправдание? Что сегодня ночью ее терроризировал призрак? Да не просто призрак, а труп покойной бабушки, получается. Руководство школы явно негативно воспримет подобную информацию, Анну отстранят от работы и даже на километр не подпустят к детям, профессия педагога будет для нее закрыта навсегда. Но это еще в лучшем случае. А в худшем? В худшем сошлют в сумасшедший дом с диагнозом «острая шизофрения».

— Анна Витальевна! Алло?! Вы меня слышите? — Голос завуча раздраженно требовал объяснений.

— Да-да... — Анна еще не придумала, что бы такое соврать. — У меня трубу прорвало, — ляпнула она наугад. — Чуть соседей не затопила, представляете? Хорошо, что вовремя успела воду перекрыть. А то муж на работе, прям беда без него.

— А сейчас все у вас в порядке? Больше ничего не течет?

— Слава богу. Тьфу, тьфу, тьфу... — Анна постучала костяшками пальцев по деревянному столу. — Сейчас подъеду, Инна Анатольевна, не переживайте.

— Не надо куда-то подъезжать, — отрезала холодным тоном Инна Анатольевна.

Спина Анны покрылась липким потом, в голове возникла мысль: вдруг уволили? Взяв себя в руки, она спросила нервно-дрожащим голосом:

— Поч-чему?

— Мы нашли вам замену.

— К-ка-ак нашли? Что же теперь делать?

— Ну что делать, что делать... — Раздраженный голос завуча приобрел благожелательные оттенки. — Сегодня можете не приходить, сегодня вас Ли-

дия Степановна подменит. А завтра чтобы были как штык! И справку не забудьте предоставить из ЖЭКа, что у вас действительно был прорыв или авария, не знаю, как это называется.

— Поняла, — поддакнула Анна.

— Так что сегодня вы дома, за свой счет. Но учтите, в следующий раз получите строгий выговор с занесением в личное дело.

— Инна Анатольевна! — радостно запричитала Анна. — Все поняла, больше такого не повторится, честное слово.

— Надеюсь, — буркнула завуч и повесила трубку.

* * *

Следующим, кому решила позвонить Анна, был муж. Но телефон Максима упорно не отвечал, а на сорочковом гудке механический голос озвучил: «Абонент временно недоступен. Оставьте сообщение после звукового сигнала». Тогда в состоянии абсолютного отчаяния Анна автоматически позвонила Вольдемару.

Вольдемар, поклявшийся больше не приближаться к Анне, спросонья не обратил внимание на номер входящего звонка и в испуганном состоянии машинально нажал на кнопку, думая, что опять проспал на работу, хотя сегодня у него по графику в расписании стояла вторая смена.

— Александр Викторович, я на подходе, буду через пять минут. Просто тут трамвай сломался, поэтому немножко задерживаюсь.

— Алло, Вольдемарчик! — воскликнула дружелюбно Анна. — Это я!

— Кто это? Кто? — настороженно вопрошал Вольдемар.

Сообразив, в чем дело, Анна решила разыграть непунктуального друга.

— Меня хорошо слышно? — серьезно спросила она.

— Да, слушаю вас.

— Это секретарь. Я от Александра Викторовича звоню.

— Да, да. Внимательно слушаю.

— Что ж вы это опять опаздываете? Когда же это кончится?! Долго нам еще терпеть ваши закидоны? Вы вообще что себе позволяете? Думаете, вам все можно? Когда хочешь пришел, когда хочешь ушел!

— Клянусь, такого больше не повторится. Это первый и последний раз.

— Вы исчерпали наш лимит доверия, Вольдемар Таранович. Александр Викторович твердо сказал вас уволить по статье. Трудовую книжку можете забрать на следующей неделе. — Произнес суровый приговор, Анна еле сдерживала себя от смеха.

— Подождите! Может, еще можно что-нибудь сделать? — умолял ошарашенный Вольдемар.

— Слишком поздно. Документы ушли в отдел кадров. Вы уволены.

— Ой...

— Вот вам и ой! Не будете больше опаздывать!

У Вольдемара пересохло в горле. Пытаясь издать хоть какие-то звуки, он открыл рот, но выходила бессмысленная какофония. Тогда Вольдемар послушно закивал головой, будто девушка, звонившая от Александра Викторовича, обязательно должна понять его безмолвное раскаяние.

— Не слышу, — смеясь, сказала Анна. — Что вы там, Вольдемар, булькаете? Говорите четче!

Начиная догадываться, в чем дело, Вольдемар убрал телефон от уха и посмотрел на экран, чтобы узнать, с какого номера пришел звонок. Догадка подтвердилась, звонила Аня! Черт тебя дери!

— Ань, ты чо?! Совсем обалдела?! У меня чуть сердце в пятки не ушло!

— А не будешь опаздывать больше, — шутливо ответила она.

— Я думал, поседею за эти три минуты разговора. Никогда так больше не делай!

— Ладно, ладно. Не кипятись.

— А ты вообще чего звонишь?

— Вольдемарушка, обещай, что ты мне не откажешь.

— Что у тебя опять случилось?

— Ничего нового. Та же самая проблема. Призрак бабушки опять сегодня ночью приходил.

— И что же?

— Напала бабка на меня! Еле отбилась.

— Да ты чо?!

— А ты думаешь, я тебе просто так звоню?!

— Кто тебя знает... Чего ты опять придумываешь.

— М-м-м, какой ты! Я не придумываю. Приезжай и сам посмотри. Она на меня сегодня ночью напала.

— Прямо взяла и напала?

— Да! Блин, говорю же! Я ее сковородкой по башке огрела!

— Это серьезно, — задумавшись произнес Вольдемар. — Ладно, в течение часа приеду, жди.

Вольдемар приехал через три часа. Осторожно поинтересовавшись, нет ли дома мужа, он слегка нахально стал рассказывать по квартире Анны, воображая себя великим сыщиком. Хотя Анна сама до конца не была уверена, что мужа абсолютно точно в ближайшее время не будет дома. Максим мог вернуться домой с работы в любую минуту. С другой стороны, что здесь такого? Сам виноват, телефон выключил, а я тут сиди одна, отбиваясь от всякой нечисти кухонной утва-

рю. А я все-таки хрупкая девушка, а не какая-нибудь там бабища околоточная. Надо защищать свою жену, а не прозябать неизвестно где, отключив телефон.

— А что это за круги? — спросил Вольдемар, указывая на нарисованные по всей квартире мелом круги.

— Это я нарисовала.

— Ты? Зачем?

— Я где-то читала, это вроде как помогает от злых духов.

— И что? Помогло?

— Не особо...

— Жуть! — многозначительно изрек Вольдемар.

На кухне он взял маску, слетевшую с призрака. Внимательно рассмотрел улику, повертел в руках. Это точная копия маски из фильма ужасов «Крик». Вытянутый череп вызывал ощущение смерти и чертовщины. Такую носили маньяки-убийцы из американской киноэпопеи. Внутри маски осталось несколько рыжих волосков. Развернув измятый ярлык с изображением черного кота в виде логотипа и прищурившись, Вольдемар прочитал мелкий шрифт: «Магазин подарков и сувениров "Кот Бегемот"». Тот, кто затеял весь этот маскарад, явно хочет поиграть с нами в игру в жанре «Кошмар на улице Вязов». Ну ничего, мы тебе устроим «Дисотеку на улице Морг». Напляшешься, подлюка, на обломках своих идей, кто бы ты ни был!

— Я так испугалась! Чуть в штаны не наделала.

— Ты говоришь, видела со спины, да?

— Да! Сто раз, что ли, тебе повторять?

— А волосы примерно какие у нее? Вот так, до плеч? — Вольдемар показал на себе ладонью длину волос призрака.

— Я чего, линейкой их мерила?

— Хотя бы примерно можешь сказать?

— Ну примерно где-то до плеч будет.

— А цвет, конечно же, не заметила?

— Заметила! Я ведь как кошка Муся, тоже все вижу в темноте. Хочешь, могу даже тебе с точностью оттенки описать. Нет, конечно. Я думала о том, как мне в живых остаться! А не о цвете волос у привидения.

— Значит так, я сейчас пока ничего сказать не могу, — перебил женскую сентиментальность Вольдемар. — Надо кое-что проверить. Но думаю, это последний раз, когда тебя беспокоит подобное привидение. Я положу этому конец.

— Спасибо, было бы весьма кстати, — скептически поблагодарила Анна.

В дверь раздался звонок, а затем кто-то сильно ударил кулаком.

— Кто это? Муж?

— Не знаю, наверное, он.

— Опять муж, — тяжело вздохнул Вольдемар. — Ну чувствую, щас начнется.

— У него же ключи есть.

— А кто это тогда?

— Не знаю, — прошипела Анна и тихо подошла к двери. — Кто там?

— Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, вы верите в Бога?

Лязгнув замком, Анна добродушно открыла дверь. На пороге стояли смуглая, черноволосая, но почему-то веснушчатая девушка и примерно такого же вида парень. Единственное их отличие состояло в том, что парень очень быстро моргал глазами... Морг-морг, морг-морг!

Вольдемар деликатно потеснил Анну:

— Позволь.

— Здравствуйте! — почти одновременно сказали они в один голос. — Скажите пожалуйста, вы верите в Бога?

— Секта свидетелей Иеговы? Ну здравствуйте.

— Почему сразу секта? — обиженно спросили они.

— А кто же тогда?

— Мы бесплатно распространяем научные брошюры и литературу, — сказала сектантка.

— Наша литература лучше помогает понять священные писания из Библии, — подхватил парень.

— Спасибо, не надо.

— Почему не хотите? Бесплатно же.

— Я читал Библию. И не совсем понимаю, каким образом здесь свидетели Иеговы?

— В смысле?

— В прямом... А можно вопрос: почему умирают люди?

— Это очень серьезный вопрос. Так за пять минут не объяснишь, — ответила девушка. — Приходите к нам в эту пятницу на собрание. Вот здесь в брошюре адресок написан. Вы сможете получить полную информацию по данному вопросу.

— Нет, ну а все-таки?

Иеговисты замаялись. И лишь невнятно ответили в унисон:

— Это, как бы вам сказать... Это каждый сам для себя определяет...

— Как это так — сам? — молниеносно парировал Вольдемар.

— Наше учение основано на Библии... И все тут.

— Интересные вы ребята, елки-палки!

— Все остальное вы можете узнать по указанному адресу в брошюре, — отбрыкивалась от словесных нападков Бархоткина девушка.

— Вольдемар! Да оставь их в покое. Хватит им доказывать, что дважды два будет четыре, — сказала Анна.

Вольдемар податливо стих.

— Нам брошюры оставить? — спросил парень, стараясь не придавать своему голосу оттенки поражения, поскольку данную словесную дуэль сектанты проиграли.

— Ага, оставь, — без злобы поддакнул Вольдемар, но тут же встрепенул и добавил: — А вы знаете, лучше что... По секрету!

— Что?

— А вот что. — Вольдемар указал пальцем на соседнюю дверь, где квартировались гастарбайтеры. — Смотрите туда.

— Ну что? — Представители объединения «Свидетели Иеговы» дружно покосились на соседнюю дверь.

Вольдемар поднес ладонь ко рту и шепотом продолжил:

— Там живут люди, которые очень хотят вступить в ряды свидетелей Иеговы. Но поскольку они постоянно очень заняты и устают на работе, у них руки не доходят это сделать.

— Правда? — настороженно спросил парень.

По лицу сектанта было отчетливо видно, он принял слова Вольдемара за чистую монету. Ему чертовски не терпелось нажать на кнопку звонка соседней квартиры и завербовать в свои ряды новых участников.

— Абсолютная, — на голубом глазу подтвердил Вольдемар.

— Хм... — усомнилась девушка.

— Ну?! — возбужденно поддержал сомнения парень и даже крикнул от избытка энергии. Настроение у него менялось как у хамелеона в брачный период, а моргание глазами усилилось.

— Seriously вам говорю, смысл мне врать! Стучитесь к ним громче, а то они слегка глуховатые. — Вольдемар еле сдерживал себя, чтобы не сорваться на истеричный хохот. — Прямо с ноги бейте в дверь, а иначе не откроют.

— Ну спасибо! — обрадовался парень. — Вот вам еще брошюры, возьмите.

— Благодарствуйте, — сказал Вольдемар, приняв нелепые брошюры и захлопнул дверь.

— Ну ты даешь, — восхищенно сказала Анна.

Вольдемар одухотворенно посмотрел на нее, а затем спросил:

— Слушай, а где у тебя туалет?

Восхищение тут же спало с лица, и Шевелькова удивленно ответила:

— А туалет у нас совмещен с ванной.

— Угу, понял. — Вольдемар широко открыл дверь, ведущую в ванную комнату, богатырским движением разорвал огромной толщины стопку брошюр на

несколько маленьких частей и смысл всю сектантскую пропаганду в бездну унитаза.

Из-за входной двери раздался громкий шум. Вольдемар еле слышно подошел к дверному глазку и стал наблюдать за происходящим.

За дверью на лестничной площадке происходило следующее. Парень из секты «Свидетели Иеговы» несколько раз что есть дури ударил ногой по соседской двери. Дверь распахнулась, и оттуда вышли два мужественных горцев в дверной глазок рассмотреть было сложно, так как их прикрывали окладистого размера бороды. Зато дальнейшие действия отчетливо просматривались сквозь дверной глазок. Получив по роже своими собственными агитками, представители секты «Свидетели Иеговы» ощутили также на собственной шкуре дюжину приемов спортивной борьбы самбо. Потерпев сокрушительное поражение от истинных мастеров кровавого спорта, «свидетели-пропагандисты» кубарем летели с лестницы до первого этажа, проклиная все на свете, в том числе и собственные религиозные убеждения. Суровые горцы крикнули им вслед: «Фалыте нахэр ацтсуда!» И ушли обратно в свою квартиру.

Вольдемар помаялся еще около пяти минут у дверного глазка, опасаясь возвращения назойливых сектантов. Но их давно и след простыл! Этот урок они запомнили на всю жизнь. И теперь будут обходить зловещий пятиэтажный дом за пять километров стороной.

Тогда Вольдемар решительно сказал:

— Я пойду осматрю сугроб. Ань, закрой за мной дверь. В общем, будем на связи, позвоню, если что.

— Договорились, Вольдемарчик.

Выйдя за порог квартиры, Вольдемар обернулся. И увидел счастливое личико Анны, выглядывающее из-за слегка приоткрытой двери:

— Вольдемарчик, спасибо тебе большое!

— Сочтемся, — сексуально ответил Вольдемар и, окрыленный, посккал вниз по лестнице.

Осмотр сугроба отчетливо показывал следующее: человек выпрыгнувшей из окна Аниной кухни, очень удачно приземлился прямо в центр снежной кучи. Благо последние дни были снежными и сугробов под окнами Анны намело аж несколько штук. Вольдемар не исключал возможности под личиной призрака скрывается муженек Максим. Иначе куда он так неожиданно пропал после работы и почему отключил телефон? Ведь он должен закончить смену грузчика в восемь утра. А на часах обед. Где его носит? Сидит в травмпункте, бинтует голову? Хотя вариант с девушкой на ресепшене тоже не стоит отбрасывать, данный вариант кажется даже более убедительным, нежели

Максим в женском парике. Но нельзя сбрасывать со счетов все версии, которые кажутся на первый взгляд абсурдными. Жизнь — штука интересная. Один Бог знает, как оно будет.

Вольдемар взглянул на часы, ровно полдень. «Елки-палки, я опаздываю на работу!» Бархоткин вскочил со скамейки, выпрыгнул из-под козырька автобусной остановки и выбежал на дорогу. Широко размахивая руками, пытался поймать машину.

Такси, как назло, не ездил, а остальные автомобили равнодушно проезжали мимо, не обращая внимания на молодого человека, который энергично жестикулировал, пытаясь убедить водителей подвезти в нужную ему сторону. В конце концов Вольдемару удалось поймать ржавую «девятку». Подбежав к тонированной машине, из которой гремел угрюмый шансон, Вольдемар залепетал:

— Подбросьте бедного учителя до школы. Опаздываю на работу. Не дайте пропасть... Здесь недалеко, я покажу.

Тонированное стекло опустилось, и Вольдемар увидел сидящего на месте водителя злого Максима. На нем не было ни единой царапины. Ни малейшего намека на синяки, ссадины, избиения...

— Опять ты?! — агрессивно спросил Максим.

— Ага. — Вольдемар улыбнулся.

— Как ты меня достал! Сейчас выйду и отрихтую тебя монтировкой! Вернись!

В этот момент к остановке подъехал автобус. Вольдемар, запрыгивая в общественный транспорт, услышал вслед:

— Ну Анька, дрянь! Убью обоих! Любовнички хреновы! Сволочи...

ГЛАВА 3. БЫТОВОЙ МАЗОХИЗМ

Ворвавшись в квартиру, Максим, словно голодный вурдак, накинулся на Анну. Лицо у него белело прозрачной бледностью трупа. Под глазами жуткими полукругами чернели нездоровые мешки, будто внутри его существа притаился весь ужас прошедшей ночи...

— Совсем здесь распустилась! — кричал он.

— Максим, успокойся. И объясни, пожалуйста, в чем дело. — Анна пыталась сгладить накалившуюся ситуацию.

— Успокойся?! Да?!

— Максим, может, тебе стоит обратиться к психологу и поработать над своей агрессией?

— Чего?! К психологу! Может быть, тебе стоит прекратить меня провоцировать, мразь?!

В стыдливом взгляде Анны Максим якобы уловил признаки измены.

— Не понимаю, чего ты так орешь? И кстати, почему ты сам во столько пришел с работы? А?

Вопрос про возвращение с работы взбесил Максима еще больше.

— Я пришел?! Это я во столько пришел?!

— Ты лучше бы поинтересовался, что тут ночью было! — тоже, начиная закипать, гаркнула Анна.

— Что тут было, что тут было... Трахалась ты здесь с Вольдемарчиком! Вот что было!

— Ты совсем офонарел! — Анна превратилась в бешеную кошку, готовую вцепиться острыми когтями в лицо своему обидчику.

— Я видел его на автобусной остановке. Что он, по-твоему, там делал?! Отвечай!

— Откуда я знаю... Мало ли.

— На экскурсию он, что ли, сюда приехал?! Отвечай, проститутка!

— Максим, правда не знаю. Ты увидел Вольдемара на автобусной остановке... И все теперь, любовник. Ишь, как зашелся! А я ни сном ни духом...

— Подлая, мерзкая шлюха... — Хищные глаза Максима налились кровью. — Никогда не ври мне! Слышишь, дрянь?! Никогда!

— Ты лучше бы так деньги в семью зарабатывал, как ты орешь! Сколько мы на мою зарплату живем? Напомнить тебе?

Тема денег была больной для Максима, разговор о финансовом неблагополучии семьи не заживал в сознании гноящейся раной. Слова о невозможности содержать семью, состоящую из его самого и супруги без детей, вечно провоцировали агрессию, а постоянные упрёки и уколы действовали на больное самолюбие Максима, как красная тряпка на быка. Маховик бешенства запущен, и Максим в состоянии аффекта не отдавал себе отчета.

— Ага, я там на работе ящики грузу! — Он сделал несколько шагов навстречу взбесившейся жене. — Пока я там впахивую до седьмого пота! А ты здесь с любовничком кувыркаешься! Конечно, я офонарел! — Издав неудобоваримые звуки, он смачно харкнул прямо в лицо супруге. Мерзкий плевок вперемишку с коричнево-зелеными соплями густо стекал по ее щеке. — Я тебя убью, — процедил сквозь зубы Максим.

— Эх, М-м-ма-аксим... М-ма-аксим... — Вытирая ладонью плевок с щеки, Анна с ужасом смотрела на озверевшего мужа.

Потухшие зрачки Максима разгорались сатанинским, прыгающим огнем. Жилистое тело наполнялось ощущением железной силы. Он посмотрел в глаза Анне и спросил спокойно-спокойно, тихо-тихо, боясь разбудить в себе демона из преисподней:

— Признайся, ты же ведь обмануть меня хочешь?

— Нет, Максим. Я так просто позвонила ему... — робко ответила Анна и опустила взгляд вниз, стараясь не смотреть на мужа, ей стало стыдно за необдуманый звонок Вольдемару.

— Интересно, интересно... Значит, ты просто... Взяла и позвонила? Понятно... Я так и знал.

— Прости меня! Я не хотела! У меня и в мыслях не было! Ни чувства! Ничего! Я тебя, тебя люблю! Ты мой единственный, ты один мой мужчина! Больше у меня никого не было!

— Брось ты... Чего уж теперь-то оправдываться? Поздно ты, Анька, спохватилась, поздно!

— Это почему? — промолвила оцепеневшая от страха Анна.

— Ты тоже не обижайся на меня. Я тоже ну вот так, по-свойски, просто для профилактики. — Максим плотно приблизился к супруге и нанес ей несколько ударов кулаком в живот.

Анна упала. Она не кричала, не плакала. Насилие, которое совершал Максим, доставляло ему незнакомое доселе наслаждение. Тогда он нанес удар ногой. Из уст Анны вырвался стон, она перевернулась на спину, подставив под удар живот. Не помня себя, Максим стал наносить удары изо всех сил... Утратив былой запал, он остановился. Успавшись, тиран-супруг прикрыл лицо рукой, чтобы не видеть скрюченное избитое тело, окровавленное лицо и глаза, в которых отражалось мученическое непонимание мира. Максим брезгливо отвернулся и, стиснув зубы, сказал:

— Пусть это будет тебе уроком.

Затем он сорвал с Анны одежду и поволок за волосы в ванную.

— Будешь знать, сука, как с чужими мужиками кувыркаться! Я тебя научу верности, — приговаривал Максим, волоча супругу за космы.

Затащив голую Анну в ванную, он открыл холодную воду и засунул голову жены под ледяную струю воды, продолжая злобно приговаривать:

— Будешь знать, как с другими мужиками трахаться! Я тебя проучу! На всю жизнь запомнишь!

Анна завизжала отчаянно, что есть сил:

— Ой-ой-ой! Господи! Помогите! Помогите Христа ради!

— Заткнись!

— Боженька, помоги! Помогите боженька! Пресвятая мать божия, заступница... Ради всего святого! Ну прости ты меня!..

— Да заткнись же, проклятое мясо!

Максим открыл до упора кран с холодной водой, а Анна продолжала истерично кричать:

— Господи, помоги! Спаси меня! Помоги! Господи помилуй! — Захлебываясь в собственном крике, она практически выбилась из сил.

Сознание покидало ее, а тело погружалось в мокрую ледяную бездну. Анна не понимала, происходит ли это наяву или она умерла. Но несмотря ни на что, разбитыми окровавленными губами она продолжала шептать молитву о спасении. Сердце быстро билось в груди, истинная вера, как острый меч, разрубила око-вы боли и страха. В дверь раздался звонок. Дрогнув, Максим испуганно закрыл воду.

— Тихо ты... — приказал он Анне, которая откашли- валась излишками воды.

Весь красный от гнева, Максим сверху глядел на жену, та перестала издавать хоть какие-нибудь жиз- ненные звуки. На нее равнодушно, не моргая, смотре- ли бездонно-мутные глаза мужа. В дверь позвонили еще несколько раз, и гораздо настойчивее. Максим настороженно подошел к двери. Посмотрел в глазок, ничего не понял. И пугливо спросил:

— Кто это?

— Доброго дня! Хозяйка дома?

— Нет дома, — буркнул Максим.

— Мне нужна Анна Витальевна. У нас с ней было об- говорено.

— Сказал же, нету дома!

— Могу я с вами обговорить данный вопрос? Дело в том, что для Анны это было очень важно.

— Уши прочисти, дядя! Говорю же русским языком, нет ее! — настойчиво повторил Максим. — В другой раз приходите.

— Я не отниму у вас много времени. Откройте, по- жалуйста.

«Теперь не отвяжется», — подумал Максим. От- крыть ему, что ли? А то еще ментов вызовет... Запа- дил одно и то же, как ужаленный в одно место попу- гай: «Я не отниму у вас много времени, я не отниму у вас много времени...» В дверь снова позвонили. Де- лать нечего, Максим раздраженно открыл дверь и уви- дел перед собой православного священника. Он был среднего роста и немного улыбался. На груди висел внушительных размеров крест, священник имел гу- стую, смолистую бороду и длинные волосы, аккурат- но собранные в хвост. Священник в черной рясе дру- желюбно посмотрел на источающего зло Максима, а затем произнес:

— Прошу прощения, что вас отвлекаю...

— На пожертвования там всякие денег нет! И если бы и были, то не дал бы!

— Господь с вами! Какие деньги? Какие пожертвова- ния? — Священник слегка растерялся.

— А чего же тогда?

— Давеча к нам в храм приходила ваша супруга, Анна Витальевна. Просила освятить вашу квартиру и отслужить молебен. Говорила, какая-то нечистая сила завелась у вас тут. — Священник широко улыбнулся, от него исходила благодатная энергетика. — Мы дого- варивались несколько позже. Но так сложились обсто- ятельства, что у меня завтра не получается. Срочно нужно ехать к владыке в Москву. Поэтому решил се- годня к вам заглянуть.

— Сегодня не получится, — с ненавистью в голосе ответил Максим.

Из ванной вышла Анна, укутанная в разорванный шелковый халатик. Она была похожа на мокрую кош- ку, которую изрядно потрепала стая бродячих собак. Из губы сочилась кровь, на руках и ногах виднелись свежие ссадины, тело дрожало от озноба, а под гла- зом находился чрезвычайных размеров синяк. Анна задумчиво посмотрела на священника и медленно, грустным голосом произнесла:

— Не надо сегодня.

Максим мрачно ухмыльнулся. Такая покорность супруги польстила его самолюбию. С этой секунды он ощутил свое превосходство перед священнослужи- телем. Хотя до этого испытывал перед ним духовную слабость. А теперь он горделиво стоял, скрестив руки в районе грудной клетки. Мысленно укорял борода- того святошу, который приперся со своим уставом в его огород, а теперь не знает, что же такого возразить живущему по понятиям Максиму.

Анна окинула тоскливым взглядом священника и похромала на кухню, не зная, что теперь сделать: то ли наложить на себя руки с горя, то ли громко запеть во весь голос...

— Молодой человек, молодой человек... — тяж- ко вздыхая начал священник. — Конечно, дело ваше. Сугубо личное, семейное. Но запомните, пожалуй- ста, мои слова. Жена не сапог, поносил — выбросил... Жена — это верный друг и помощник на всю жизнь. Мать деток ваших общих, хранительница очага.

— Ха-ха-ха! — Максим цинично расхохотался во весь голос, а затем, глядя прямо в глаза священнику, простодушно добавил: — Не жена, а просто баба.

— Зря вы так, молодой человек. Вы же наверняка читали Библию или, во всяком случае, что-то слышали?

— Допустим.

— Так вот, согласно Библии, женщина произошла из ребра мужчины Адама.

— Ева? — невесело спросил Максим.

— Да, совершенно верно, Ева... Вы вздумайте! — Свя- щенник поднял указательный палец вверх. — Из ре- бра! Не из ноги, чтобы быть униженной. Не из головы, чтобы превосходить. А из ребра! То есть со стороны

левого бока! А почему? А для того, чтобы быть бок о бок. Чтобы быть защищенной.

— А с левой стороны почему? Она, типа, левая была такая телка?

— С левой стороны — значит, со стороны сердца, чтобы быть любимой. Адам, увидев Еву после того, как Господь навел на него крепкий сон, сказал: «Это кость от костей моих и плоть от плоти моя, она будет называться женою, ибо взята от мужа своего».

ГЛАВА 4. КСИВА

После работы Вольдемар отправился к старому знакомому по имени Константин Вэрд. Дружба с Вэрдом связывала давно, он не раз выручал Вольдемара в самых нелепых жизненных ситуациях. Вэрд был инвалидом от рождения и не мог ходить, поэтому из дома выбирался редко, а перемещался по квартире при помощи инвалидного кресла на автоматическом управлении. У Вэрда имелся паралич лицевого нерва, что существенно замедляло речь. И говорил он с интонацией зажеванной пленки, не произнося, а извлекающая из ротовой полости заезженные, картявые звуки сквозь сомкнутые челюсти. Родители у Костики давно уехали за бугор. Он бобылем-отшельником проживал в огромной трехкомнатной квартире, которая служила ему единственным убежищем. Простому человеку трудно понять, как так можно жить безработным трутнем в унылом одиночестве. А Вэрд жил, даже иногда умудрялся напиваться до беспамятства, вызывая домой проституток и дрался с ними по причине мужской беспомощности.

Доходы у него были относительно небольшие, маленькая пенсия по инвалидности и еще один не совсем легальный доход, которым Вэрд очень гордился и считал его своим основным кормильцем. Поскольку все свободное время он проводил в Интернете, а это двадцать четыре часа в сутки, даже во время сна — Вэрд всегда онлайн! — он слыл настоящим компьютерным маньяком, чокнутым гением, сумасшедшим программистом, великим мошенником от природы. Он наладил «скромный бизнес» с арифметической точностью швейцарских часов.

Вэрд заказывал в одном известном китайском интернет-магазине всевозможные гаджеты, мобильные устройства, смартфоны, планшеты и прочие электронные безделушки в огромных количествах, потому что доставка из Китая абсолютно бесплатная. Затем он включал портативную видеокамеру, прилепленную скотчем на обыкновенную бейсболку (подобная конструкция напоминала фонарик на каске у шахтера). Видеокамера фиксировала следующие действия: Вэрд

распаковывал коробку с очередным телефоном, бережно доставал из коробки все содержимое, вставлял в телефон сим-карту, накрывал аккумулятором, следом защелкивалась крышка — и телефон полностью готов к эксплуатации. Казалось бы, претензий нет, товар получен, нарушений и сбоев в работе не обнаружено. Но Вэрд придумал одну хитрую штуку: он брал зарядное устройство, вынутое из той же новой опечатанной коробки, и вставлял один конец в розетку, находящуюся рядом со столом, где производился весь тест-драйв, а другой конец зарядки, маленький штекер, вставлял в новый телефон. О ужас! Гнездо для зарядки — повреждено. На дисплее новенького телефона сигнал то появлялся, то пропадал... Брак налицо. И тут Вэрд включал отработанную легенду, мол, телефон ему в принципе нравится и никакого возврата, обмена на новую модель не надо. Он готов самостоятельно починить гаджет в местном техцентре, а сумму в сто пятьдесят долларов, какую он потратит на ремонт бракованного аппарата, он просит незамедлительно перевести ему на счет электронного кошелька. Видеозапись, подтверждающая дефекты, прилагается. Китайские продавцы долго чесали затылки, не понимая, почему именно у этого покупателя из России, у него одного, постоянно бракованные телефоны. Но закон о защите прав потребителя в Китае гласит: «Продавец обязан возратить полную сумму покупателю, затраченную им на ремонт устройства, если брак допущен по вине производителя». Бюрократический парадокс.

Деньги Вэрду продавцы всегда переводили на счет, боясь за свою репутацию и страшась сурового китайского законодательства. Второго, конечно, больше, китайский уголовный кодекс предусматривал жесткое наказание за неисполнение закона, вплоть до смертной казни. Таким образом, Константин Вэрд нашел юридическую лазейку в китайской судебной системе, считая придуманное «ноу-хау» главным своим заработком и в глубине души гордясь такой смекалкой. Он переделал розетку, куда вставлял зарядное устройство, таким образом, чтобы она постоянно коротила и замыкала. Тем самым создавался обманчивый эффект поломанного гнезда в телефоне — заводской брак. Технический изъян фиксировался на видео — и продавцам нечего было возразить против такого веского аргумента. Поэтому им приходилось постоянно раскошелиться, дабы загладить конфликт с несчастным покупателем из России, который выглядел в данной ситуации невинной жертвой, купившей устройство с заводским браком.

Войдя в квартиру к Вэрду, Вольдемар, не разуваясь, прошел по длинному узкому коридору, все время спотыкаясь и поворачивая голову то вправо, то влево,

с брезгливостью рассматривая потеки, коричневые разводы, ободранные обои. Отовсюду исходил кислый и затхлый запах. В убранстве дома не осталось ни малейшего намека на бывшее великолепие номенклатурного превосходства. Все так и вопило о помощи: «Помогите! Отремонтируйте нас! Или хотя бы просто проведите влажную уборку...» Преодолев смрадный коридор и войдя в неубранную комнату, Вольдемар громко крикнул:

— Здорово, Вэрдыч!

— Ждарова, ждарова... — выдавил сквозь зубы Вэрд.

— Как дела? — с живым интересом любопытствовал Вольдемар.

— На лыжном фронте? Или вообще как? — Вэрд демонстративно замахал руками.

Такие тонкие уточнения поставили Вольдемара в тупик.

— И так, и так... Расскажи, как в целом у тебя?

— Ой! Ну в целом-м-м как бы все нормик. — При ответе Вэрд сильно тряс головой, нижняя челюсть съехала куда-то вниз, так что было непонятно, говорит он ртом или откуда-то из подмышки, которая у него почему-то расположена в области тазобедренного сустава. — Сейча-з-з-з телку адну по сетке кадрю, — продолжил отвечать на вопрос о личном Вэрд. — Приезжая, кашется... Ключет на мою квартиру! Зову на свидание, пока не соглашается, говорит, мала яще зна... знакомы-ы... — Вэрд завыл нараспев диковинную инопланетянскую мелодию.

У Вольдемара закружилась голова, будто тисками сдавили голову, он закрыл уши ладонями, но это не помогло. Вэрд закатил глаза к потолку и продолжил заунывно петь. Превозмогая мерзостный голос Вэрда, Вольдемар выкрикнул:

— Вэрд! Ты что?! Завел себе собаку? Чем у тебя все время так воняет?!

Вэрд тут же вышел из медитативного транса и четко, без ошибок произнес:

— Нет у меня никакой собаки! И отродясь не было! Я живу один, это мое к-к-к, кр-р, крь, кырь,

кря... — Тут Вэрд снова запнулся и опять со свойственным его речи характерным заиканием вылепил уродливое слово «кредо». — К-к-рыдо! Кыдо! Кыдо!

— Ладно, Вэрд! Это все лирика! Ты лучше скажи, ты сделал, что я тебя просил?

— Обыжаешь! Усе сделано в лучшем виде! Как настоящий, ну практически как... — Вэрд вынул из ящика стола небольшой целлофановый сверток, размером чуть больше спичечного коробка.

Вольдемар протянул Вэрду несколько бумажных купюр, аккуратно скрученных в трубочку и плотно стянутых резинкой от бигудей. Костик Вэрд брезгливо, двумя пальцами, как прокуренные проститутки держат тонкую сигарету, цинично взял деньги. Затем, ехидно поморщившись, сорвал резинку, опоясывавшую скромные банкноты. Далее со знанием дела, изрядно послунявив большой палец, быстро пересчитал несколько раз полученную наличность и, убедившись, что все в порядке, убрал скомканные купюры в передний карман поношенных джинсов. Поразмыслив еще секунду-другую о подлой продажности этого мира и сделав длинный глубокий вдох, Вэрд наконец-то изрек:

— А-а-ай! Не люблю я все это дело, ты же знаешь. То у девочек по вызову, то у курьера, привозящего мне пиццу, нет сдачи. Приходится оставлять этим говнюкам чаевые! Терпеть не могу оставлять чаевые! За что, спрашивается?! Они и так зарплату получают!

— Ну, как бы уважение... И все такое...

— А-а-ай! Увшение, ува-ва-ва... Увашение! Слишком жирно им будет! Старайся в следующий раз переводить мне д-деньги на карту по безналу.

— Следующего раза, надеюсь, не будет, — отнекивался Вольдемар.

Надо признаться, что столь длительное присутствие в гостях у Вэрда стало его серьезно тяготить. От вонючей квартиры опять закружилась голова.

— А-а-а! Глупости, все так говорят. Опять ко мне обратишься. Вэрд, сделай мне то, Вэрд, сделай мне се! Жизнь, она штука такая... Хитрая и с большими яйцами, как у слона!

Продолжение следует.

Александр МИХАЙЛОВ

О себе

Я уроженец Санкт-Петербурга, могу счесть мою родину, что проживала в нем, аж с начала XIX века. Родился в 1966 году в Ленинграде. В десятилетнем возрасте понял, что непременно стану писателем. К сожалению, осуществить свою мечту оказалось непросто. Я и не подозревал, что на это уйдут годы. Будучи уже подростком, чуть было не стал столяром-краснодеревщиком, но вовремя одумался. Одно время мечтал стать и композитором, но в музыкальную школу меня не приняли, чему я теперь несказанно рад.

Женился в девятнадцать лет. Спешу добавить, что живу со своей женой до сих пор.

В 1990 году я и моя жена переехали на Запад. Десять лет мы прожили в США, до тех пор, пока в конце 1999 года мы оба не получили американское гражданство, а пару месяцев спустя, в 2000 году, мы уже жили в Европе.

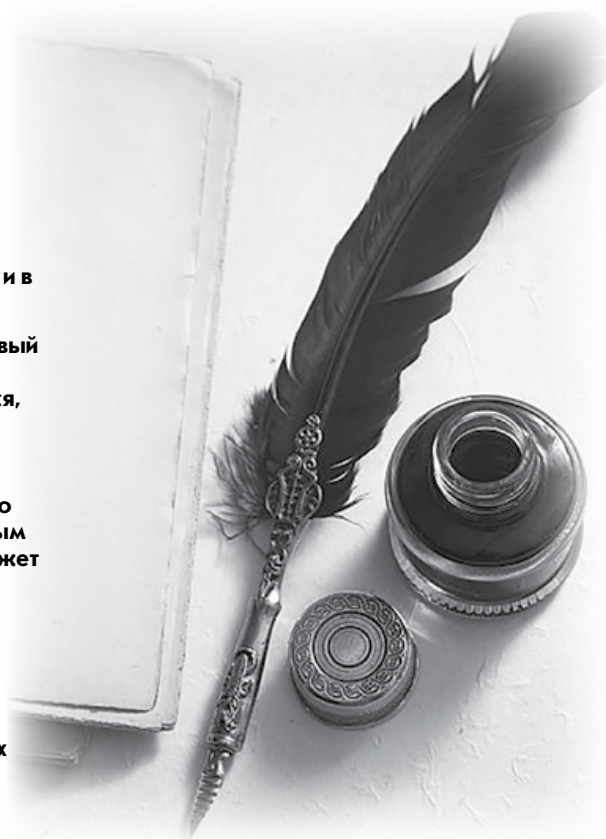
Так уж вышло, что в течение семнадцати лет, с 2000 года и до недавнего времени, мы переезжали из страны в страну; жили и в Чехии, и в Финляндии, и в Турции, и в Латинской Америке.

Литературной карьерой я занялся уже вполне серьезно в первый год нашего проживания в Америке. Так уж меня заела тоска, что я засел за свой первый роман, в основном чтобы отвлечься, да и в память о своей детской мечте. Писал его на русском, совершенно не представляя, где и как я его издам. Позднее выучил английский, на котором я теперь говорю и пишу совершенно свободно, что позволило мне наконец хоть как-то протиснуться в литературный мир, хотя бы и под англоязычным псевдонимом (иначе бы никто не поверил, что иностранец может грамотно и главное — литературно писать на втором языке).

В настоящее время я и моя жена проживаем в Латинской Америке, на континенте жарком и экзотичном, куда мы вернулись после наших европейских странствий.

За все эти годы мне посчастливилось опубликовать серию рассказов и поэзии (на английском) в маленьких литературных журналах в США, Финляндии, Новой Зеландии. Пожалуй, на сегодняшний день самым серьезным достижением на литературном поприще является моя в некотором роде псевдоисторическая сатирическая повесть (You are History), что была издана в электронном варианте компанией Barnes & Nobles and on iTunes несколько лет тому назад.

Впрочем, излишне говорить о том, что моей самой заветной мечтой всегда было и есть издаваться в России.

ИНОСТРАННЫЙ АКТЕР

Тут вдруг разнесся по нашему городу слухок, что известный по всему миру зарубежный актер Марсель Беломундо, которого мы все любим и все фильмы которого засмотрели до дыр, переезжает в наши края, поскольку он там у себя, на своей исторической родине, крепко со всеми пересобачился. Ну и решил плюнуть им в морды их наглые и перебраться к нам на постоянное место жительства, от греха подальше, и чтоб всем его соплеменникам стыдно и завидно стало. А поскольку он и прежде выражал восхищение нашим городом (что и понятно — город-то наш славный, это вам всякий у нас скажет) и вообще вел себя как человек, достойный всяческого уважения, то посему никто и не удивился, что он к нам перебраться решил. Да и вообще... Ну отчего человеку, в самом-то деле, не поселиться в наших краях? Что, у нас хуже, чем у других, что ли? Небо, что ль, какого другого цвета у нас, или магазины раньше закрывают?

Да и в фильмах своих он уж не раз играл наши национальные, исторические и культурные роли. Так что ему все это должно быть близко и очень трепетно. Ну, помните сами, наверное, как его в роли Гришки Отрепьева, Змея Горыныча и какого-то там еще старичка доктора (сейчас уж не упомяну фамилию персонажа, но тоже хороший был фильм) все у нас полюбили! В кино так и помился народ, чуть все кино не разнесли. А все почему? Потому, что нашу душу понимает и ценит. Это нужно поощрять.

Но, кстати, как народ об этом заговорил, так тотчас начались и некоторые волнения. А все потому, что сказали (а кто первый сказал, осталось невыясненным), что прописали этого самого Беломундо не куда-нибудь, а прямо в наш дом, то есть, дескать, а не желает ли теперь господин Беломундо проживать в нашем городе по адресу такому-то, на улице такой-то, ну и так далее. То есть нигде в газетах адреса его будущего так прямо не указали, врать не буду, но у нас в доме все равно прошел слухок, что будет этот иностранный артист проживать именно у нас, в такой же, как и у всех, квартире. Вот, значит, какой он человек! Будет, дескать, в такой же фатере, как и мы все, грешные, жить, на тех же правах и с такой же канализацией, и не побрезгует. Ну, я вам доложу, что тут у нас в доме началось! Такой у нас переполох пошел, я вам этого и описать не смогу ни в словах, ни даже в междометиях. Особенно представители нашего женского пола взбесились! Вон и жена моя тоже стала меня ни с того ни с сего попрекать! Ты, мол, хоть морду свою умой да подстригись, как он в наш дом въедет, а то с тобой таким столкнется

артист на лестничной площадке, так его тотчас удар хватит! А сама все наряды новые примеряет, стерва. Нешто замуж за него собралась? Вот дура, честное слово! Да и другие бабы, особенно те, кто помоложе, хороши... Кто во что изгаляться начал (он-то, болтают, богач, денег девать некуда!). Короче, сумасшедший дом и кавардак полнейший! Кричат: а вдруг его вообще по квартирам водить будут, с делегацией? Ведь это просто неудобно будет! Тут надо марку держать, а какую там марку удержишь, если все парадные у нас заплываны, да во дворе собачье, извините, дерьмо? Короче, каждый гнет свое, каждый волнуется...

Кто-то говорит, нужно будет хлебом-солью его встречать...

Другие кричат, да на кой ему ваш хлеб-соль! Одурели вы совсем, что ли? Вы ему что получше вынесите, а то, не дай бог, подумает еще, что у нас тут жрать нечего!

Ну, естественно, надо и водочкой хорошей запасть (не нашу же ему косорыловку местного производства пить), и икоркой. Ну да понятно! А то вдруг иностранный артист к тебе заглянет на огонек, ну там соли одолжить или что, а тебе и за стол его не усадить, поскольку в доме хоть шаром покати! Да и не встречать же его в продранном халате да в трениках с пузырями на коленях-то? Срамота будет! А марку держать надо!

В общем, кончилось всё тем, что стали повышать в нашем доме общую культуру быта. Некоторые даже в драмкружок какой-то записались (ну это, положим, сдуру). Для детей своих гувернанток понавыписывали (а на какие шиши? Вот и верь после этого людям!). Многие иностранный язык учить принялись, поскольку этот самый актер, хоть его к нам и прописать задумали, а похоже, ни бельмеса по-нашему не говорит. Потом решили скинуться всем миром и дворника специального для нашего дома нанять, чтоб в ливрее у дверей стоял и дверь открывал, чтоб всё как в любом культурном месте было.

И такую, знаете, деятельность у нас по всему дому развели, что через неделю дом наш стало и не узнать. Все соседи друг другу кланяются, шляпы снимают — прошу вас, дескать, сударыня, только после вас! Все по-иностранному лопочут (кто во что горазд, а более — по вдохновению), дети сопли рукавом уже не утирают, а сморкаются в платочки, молодежь тоже гораздо культурнее стала, где попадя не плюет, по углам не тискается. Даже местный наш олигарх да богатей, Митрич Полмиллиона, порешил свою шикарную машину боле не в гараже держать, а на общей

парковке поставить (это чтоб она была всегда на виду, так что всякий, кто глянет на парковку нашу, сразу скажет, в этом доме, мол, и все богатые люди живут, солидные, не лохмотники). И телохранителям своим тоже наказ дал, чтоб с бандитскими мордами не ходили и старушек, если нужно, через дорогу перевести, и переводили бы, а кулачищи да пистолеты свои в носы народу чтоб не тыкали.

Ну вот, ждали мы его, волновались, а потом узнаем: ни в какой наш дом он, оказывается, переезжать не собирается, а купит себе свой отдельный кооперативный дворец (ну, тот самый, что на... улице стоит, в нем еще при советской власти райсобес был, а по-

сле в него наш Митрич переселиться пытался, да его оттудова турнули). Но это еще когда будет! А пока что заедет артист в наш город на денек, в музей наш забежит, оркестр наш послушает, речь толканет, а потом в Полинезию отправится на гастроли. А когда обратно вернется — неведомо. Понятно? Зря мы старались, значит! Но все равно, в нашем доме как-то культурней стало, словно это мы сами за границу переселились. Только Митрича-то нашего, миллионщика, болтают, уколошили тут на днях. Так что его бомбовоз больше на парковке нашей не отвечает. Ну, это и хорошо! А то ни пройти было, ни проехать.

Господа, если вы мои стихи напечатаете, то сообщите, в каком номере они будут.

Я хочу

Уж сколько лет планета существует,
Да столько лет поэт живет на ней.
Написано про все, о всем и всяко.
Но все ж пытаются писать острей, живей.
Права была певица, что сказала:
— Не важно, что ты говоришь мне, важно как!
Вот и хочу я, чтобы поэзия осталась,
То есть красота, а не словесный сей бардак!
— Я знаю, что вы скажете сейчас мне.
— Да ты откуда взялся, кто таков?
Да я никто, друзья. Обидно мне, поверьте,
За слово русское. И тут без дураков.

Сергей Терновский, Кишинев

Галка ГАЛКИНА:

Дорогой Сергей, отвечаем Вам словами Вашей любимой певицы, которую Вы процитировали:

Да не важно, что ты сказал,
Ведь не важно что, а как,
Я тебя слышала, я поняла,
Да и ты далеко не дурак...

Судя по всему, вышеозначенная исполнительница, а речь, насколько я могу понять, идет о Елене Ваенге, произвела на Вас столь мощное и неотразимое впечатление, что Вы стали ее рупором. Думаю, Ваенга должна Вами гордиться. Тексты песен у Вас с нею приблизительно одинаковые. Вот — Ваенга:

Если бы ты знал, как мне жаль,
Если бы ты знал, как болит,
Если бы ты видел мою печаль в лицо,
Ты бы узнал, что она говорит.

Как говорится, у кого чего болит... И у Вас, у Ваенги болит (или, если угодно, зудит) в одном и том же месте. И мы рады. За вас обоих. Хочется прослезиться и спеть:

И я уже не прятала своих счастливых глаз,
Украдкой мама плакала от радости за нас!

Сергей, сбылось, напечатали, накрывайте поляну, заказывайте Ваенгу. Приглашайте, вылетаем ближайшим рейсом!

ПРОКАЗНИК ГЕО, ЧЕЛОВЕК-КРИТИК

В ПОИСКЕ
МАТЕРИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Проказник Гео уже пытался влезть в литературу под именем Рутко (он же Рудко) — Рутковский (возможно, Рудковский). Совмещает в себе черты, выявленные в литературной традиции советской критикой, а именно Солженицына, Бродского и некоторых безвестных литераторов, одновременно являясь литературным власовцем, литературным трутнем и литературным пигмеем. Пастернака он по-прежнему не читал, но по-прежнему осуждает. Иные признаки биографии практически отсутствуют или слишком туманны. Ясно лишь одно: до берегов Туманного Альбиона Гео уже не доехал, а до Колымского края не доехал пока. На этом пока и остановимся.

Сергей Шаргунов. «Свои»

«Новый сборник “Свои” — это проза очень личная. О родных, о любви, о памяти. Свои — образы, мысли, люди. Знаменитые предки автора и его маленький сын. Статист из телевизионной массовки и одиночка, стерегущий в тайге взлетную полосу. И даже наглый депутат-толстяк и робкая северо-корейская официантка. Все — свои. Потому что всех жалко...»

— Да нет, — сказал Костя, — гляди, веко дрожит. Она мучается. Надо ее убить. А то долго будет мучиться.

— Убить? — переспросил я.

— На! — Аня решительно протянула мне спицу. — Уколи ее! В сердце! Не бойся, это будет по-настоящему добрый поступок.

— А где сердце? — растерялся я.

— Я покажу!

— Мы покажем! — с каким-то сатанинским ликованием подтвердил Костя.

— Коли!

— Но это же чтоб не мучилась? — неуверенно переспросил я.

И стал колоть. «Не сюда, выше», — координировали дети. Ящерица неожиданно задергалась.

Значит, она была ничего? Но уже проткнута? Значит, теперь надо уж точно добить? И я протыкал ее снова и снова, с нажимом, с отчаянной решимостью, со слезами, думая, что, убивая, избавляю ее от мучений. А сердце обливалось кровью...

Проказник Гео, человек-критик:

Вспоминается ленинское, когда Ильич слушал «Аппассионату» Бетховена: «Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно!»

Так и депутат всех вроде бы должен жалеть: и депутата-толстяка, и северокорейскую официантку, и ящерицу, а писатель берет спицу и убивает, чтобы не мучились.

Писатели, они такие: внезапные и противоречивые все. Или, как говаривал сам Ильич о Толстом, матерый человечище!

Шаргунов — писатель матерый!

Инженеры человеческих душ

*Проза...
Проза...
Проза...*

Георгий КУЛИШКИН
Читайте на стр. 61

Лицом к лицу

Сергей ЕСЕНИН и Максим СКОРОХОДОВ
Читайте на стр. 22